

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2018

Выпуск изображений

Марек Новаковский (1935–2014) дебютировал в литературной периодике в 1957 году, а уже годом позже он выпустил первый сборник рассказов — «Этот старый вор», который не только принес ему признание литературной критики, но и (особенно после выхода в 1962 году второй книги — «Бенек Цветовод», в главном герое которой можно найти сходство с бабелевским Беней Криком) создал ему репутацию автора, увлеченного своеобразной «экзотикой» социального дна. (Лешек Шаруга, Летописец чести в Польше, НП 7-8/2014)

То, что социологи называют «маргинальными слоями», в творчестве Новаковского предстает одним из немногих островов порядка — в том числе морального — в мире послевоенных руин и хаоса. Автор наделен великолепным слухом, позволяющим передать тональность и атмосферу воспроизводимых разговоров, ему свойственны обостренная наблюдательность, чуткость к ритму и климату перемен. Это позволило ему довольно скоро — в книге рассказов «Парень с голубем на голове» (1979) — зафиксировать распад остатков кодекса чести: новое поколение уже не признает кодекса старших, живет в мире, навязанном системой, не придерживается норм, еще недавно обеспечивавших независимость этой специфичной группе, которая теперь, как и все прочие, все больше погрязает в действительности «реального социализма». (Лешек Шаруга, Летописец чести в Польше, НП 7-8/2014)

Однако система эволюционирует, что точно отражено в писательской хронике Новаковского: бунт рабочих и восстановление — благодаря «Солидарности» — общественных связей и нравственных принципов приводят к тому, что власть, введя военное положение, ставит вне коммунистического «закона» большую часть общества. Этой теме и посвящен цикл рассказов, составивших «Рапорт о военном положении» (1982). После 1989 года Новаковский продолжал следить за общественными переменами, выражением чего стала, в частности, замечательная повесть «Номо polonicus» (1992). (Лешек Шаруга, Летописец чести в Польше, НП 7-8/2014)

Разумеется, это только идейный костяк прозы Новаковского, своего рода редукция, но она указывает на преобладающий в его творчестве этический аспект. Следует подчеркнуть, что почти с самого начала своего существования в литературе автор «Князя Ночи» был критиком системы, активно протестующим против цензуры, публиковавшимся в эмигрантских издательствах. Он был одним из создателей первого, возникшего в 1976 году, подпольного литературного журнала «Запис», был членом Комитета защиты рабочих и ряда других независимых общественных инициатив. (Лешек Шаруга, Летописец чести в Польше, НП 7-8/2014)

Своеобразным противовесом радикальным, разоблачительным выступлениям писателя стали полные лиризма и тепла повести об уходящих в прошлое людях и пейзажах Варшавы (три сборника из цикла «Отблески», 1995–1998). В последние годы Новаковский несколько раз поражал сменой тона, например, опубликовав прекрасный, волнующий рассказ «Ампир» (2001) — о мальчике, которого отец из благих побуждений обманывает, желая привить ему восхищение довоенным миром, символом которого служит гостиница «Ампир». (Дариуш Новацкий, К 70-летию Марека Новаковского, НП 12/2005). Все фотографии: К. Дубель

Содержание

1. Упакованный
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Экономическая жизнь
4. Политическая неопределенность вредна банкам и бизнесу
5. Польша — в зону евро: пора действовать
6. Как много неизвестных рыб
7. Частицы памяти
8. Возвращение реки
9. Бышевы
10. Сады
11. Интимная биография Ярослава Ивашкевича
12. Культурная хроника
13. Выписки из культурной периодики
14. Мундир
15. Поляки и Достоевский
16. Пресса «задрутников»
17. Юлиуш Кляйнер и Дмитрий Философов
18. Иван Вырыпаев — польский период жизни и творчества

Упакованный

Перевод Полины Козеренко

О человеке, который сам себя отправил, и что из этого получилось.

Т. был обычным молодым мужчиной из варшавской Праги^[1]. Два года назад Т. женился на С., и почти сразу у них родился сын. Жена и сын не работали, получалось, что Т. — единственный кормилец. Он работал разносчиком пиццы. У семьи был невыплаченный сорокатысячный потребительский кредит.

Р. был свояком Т. Их объединяла обычность, похожий возраст и район. Свояк никого не содержал. Жизнь вел праздную, что вовсе не означало отсутствие забот. По профессии был неработающим парикмахером, поэтому ему вечно ни на что не хватало. Как окажется впоследствии, не хватало ему даже на бутерброд с котлетой.

Через два года после свадьбы Т. и С. в полицию Бялоленки^[2] поступило заявление об ограблении фуры в рейсе. О недостатке шести мобильных телефонов и электронных измерителей сообщил Е., специалист по безопасности курьерской фирмы в Праге. Кража не поддавалась логике. Е. рассказал об устройстве технологической линии по обслуживанию отправок: автоматический сканер считывает их и сортирует по рукавам, а затем по ячейкам. Подъезжают фуры, грузят почту и, опломбированные, отправляются по местам назначения.

Упомянутая фура февральской ночью направлялась в город Лодзь. В дороге произошла поломка. На место происшествия в согласии с инструкцией была направлена другая машина, которая забрала прицеп и отправилась к клиентам. Водители были вне подозрений, пломба не нарушена, датчик движения в прицепе не зафиксировал проникновения в грузовую часть, и все же девственная целостность груза была нарушена путем ограбления. Пропало товара на сумму порядка пятидесяти тысяч.

Единственным связующим звеном между этой спланированной акцией и супругами Т. и С. оказался

принадлежавший Т. мобильный телефон, найденный в прицепе.

Т., разносчик пиццы, был слегка раздражен. Жена не спрашивала его, куда он идет на ночь глядя, это могло взбесить его еще больше. За день до исчезновения Т. взял отгул в пиццерии и без дела слонялся по квартире, иногда играл с ребенком. Только раз он долго говорил по телефону на тему стоимости почтового отправления. Жена не мучила его расспросами, он и без того нервничал. Выходя около полуночи, Т. успокоил ее, сказав, что они поговорят после его возвращения.

Однако С. не была настолько глупа и догадывалась, что ночные смс от мужа приходят изнутри посылки. Это означало, что Т. вышел на дело всей своей жизни. Докладывая в режиме реального времени о ходе загрузки на платформе, Т. психовал: «Я конкретно чуть не обосрался эти козлы там блин стояли и пинали ящик». Успешно пройдя рутинный контроль и получив электронный штемпель, ликовал: «Этот дебил открыл и даже не посмотрел, прикинь :)))». К жене он обращался «дорогая». Дорогая должна была поехать к Р., свояку и мастеру женских и мужских стрижек, и тот должен был все ей объяснить. Когда впоследствии по этому делу допрашивали «сотрудника, ответственного за транспортировку крупногабаритных грузов», тот признался, что у него не было соответствующих инструментов для верификации отправок. Более того, он осуществлял проверку впервые, так что у него не было необходимых навыков. Он заглянул через щель и выявил две торчащие трубочки.

После полуночи Т. внутри посылки стало плохо: «Самое ужасное, что я дышу через трубку». Около двух часов он впал в панику: «Ничего не могу найти». А когда фура сломалась, Т. — разносчик пиццы — четко определил ситуацию в смс: «У этого мудака-водителя, кажись, тачка накрылась, не может завести».

Утром мобильный телефон Т. отправили обратно из Лодзи в Варшаву. Конечным пунктом назначения значился полицейский участок в Бялоленке. Т. звонила мама, кассирша в магазине. Удивлялась, что его телефон делает в Лодзи без хозяина. У Т. с матерью были близкие отношения, как у многих семей из Праги. По воскресеньям они встречались на семейных обедах. Сын ничего не упоминал ни о каких поездках, а ни один нормальный клиент не закажет пиццу из Варшавы в Лодзь. Получается, Т. был с мамой нечестен. За неимением своего телефона Т. взял на работу в пиццерии аппарат жены. Она ни о чем не спрашивала — уже привыкла. Он

часто оставлял на ночь свой мобильный в разных местах вне дома. Кроме того, телефон был подарком мужа, как же она могла отказать? С. вспомнилось, что где-то год назад по Праге ходила легенда о лихаче, который сам себя отправлял в крупногабаритных грузах и чистил фуры в рейсе. Лихач вызывал уважение, хотя никто не знал, существовал ли он в действительности.

С. не была сумасшедшей, и когда ночью Т. чистил фуру, она не звонила ни разу, потому что была ему верна. Поняла — если Т. влез в посылку и дал себя облепить наклейками со штрих-кодом и завернуть в пленку, то у него была цель.

Конечно, следствие по делу было довольно простым. Основная часть длилась два дня, было много признаний. Затем более месяца пражская прокуратура изучала практические вопросы отправления людей курьерской почтой. Если принять во внимание одну лишь ловкость, дело заслуживало чего-то вроде восхищения, однако из-за потери телефона на операции такого калибра Т. мог прослыть лохом, что на районе было равнозначно смертному приговору. Именно этим объясняется столь высокий уровень защиты личных данных в данном газетном сообщении.

Р., неработающий парикмахер, так описывал свои отношения с Т., разносчиком пиццы и свояком: «Раз я к нему еду, раз он ко мне приезжает». За полторы недели до дела Т. обратился к свояку за помощью в сооружении каркаса с применением угловых профилей. Р. воспринимал информацию визуально, поэтому попросил нарисовать, что тот имел в виду. Затем, согласно схеме, аккуратно все собрал, внутри установил небольшой стул и выложил стенки пенопластом. Сверху вставил дверцы на хитроумно спрятанных петлях. Парикмахер не спрашивал разносчика пиццы, зачем ему эта конструкция, а сам разносчик не вдавался в подробности.

Каково же было удивление парикмахера, когда свояк явился однажды ночью и влез в этот ящик, оставив записку с адресом отправителя и получателя и предупредив, что вот-вот за ним приедет транспортная компания. И действительно, вскоре показался пикап. Посылка была такой тяжелой, что загружать ее в машину помогали даже прохожие. Машина отправилась в офис курьерской службы. По дороге парикмахер старался вести с водителем разговоры главным образом о погоде, но водитель попался любопытный и задавал много вопросов. Тогда парикмахер впарил ему сказку о старинном комод.

Версии с комодом со стеклянными дверцами он придерживался и далее, когда, тщательно натянув капюшон, сопровождал свояка в фуру аж до Лодзи. За груз заплатил

наличными порядка тысячи злотых. Это было вложение, которое на короткое мгновение окупилось с лихвой.

Тут в документах этого прецедентного дела появляется фигура экономиста с высшим образованием. Экономист был безработен и не отягощен обязательствами, ибо был разведен и бездетен, однако при этом, как и все герои, алчен. Он утверждал, что выдумал эту штуку с посылкой, а затем сбыл краденое на базаре Ружицкого на Тарговой улице за две тысячи. В своем поступке он раскаивался. К сожалению, больше о нем мы ничего не знаем, так что возможно, он был просто случайной «ошибкой в документах». За отсутствием дальнейших упоминаний об экономисте мы можем считать свояков с Праги единственными мозгами аферы. Разносчик пиццы пять лет назад работал в той транспортной компании, которая должна была его доставить, так что ориентировался в погрузочно-разгрузочных процедурах.

Итак, Т. был в ночном рейсе в Лодзь и совершал кражу. Тем временем в три часа ночи за Р., парикмахером, на машине приехал В., портной. В. и Т. познакомились на работе, но В. и Р. этой ночью виделись впервые. Молча ехали в Лодзь, чтобы там получить груз. На место прибыли слишком рано, поэтому в ожидании посылки немного дремали, немного шатались по округе и курили. Машину припарковали у гаражей на окраине города. В. был настолько поглощен управлением и его так грела мысль о 400 злотых, которые ему пообещал разносчик пиццы, что вообще забыл спросить, в чем, собственно, дело. Р. же был не в духе, потому что над ним висел штраф за разбитое окно в ресторане на Таргувеке неделю назад ночью. По версии полиции Таргувека, все обстояло так: кто конкретно выбил стекло — неизвестно, но директор ресторана заметил типа, который вертелся поблизости и мог совершить правонарушение. Патруль «установил слежку за мужчиной», задержал пьяного парикмахера и двух его дружков, с которыми тот был знаком лишь шапочно. По их словам, в два часа ночи они как раз ехали навестить знакомого в Брудно^[3]. Один из них предпринял слабую попытку бегства, но учитывая, что за ним гналась машина, решил остановиться и спросить, что происходит. Однако разговора не получилось, его тупо скрутили. Ранее Р. требовал бутерброд с котлетой, но у него не было соответствующего чека, на основании которого бутерброд мог быть ему выдан. Директор причислил Р. к вымогателям продуктов питания. Тогда Р. как-то так в расстройстве махнул рукой и разбил окно в ресторане, в чем сам признался и ждал, что будет дальше.

У гаражей в Лодзи появилась фура курьера. Р., В. и водитель выгрузили посылку. Парикмахер пальцем указал портному на ящик собственного изготовления и сообщил, что внутри находится гениальный разносчик пиццы с Праги. Вообще-то Т. уже докладывал собственным голосом изнутри посылки, что чувствует себя неплохо. Портной желал знать, во что его впутали, говорят, он все не мог уняться и задавал кучу вопросов. Вскоре после возвращения из Лодзи он избавился от сим-карты, которую получил на время операции. Эта дополнительная анонимная сим-карта свидетельствовала о том, что Т. продумал все в деталях.

В Варшаву возвращались на машине портного. Разносчик пиццы любовался на вынесенные ценности, будоража свое воображение. Считал, сколько получит за них на базаре. Портному велел не дергаться. Только вот Т. нигде не мог найти своего моби́льника.

Приговор по делу был вынесен пражским районным судом по прошествии восьми месяцев с того момента, как Т. и соучастники попались из-за этого чертового телефона. Разносчик пиццы получил полтора года условно и штраф, парикмахер — год условно и штраф, а портной девять месяцев условно и тоже штраф. Парикмахеру еще дополнительно накрутили полгода условно за преднамеренно разбитое окно в ресторане. Большую часть штрафа мужчины оплатили, проведя почти два месяца в сизо в ожидании приговора.

2015

Из книги М. Колодзейчик, «Периферийщик», изд-во «Велька литера», Варшава, 2017

-
1. Прага — здесь и далее: район Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы и пользующийся репутацией криминального. — Примеч. пер.
 2. Бялоленка — район Варшавы в северной части города. — Примеч. пер.
 3. Брудно — микрорайон на севере Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы. Входит в состав района Таргувек. — Примеч. пер.

Хроника (некоторых) текущих событий

- Фрагмент выступления президента Польши Анджея Дуды в Каменной Гуре 14 марта: «Очень часто люди говорят так: зачем нам Польша, куда важнее Евросоюз. (...) Пусть они вспомнят, как Польша 123 года находилась под чужим владычеством. Когда в конце XVIII века Польша потеряла свою независимость и исчезла с карты Европы, тоже были те, кто говорил: может, это и к лучшему. (...) Сегодня где-то далеко, в чужих столицах, принимаются решения о том, как нам жить, делят наши деньги, которые мы зарабатываем, трудясь ради чужого обогащения». («Факт», 15 марта)
- «Мне кажется, это было продуманное заявление, свидетельствующее о том, что власть предержащие — несмотря на то, что они все отрицают — готовят Польшу к выходу из объединенной Европы. (...) Если так пойдет дальше, может оказаться, что главным союзником Польши станет... Россия», — Роберт Кусь, главный редактор. («Факт», 15 марта)
- «Ученые из Польской академии наук бьют тревогу: в стране появились тенденции, свидетельствующие об отступлении от европейских ценностей и подрыве фундаментов, на которых держится ЕС. В докладе ученого сообщества также говорится, что глобальная стратегия властей, пусть и неофициально, направлена на организацию “полэксита”», — Ольгерд Лукашевич, председатель Союза работников польской сцены, основатель фонда «Мы — граждане Евросоюза» («Жеспосполита», 16 марта)
- «Как только я намереваюсь положительно отозваться о Евросоюзе, нашей второй родине, это квалифицируется как политический жест, и людей охватывает страх. (...) Участвуя в различных встречах, я общаюсь с людьми, которые говорят: “Мы думаем так же, как и вы, только давайте вы скажете о ЕС где-нибудь в самом конце, чтобы это не так бросалось в глаза, потому что мы не можем делать таких заявлений”. Боятся! (...) Все эти антиевропейские выходки: госпожа премьер-министр убирает флаг ЕС, чтобы не выступать на его фоне, мальчик заявляет, что в Брюсселе за голубым флагом скрываются коммунисты, поэтому нужно уничтожить Брюссель, а люди ему аплодируют! На марше независимости раздаются крики: долой Брюссель! И еще эта борьба с Туском. Как тут не вспомнить о виселице в Катовице, на которой повисли

фотографии евродепутатов. А правящий лагерь не реагирует. Он всё это разрешает. (...) Сегодня Евросоюз — это страж европейских ценностей в Польше. (...) Я убежден, что говорю от лица миллионов поляков. За два с половиной месяца мой профиль на фейсбуке посетили 1,14 млн человек. (...) Я обвиняю нынешнюю власть в том, что она заставила польское общество изменить свое отношение к Евросоюзу. Посеянный властями страх и недоверие к ЕС должны остановить нашу евроинтеграцию. А я — активист, который выступает за то, чтобы эта интеграция была как можно более глубокой!», — Ольгерд Лукашевич, председатель Союза работников польской сцены, основатель фонда «Мы — граждане Евросоюза». («Пшеглэнд», 3–8 апр.)

- «Во вторник ситуация в Польше вновь обсуждалась на встрече министров ЕС по европейским делам, составляющим Совет по общим вопросам ЕС. (...) “Мы видим, что Польша готова к поиску диалога с Европейской комиссией. Однако наши ожидания абсолютно конкретны: мы надеемся, что Польша учтет замечания комиссии и внесет соответствующие изменения в свое законодательство”, — заявил немецкий министр Михаэль Рот перед началом заседания». (из Брюсселя Томаш Белецкий, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 21 марта)

- «Варшава станет вторым городом после Парижа, который навестит канцлер Германии, в минувшую среду в четвертый раз возглавившая немецкое правительство». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 20 марта)

- «Спустя два года Качинский высказывается о ЕС уже в другом тоне: “Мы планируем внести в законодательство изменения, согласованные с Европейской комиссией. Это нелегко, однако ситуация нуждается в нормализации”. (...) В другом месте заявляет: “Всю свою политическую карьеру я посвятил тому, чтобы Польша заняла как можно более сильные позиции на Западе и была его интегральной частью”». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 5 апр.)

- «Во вторник Общее собрание судей Верховного суда обсуждало ситуацию в правовом поле, сложившуюся после вступления в силу президентской реформы Верховного суда. Судьи почти единогласно выступили против нарушений конституции президентом Анджеем Дудой и партией “Право и справедливость”. За такую резолюцию проголосовали 68 судей, двое воздержались». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 4 апр.)

- «Законы о Национальном совете правосудия и Верховном суде усиливают риск подверженности судей коррупции, а также делают их зависимыми от исполнительной и законодательной ветвей власти, утверждает GRECO (Group of States Against Corruption, Группа государств против коррупции), одна из

структур Совета Европы, и предлагает скорректировать их». (из Брюсселя Анна Слосовская, «Жечпосполита», 29 марта)

• «Судья Эйлин Доннелли из Ирландии поставила перед Европейским судом вопрос — является ли Польша правовым государством? (...) Речь идет о деле Артура Целмера (...), задержанного в Ирландии (...) на основании выданного Польшей европейского ордера на арест. (...) По мнению судьи, масштаб изменений в польской правовой системе настолько огромен, что можно говорить о “системном разрушении” правопорядка. (...) “Складывается впечатление, что Польша не разделяет общеевропейских ценностей, соблюдение которых необходимо”, — заявляет судья Доннелли. Она также утверждает, что в Польше существует угроза правопорядку и демократии, и это делает документы, выданные на арест, не заслуживающими доверия». (из Брюсселя Анна Слосовская, «Жечпосполита», 14 марта)

• «Проф. Малгожата Герсдорф отвечает на “Белую книгу правосудия”, которую премьер-министр Матеуш Моравецкий на прошлой неделе привез в Брюссель. (...) Первый председатель Верховного суда пишет, что правительство представило искаженную, а местами просто ложную информацию. (...) “Это не напряженные отношения между различными ветвями власти, а революция в сфере правосудия, в ходе которой нарушаются положения конституции, уничтожается независимость судебной власти”, — считает Герсдорф». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 16 марта)

• «Ассоциация польских судей “Юстиция” отвечает на обвинения правительства, выдвинутые в так наз. “Белой книге правосудия”». «В 30 пунктах ассоциация разделяется с каждым из обвинений правительственной книги. (...) Вдобавок, согласно рейтингу “World Justice Project” за 2017–18 гг., уровень отсутствия коррупции в польском судебном сообществе весьма высок (этот показатель составляет 0,86 относительно единицы, принятой за идеальный показатель). На противоположном полюсе находится исполнительная власть с показателем 0,52». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 15 марта)

• «Рышард Рейф сам отказался от членства в Ассоциации польских судей “Юстиция”. Кшиштоф Добкевич (...), Эва Фелинчак (...) были исключены из организации по решению коллег. Все трое были назначены на свои должности министром юстиции Збигневом Зеб्रो в порядке, предусмотренном новым законом о судах общей юрисдикции». («Газета wyborcza», 26 марта)

• Судьи «Доминик Чешкевич и Петр Тарашкевич в прошлом году оправдали активистов Комитета защиты демократии, обвиняемых в нарушении общественного порядка на выставке,

посвященной генералу Владиславу Андерсу. (...) В отношении судьи Чешкевича возбуждено дисциплинарное производство, а судья Тарашкевич наказан административным штрафом по служебной линии. (...) Уполномоченный по правам человека решил вмешаться в ситуацию с этими двумя судьями. (...) Он, в частности, обращает внимание, что только два обстоятельства могут служить основанием для дисциплинарного производства в отношении судьи — если судья совершил явное и вопиющее нарушение норм права либо если поступок судьи грубо нарушает принципы профессиональной этики». (Эва Иванова, «Газета wyborcza», 23 марта)

- «Члены организации “Граждане Речи Посполитой”, стоя с транспарантами перед комиссариатом полиции, не совершили никакого проступка — так решил вроцлавский суд, оправдав обвиняемых полицией активистов и обязав государственное казначейство заплатить им по 360 злотых». «Полиция требовала наказать каждого демонстранта штрафом в размере 500 злотых, утверждая, что во время пикета был причинен ущерб... Управлению дорог и содержания города». (Магдалена Козел, «Газета wyborcza», 30 марта)

- «Судья районного суда Варшава-Средместье Юстина Коска-Януш подала в суд на министра юстиции Збигнева Зёбро. (...) Она считает, что несправедливая оценка, которую ей дал министр, задевает ее доброе имя и подрывает доверие к ней, необходимое для работы. (...) Ответчик через своего представителя, адвоката Мачея Заборовского (...) просил отклонить иск, ссылаясь, в частности, на принцип свободы слова. Суд постановил, что слова ответчика порочат честь и достоинство истицы. (...) На этом основании оспариваемое сообщение должно быть удалено с сайта министерства, кроме того, министр обязан разместить на главной странице интернет-портала министерства юстиции соответствующее заявление с извинениями. (...) Комментируя аргументы относительно свободы слова, судья Анджей Курылек подчеркнул, что прислушался бы к ним, будь ответчиком простой гражданин, которому разрешено всё, что не запрещено. Органам же власти, напротив, запрещено всё, что не разрешено — ни много, ни мало, пояснил судья». («Жечпосполита», 3 апр.)

- Так называемый «закон о разжаловании» «предусматривает лишение званий всех членов Военного совета национального спасения (предписавшего Государственному совету объявить 13 декабря 1981 года о введении военного положения), в частности, генерала Войцеха Ярузельского. Министр обороны получил бы также возможность лишить званий офицеров, служивших в Войске Польском в 1943-1990 гг. и “вредившим польским государственным интересам”. Основанием для таких

решений должно было быть заключение Института национальной памяти. Генералов и адмиралов званий лишал бы президент страны». (Павел Вронский, Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 31 марта — 2 апр.)

• «Проталкиваемый правящей партией “закон о разжаловании” позволяет политикам осуждать и наказывать умерших. Это нечто небывалое в истории европейской цивилизации, чей древнеримский и христианский фундаменты основывались на принципе, согласно которому судить и наказывать можно только живых. (...) Осуждение и разжалование покойников выглядит как самое обычное варварство», — проф. Томаш Наленч. («Газета wyborcza», 19 марта)

• «Сейм превратился в машину для голосования. Никто уже не обсуждает содержание законов, важен только темп работы. Результаты неутешительны, как в случае с этим несчастным законом об Институте национальной памяти, законом, ведущим в тупик. (...) Чем они соблазняют избирателей? Иллюзией силы и эффективности», — Марек Белка, бывший премьер-министр. («Ньюсуик Польска», 19-25 марта)

• «Более половины (55,4%) опрошенных Институтом рыночных и социологических исследований (...) считают, что власть не должна вводить законы, позволяющие лишать званий военных времен ПНР. Всего лишь каждый третий (31,8%) одобряет такие законы. (...) 55,8% респондентов не хотят, чтобы Войцех Ярузельский, Чеслав Кищак и другие лица, служившие в органах безопасности ПНР, были лишены воинских званий. Только 29% одобряют такое решение». («Жечпосполита», 28 марта)

• Президент Анджей Дуда в пятницу наложил вето на «закон о разжаловании». «“Я отказываюсь подписывать закон и направляю его в Сейм для повторного рассмотрения. Считаю этот закон ошибкой, — заявил Анджей Дуда. — Господин генерал Гермашевский был включен в состав Военного совета национального спасения, вероятнее всего, без своего согласия. Это был приказ, его заставили войти в этот совет. Такие люди, как Гермашевский, не имели тогда возможности отказаться. В правовом государстве наказывать за это недопустимо”. Анджею Дуде также не понравилось, что по новому закону многие люди были лишены званий посмертно, и поэтому не имеют возможности себя защитить. “У нас нет такой должности как уполномоченный по правам покойников”, — подчеркнул Дуда. Решение президента шокировало ПИС». («Супер экспресс», 31 марта — 2 апр.)

• «Надлесничества Борки и Крынки в Борецкой и Кнышинской пущах прекращают отплатное предоставление охотникам права на отстрел зубров, сообщил вчера генеральный директор

“Государственных лесов” Анджей Конечный. Как он пояснил, эта процедура вызвала “неоднозначную реакцию общества”». («Газета выборча», 5 апр.)

• «По данным столичной мэрии, 55 тыс. человек приняли участие в варшавском “черном протесте”, направленном против ужесточения законодательства об абортах. (...) Демонстрации и марши состоялись более чем в полусотне городов в Польше и за границей. (...) Демонстрации также стали выражением общественного возмущения позицией польских епископов, требующих ужесточения регулирования (а по сути запрета) легальных аборт в Польше». («Политика», 28 марта — 3 апр.)

• «Когда Цезарий Фурго в своем депутатском запросе в министерство народного образования использовал выражение “светская школа”, заместитель министра Мачей Копец в ответ проинформировал его, что “законодательство в области образования не определяет школу в качестве светского института”. (...) Когда местные СМИ впервые написали о реколлекциях, происходивших во время Великого поста на территории школы, шокированы были не только атеисты. Сегодня же это постепенно становится нормой. В коридорах организовываются процессии, молитвы, хоровое пение и даже крестные ходы, в спортзалах проходит причащение, а в классах — исповеди. (...) Школьный преподаватель основ религии часто выполняет функции политработника, стоящего на страже основ католической веры. Эти люди следят, чтобы по пятницам в школе не устраивались дискотеки и пытаются заменить хеллоуин балом всех святых». (Иоанна Подгурская, «Политика», 14-20 марта)

• «Благотворительная некоммерческая общественная организация “Большой оркестр праздничной помощи” и еще более десятка неправительственных объединений организовали сбор подписей под гражданским протестом относительно планируемых изменений в правилах, регулирующих публичный сбор средств. Общественники считают, что проект министерства внутренних дел и администрации неконституционен, поскольку позволяет властям по своему усмотрению приостанавливать сбор денег, а также забирать их себе и направлять на другие цели, определяемые министерством. Спустя пять дней министерство внутренних дел поздно вечером объявило, что отзывает законопроект. Перед этим призыв отозвать проект подписало около 90 тыс. человек». (Анита Карвовская, «Газета выборча» 21 марта)

• «Когда в начале 90-х годов возникали первые неправительственные организации, они не преследовали ни идеологических, ни политических целей. Занимались

конкретными актуальными проектами. И в этом суть третьего сектора. Однако нынешние власть предержащие видят в третьем секторе политическую силу. Протестные акции в защиту судов, манифестации женщин внушают им тревогу, воспринимаются как политические, а не гражданские акции. Сила гражданского общества всегда пугает людей с диктаторскими замашками», — Ежи Овсяк, создатель «Большого оркестра праздничной помощи». («Газета wyborcza», 12 марта)

• «Настолько скверной ситуации на государственной гражданской службе еще не было. (...) Множество опытных сотрудников покидает чиновничий корпус. Вот уже второй год подряд уменьшается количество высококвалифицированных чиновников, сдавших трудный экзамен либо окончивших Национальную школу государственного управления. Зато на 52% увеличились директорские кадры. (...) Всё потому, что последние нововведения в закон о государственной гражданской службе упразднили конкурсы на высшие должности, заменив их назначением. Выше начальника отдела без партийной поддержки по служебной лестнице уже не подняться. (...) В министерствах из 342 человек, назначенных на высшие должности, 132 пришли со стороны. В структурах воеводств люди, не связанные ранее с госслужбой, составляют почти половину новых директоров. Seriously разросся и штат управляющих. В конце 2016 года на государственной гражданской службе насчитывалось 2103 высших должности. Год спустя — уже 3197. 11,9 тыс. злотых составляет среднее вознаграждение на высшей должности государственной гражданской службы». (Катажина Вуйчик, «Жечпосполита», 4 апр.)

• «Мне 51 год, а впереди еще два года правления ПИС и не исключено, что и очередные четыре... Тогда мне уже будет 57. Снова всё создавать с нуля? Просить друзей, чтобы те снова поверили государству и оставили свои должности в частных фирмах ради восстановления системы изучения авиакатастроф? А потом к власти снова придет эта партия и все уничтожит? Не знаю. Это очень грустно, но некоторых вещей уже не исправить, а восстановление разрушенного займет не годы, а десятилетия», — Мачей Ласек, инженер, специалист по механике полетов, пилот, авиаинструктор и планерист, в 2012–16 гг. председатель Государственной комиссии изучения авиакатастроф (чтобы его уволить, партия ПИС изменила законодательство об авиации). («Ньюсуик Польска», 3–8 апр.)

• «Все департаменты и агентства заняты членами правящей партии. Создано более тысячи новых руководящих должностей и правительственных администраций, сменились почти все руководящие кадры. Уже в 2015 году был практически

уничтожен механизм набора на высшие должности гражданской службы. (...) Ближайшие муниципальные выборы будут как минимум на 400 млн злотых дороже, чем нужно. (...) Они будут дороже, поскольку ПИС изменила избирательное законодательство, так что будут камеры, удвоенный состав избирательных комиссий, суточные для членов избиркомов, которых будет в два раза больше. А реформа образования? Это безумные деньги! Премияльные — это самая невинная вещь, из-за которой можно будет предъявить претензии правящей партии. (...) Стяжательство в кампаниях, принадлежащих государственному казначейству, шокирует. Каждые несколько месяцев меняются правления, на зарплаты тратятся сотни тысяч злотых, на работу по-тихому принимают людей ниоткуда», — проф. Яцек Рациборский. («Газета wyborcza», 6 апр.)

- «Беата Шидло охотно награждает себя и своих министров, а они — своих подчиненных. В прошлом году в карманах чиновников всех министерств осело — внимание! — 113,7 млн злотых!» («Факт», 3 апр.)

- «Премии министрам за 2017 год (некоторые примеры — В.К.). Петр Глинский — 72 100 злотых, Ярослав Говин — 65 100 злотых, Матеуш Моравецкий — 75 100 злотых, Мариуш Блащак — 82 100 злотых, Мариуш Каминский — 65 100 злотых, Антоний Мацеревиц — 70 100 злотых, Ян Шишко — 70 100 злотых, Беата Шидло — 65 100 злотых, Витольд Ващиковский — 72 100 злотых, Анна Залевская — 75 100 злотых, Збигнев Зёбро — 72 100 злотых». («Газета wyborcza», 6 апр.)

- «Эти люди абсолютно легально получили премии за свою тяжелую работу. Ничего скандального здесь нет», — подчеркнул несколько дней назад Ярослав Качинский. «Министрам ПИС выплачены премии за их тяжелый добросовестный труд, и эти деньги принадлежат им по праву», — заявила Шидло». (Камиль Шевчик, «Супер экспресс», 31 марта — 2 апр.)

- «“Эти деньги принадлежат мне по праву!”», — гремела в Сейме во второй половине марта бывший премьер-министр Беата Шидло. Через две недели рейтинг правящей партии довольно выразительно снизился с 40 до 28%. (...) Опрос агентства “Kantar Millward Brown” также показывает, что три четверти поляков негативно восприняли информацию о премиях для членов правительства. Столько же респондентов раскритиковало слова, произнесенные Шидло в свою защиту». (Агнешка Кублик, «Газета wyborcza», 29 марта)

- «Министры и их заместители, являющиеся политиками, решили пожертвовать свои награды благотворительной организации “Caritas”, — заявил председатель ПИС Ярослав Качинский во время пресс-конференции в штаб-квартире

правлящей партии. — Политический комитет по моей инициативе сегодня решил направить на рассмотрение парламента законопроект о снижении депутатских зарплат на 20%». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 6 апр.)

• «Вокруг Ярослава Качинского формируется своего рода двор. (...) Уже заметно, что кадровый потенциал, очень бы пригодившийся, не используется надлежащим образом. (...) Многие толковые люди находятся сейчас на обочине политического процесса, и эта прослойка постепенно растет. (...) Сейчас, когда эта партия находится у власти, ситуацию дополняют большие возможности и еще большие аппетиты людей ПИС. Они долго мечтали о власти и теперь стараются побыстрее утолить этот свой голод. (...) То же самое было после мая 1926 года (т.е. государственного переворота, совершенного Юзефом Пилсудским — В.К.)», — Ян Ольшевский, премьер-министр в 1991–92 гг., адвокат, во время ПНР выступал в качестве защитника на политических процессах. («Дзенник газета правна», 16 марта)

• «Ведь здесь, в Польше, министром национальной обороны был человек, в окружении которого много лет находились люди, имевшие подозрительные контакты с Россией (Антоний Мацеревич был уволен со своего поста только в январе 2018 года — В.К.). А офицер военной контрразведки, изучавшей этот вопрос, была понижена в звании и подвергается преследованиям. Почему? Неужели поляки не понимают, что крайне правых в любой стране поддерживает именно Россия? И с помощью интернет-технологий, и финансово. Я не знаю, почему польское правительство не обращает на это внимания», — Энн Эпплбаум. («Дзенник газета правна», 2–4 мая)

• «45-летний Марек В., давно работающий в министерстве энергии, был в пятницу задержан Агентством внутренней безопасности. (...) В. поддерживал контакты с двумя офицерами российской разведки, работающими в российском посольстве в Варшаве. (...) Они собирались покинуть Польшу». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 27 марта)

• «Уже 14 стран ЕС отреагировали на химическую атаку в Солсбери 4 марта 2018 года высылкой российских дипломатов. (...) Польша предписала покинуть нашу страну четырем дипломатам». («Жечпосполита», 27 марта)

• «Четверо польских дипломатов должны покинуть Россию до 7 апреля — об этом решении в пятницу в штаб-квартире российского МИДа проинформировали польского посла Влодзимежа Марциняка. Это ответ на высылку из Польши четырех россиян, совершенную нами в знак солидарности с Великобританией после отравления на ее территории бывшего российского шпиона Сергея Скрипаля. («Супер экспресс», 31 марта — 2 апр.)

- «Президент Польши Анджей Дуда и министр обороны Мариуш Блащак встретились в понедельник с военнослужащими польского контингента, расположенного на базе Баграм. Президент объявил об расширении участия польских военных в учебной миссии НАТО в Афганистане». («Газета Польска цодзенне», 28 марта)
- «Я по всему миру встречаю людей, которые были в музее Второй мировой войны в Гданьске и спрашивают меня, почему правительство пытается его уничтожить, хотя польская история — при всем универсальном подходе — явно доминирует на главной экспозиции. (...) Вопросы о музее — это вопросы о Польше. (...) Для ПИС характерен авторитарный стиль руководства, выражающийся, в частности, в попытке подчинить себе все культурные институты, и теперь пришел черед музея в Освенциме и музея истории польских евреев «Полин», хотя в последнем случае это будет довольно трудно. Что касается Освенцима, то здесь ситуация хуже, поскольку это государственный музей, подчиняющийся министерству культуры. «Полином» же руководят три юридических лица, а сама атака на музей вызывает волну международного возмущения, воспринимаясь как очередное доказательство антисемитизма польского правящего лагеря», — проф. Павел Махцевич, с ноября 2008 г. до апреля 2017 г. директор музея Второй мировой войны в Гданьске. («Газета wyborcza», 7-8 апр.)
- «Музей истории польских евреев «Полин» открыл свои двери в 2013 году, в следующем году появилась постоянная экспозиция. На сегодняшний день его посетило 2,6 млн человек, из которых 60% были поляками. (...) 97% посетителей были довольны либо очень довольны своим посещением постоянной экспозиции. (...) До недавнего времени все оценивали музей «Полин» очень высоко. (...) И вдруг в адрес музея раздалось обвинение в политизированности. (...) К участию в дебатах о языке ненависти в современных СМИ были приглашены представители разных политических лагерей, однако правые политики не захотели прийти. (...) С тем большим удивлением и даже обеспокоенностью я воспринимаю произнесенные по телевидению слова о политизированности директора музея Дариуша Столи. (...) Мы получили письмо от министра культуры Глинского, в котором тот выражает свое беспокойство излишней политизированностью профессора Столи», — Петр Вислицкий, председатель общества «Еврейский исторический институт в Польше», один из основателей музея истории польских евреев «Полин». («Газета wyborcza», 29 мая)
- «93-летний профессор Рышард Краснодембский, демонстративно покинувший встречу с премьер-министром Моравецким — это бывший солдат Армии крайовой и участник

протестов в марте 1968 года, стоивших ему работы. (...) Ему должны были вручить золотую медаль “Вроцлав с благодарностью”. (...) Но когда почетный гость Матеуш Моравецкий начал рассказывать о событиях полувековой давности в соответствии с линией правящей партии, профессор не выдержал. “Не надо заново учить меня истории”, — заявил Краснодембский и покинул варшавскую Политехнику, не прочитав запланированной лекции. А собирався он сказать, что “ПИС ведет себя не по-христиански и нецивилизованно”». (Каролина Киек, «Газета выборча», 16 марта)

• «Польша начала отмечать 50-летие мартовских событий 1968 года (антисемитская кампания, которая привела к массовым отъездам евреев из Польши — В.К.) уже 25 января, когда Сейм проголосовал за новую редакцию закона об Институте национальной памяти, ставшую известной во всем мире как “польский закон о Холокосте”. (...) “Закон о Холокосте” впервые со времен разделов Речи Посполитой ввел в польское законодательство дифференциацию по принципу расы и происхождения. (...) Придание уголовной правосубъектности понятию “польский народ” (что само по себе выглядит юридическим курьезом) выступает рука об руку с разделением на “граждан еврейского происхождения” и “граждан Второй Речи Посполитой”. Воспитание чувства гражданской солидарности на основе этнической, национальной общности полностью соответствует риторике нынешней власти. Разрабатывая “закон о Холокосте”, польские реконструкторы от политики обратились не только к образцам 1968 года, но и к юридической практике поздних 30-х. Именно тогда, на волне нарастающего антисемитизма, начали сажать на три года за “клевету на польский народ”», — проф. Ян Грабовский. («Газета выборча», 12 марта)

• «Отсюда полвека тому назад из Польши в результате антисемитской травли уезжали евреи. В воскресенье перед Гданьским вокзалом в Варшаве письмо к друзьям-евреям со всего мира по-польски прочитал Анджей Северин, по-английски — джазовая вокалистка Ага Зарян, на иврите — ксендз Войцех Леманский. Люди держали плакат “Все мы евреи”». «Памятные мероприятия были организованы совместными усилиями “Граждан Речи Посполитой”, ассоциации “Солидарные активные граждане”, Комитета защиты демократии, проекта “Варшавская забастовка женщин”, а также инициативы “Свободные суды”. “Мы пишем вам из Польши. Мы, то есть польки и поляки, которые не согласны с тем, как нынешняя политика властей ложится мрачной тенью на выстраиваемые годами польско-еврейские отношения. (...) Мы пишем, ибо хотим, чтобы вы знали:

независимо от того, насколько радикальной и неуместной является позиция польских властей и некоторых социальных групп, эти взгляды и эту позицию разделяют не все поляки”, — такими словами начинается письмо-воззвание к друзьям-евреям со всего мира, под которым подписались более сотни организаций». (Камиль Сялковский, «Газета wyborcza», 12 марта)

- «После принятия нового закона об Институте национальной памяти мы словно проснулись в другой стране. На стене нашего здания на Сенаторской, 32, под баннером “Еврейский театр”, появилась надпись “вырежем вас”, мы получаем антисемитские письма и электронные сообщения, а также аналогичные комментарии на наших интернет-страницах. На встречах еврейских организаций со всей Польши я слышу о весьма тревожных и просто жутких ситуациях. (...) Я очень переживаю из-за происходящего сейчас в стране, и особенно меня тревожит то, что проявлениям антисемитизма и национализма дан “зеленый свет”», — Голда Тенцер, директор Еврейского театра в Варшаве. («Пшеглэнд», 12-18 марта)

- «Когда я услышал об этом законе, то сразу вспомнил фразу из Агады, которую читают на каждом пасхальном богослужении: “В каждом веке и поколении появятся те, кто будет против нас”. И вот оно, подумал я, новое поколение. У тех, кто во время войны шантажировал евреев и выдавал их немцам, появились наследники», — Хенрик Гринберг. («Газета wyborcza», 7-8 апр.)

- «Благодаря ПИС антисемитские взгляды и тенденции впервые после 1989 года обрели свое законное и прочное место в общественной дискуссии. Молодых людей из Национально-радикального лагеря приглашают на государственное телевидение, (...) телезвезда с правыми взглядами называет своих еврейских оппонентов “торгашами пархатыми”, а (...) ксендз Хенрик Зелинский в эфире передачи “Салон дзенникарски” повторяет слова главного антисемита Второй Речи Посполитой ксендза Станислава Тшечака о том, что христианская концепция правды основана на тождестве мнения и реальной действительности, а у евреев правдой считается то, что хорошо для евреев. “Перемены к лучшему” в их истинном виде не стесняются задействовать в общественной дискуссии настоящих монстров вроде современного еврееведа Эвы Курек, автора идеи об уголовной, политической и моральной ответственности евреев за Холокост, которая за бюджетные деньги читает лекции в узурпированных ПИС муниципальных структурах», — Людвик Дорн («Политика», 14-20 марта)

- «Если по телевидению Земкевич и Вольский говорят о “пархатых”, это всего лишь классическое эндецкое ругательство (эндеки — сторонники польской Национально-

демократической партии, существовавшей в 1897–1947 гг. и гласившей правые националистические взгляды — Примеч. пер.), но когда они начинают рассуждать о еврейских лагерях смерти или о евреях, которые сами сжигали евреев в крематориях, это уже переходит любые границы. И власть санкционирует такое поведение. (...) На Ясной Гуре освящают фашистские знамена. (...) Более 70% поляков поддерживало приезд к нам беженцев. И как всё изменилось! (...) Вот оно, умение манипулировать обществом. Ярославу Качинскому это прекрасно удастся. (...) Мол, у беженцев — прямо как у евреев, которые якобы были распространителями тифа, хотя сами им болели — есть иммунитет к заразным болезням, но они заразят нас. И в этом смысле Качинский — самый настоящий ученик нацистских пропагандистов. (...) После 1989 года нацистское движение в Польше постоянно развивалось. Немецкие неонацисты производили здесь нацистские гаджеты, футболки. Люди “зиговали” в клубах и на закрытых концертах. Все это было закамouflировано, носило скорее локальный характер, но потихоньку бурлило. (...) Теперь это зло вырвалось наружу, называя себя добром. Распространяется агрессия, выдавая себя за самооборону. (...) Я не знаю, почему поляки ведутся на это. (...) Особо хотелось бы обратить внимание на механизм коммуникации между властью и источником власти, утратившим черты гражданского общества. Нужно мобилизовать тех, кто чувствует себя обманутым и проигравшим. Сам по себе этот каток не остановится», — проф. Яцек Леочак. («Газета выборча», 17–18 марта)

• «Степень участия поляков в истреблении своих еврейских соседей была намного большей, чем мы думали, утверждают авторы книги. (...) “Подавляющее большинство пытавшихся спастись евреев (...) погибло от рук поляков либо было уничтожено при их участии”. Издатель почти до последней минуты держал эту книгу в запечатанном ящике стола, поскольку власти очень хотели ознакомиться с ее содержанием до того, как рукопись уйдет в типографию. Текст книги не рассылался по электронной почте, а первые сигнальные экземпляры появились только в минувший четверг. (...) Всё потому, что за последние месяцы Польшу захлестнула волна антисемитской истерии, спровоцированная новым законом об Институте национальной памяти. С ее помощью ПИС хочет переписать историю Холокоста. (...) Двухтомник “Дальше только ночь” под редакцией Барбары Энгелькинг и Яна Грабовского из Центра изучения геноцида евреев — это результат многолетних исследований, проведенных девятью учеными (...). “Дальше только ночь” опровергает тезис правительственной пропаганды, утверждающей, что поляки массово спасали евреев во время войны. “Более того, — говорит профессор

Грабовский, — эта книга показывает чудовищный масштаб еврейской трагедии, к которой поляки также приложили руку»». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик Польша», 9-15 апр.)

- «Премьер-министр Матеуш Моравецкий получил во вторник письмо, подписанное 59 из 100 американских сенаторов. (...) Оно касается возвращения имущества жертв Холокоста». (Данута Фрей, Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 28 марта)
- «Польша — единственная страна в Европе, до сих пор не урегулировавшая вопросов реституции еврейского имущества, несмотря на то, что американские политики напоминали об этом Варшаве уже в 90-х годах». (Магда Дзялошинская, «Газета wyborcza», 28 марта)
- Дэниэл Фрид, бывший посол США в Варшаве, (...) не сомневается: «Эмоциональная реакция Сената вызвана атмосферой, сложившейся в Польше в связи с принятием новой редакции закона об Институте национальной памяти». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 28 марта)
- «Сегодня знание о Холокосте никак не используется в преподавании обществоведения или журналистики. Тем самым общество как бы снимает с себя ответственность за прошлое. (...) К этому добавилась и более глобальная тенденция — рост неприязни поляков практически ко всем этническим и национальным группам. Язык, на котором говорит государство, формирует ментальность общества. И я очень опасюсь последствий такой политики», — Петр Цивинский, директор Государственного музея в Освенциме. («Газета wyborcza», 24-25 марта)
- «Неприязнь поляков к другим народам (в скобках указан рост в процентах по отношению к 2017 году): арабы — 62% (+3), цыгане — 59% (+9), русские — 49% (+11), украинцы — 40% (+8), немцы — 36% (+14), евреи — 33% (+7). Нет такой национальности, о позитивном отношении к которой заявили бы более 44% респондентов. Опрос ЦИОМа от 1-8 фев. 2018 года». («Газета wyborcza», 14 марта)
- «Войцех Цейровский (...) докладывает в эфире государственной радиостанции: «Украинцы — это насильники и мясники». (...) По мнению районной прокуратуры в Щецинке, «В. Гейровский поделился собственной оценкой исторических событий, а также морального облика лиц, одобряющих неприемлемое поведение»». (Пашел Смоленский, «Газета wyborcza», 12 марта)
- «Есть только одна страна, которой выгоден конфликт между Польшей и Украиной — это Россия. У меня нет ни малейших сомнений, что специально созданные интернет-порталы, на которых поляки или люди, выдающие себя за поляков, пишут гадости об украинцах, либо украинцы или люди, выдающие себя за украинцев, пишут гадости о Польше — это дело русских.

Правительства Польши и Украины попали в ловушку. Они оказались настолько наивны, что я даже не знаю, что тут еще можно сказать. (...) Что должно было случиться за последние годы, чтобы ситуация изменилась так сильно? Это российская провокация, и только Россия выигрывает из-за ухудшения отношений между Украиной и Польшей. Мне это кажется настолько очевидным, что я не понимаю, почему поляки и украинцы этого не замечают», — Энн Эпплбаум. («Тыгодник повшехны», 18 марта)

- «С 1 января 2018 года польские работодатели направили в госорганы почти 240 тыс. заявлений о намерении принять на работу иностранца (в основном это касалось украинцев и небольшого процента белорусов), однако в действительности на работу устроились чуть меньше 74 тыс. человек. (...) Это говорит о том, что такие заявления нужны главным образом для получения рабочей шенгенской визы и нелегальной работы. (...) За помощь в получении разрешения на работу украинец платит мафии 600 злотых. (...) За последние три месяца в карманах преступников осело 90 млн злотых». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 29 марта)

- «По данным Главного управления статистики, 2017 год принес на 15 тыс. больше смертей, чем предыдущий. В прошлом году мы побили рекорд — в Польше умерло 403,5 тыс. человек. (...) Демографические прогнозы связывали такой уровень смертности только с 2029 годом, однако мы достигли его на 12 лет раньше. (...) При этом наблюдения демографов в последние годы свидетельствуют, что мы живем всё дольше, а смертей среди молодых людей и лиц среднего возраста фиксируется меньше». (Барбара Ягас, «Пшеглэнд», 19–25 марта)

- «С июля 2016 г. по июнь 2017 г. решение об уходе с рынка труда приняли около 103 тыс. матерей. (...) 103 тысячи — это нижний порог расчета. (...) Аналитика не учитывала женщин, имеющих троих и более детей, а в этой группе профессиональная деактивизация наиболее высока. В рамках программы 500+ деньги получают 2,7 млн семей в Польше. (...) Нет доказательств, что эта программа ПИС оказалась действительно эффективным стимулом повышения рождаемости. Гораздо лучше она справляется с другой задачей, стоящей перед правительством — борьбой с бедностью. В 2014–16 гг. уровень крайней нищеты снизился на 34%, в основном среди многодетных семей — наиболее незащищенного перед бедностью контингента». (Адриана Розвадовская, «Газета wyborcza», 20 марта)

- «Уровень безработицы в 2017 году достиг рекордно низких показателей, а степень занятости населения необыкновенно высока. Однако количество работающих молодых людей в возрасте 25–34 лет удивительным образом снизилось на целых

88%. (...) Молодежь всё реже стремится вступать во взрослую жизнь, так что желающих работать становится меньше. Призрак катастрофы навис над экономикой».

(«Жечпосполита», 5 апр.)

- С самого начала эпидемии африканской чумы свиней в стране застрелены 1,5 млн кабанов. «Охотники жалуются, что не успевают за темпами охоты. (...) Африканская чума свиней не угрожает людям, собакам, кошкам, однако может быть опасна для экономики. (...) Несмотря на отстрел кабанов, постоянно обнаруживаются новые очаги эпидемии». («Газета выборча», 4 апр.)

- «Дефицит сектора государственных финансов в конце 2017 г. достиг 1,5% ВВП по сравнению с 2,3% в 2016 году. (...)

Номинальная стоимость долга снизилась на 3,2 млрд злотых. По отношению к ВВП она снизилась до 50,6% по сравнению с 54,2% год назад. (...) “Не следует механически отождествлять снижение дефицита с долгосрочным оздоровлением государственных финансов. Если бы это оздоровление действительно имело место, при таком высоком темпе роста потребительского спроса в стране мы должны были бы зафиксировать излишек в 1,5–2% ВВП, а не дефицит”, — подчеркивает Витольд Войцеховский, главный экономист “Плюс Банка”. “У нас по-прежнему наблюдается дефицит, а в это время всё больше стран ЕС используют конъюнктуру, чтобы показывать излишки”, — вторит ему Станислав Гомулка, главный экономист “Business Center Club”». (Анна Чесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 4 апр.)

- «Трансформация была удавшейся, пусть и неполной. Мы стартовали с Украиной с одного уровня, но сегодня среднестатистический поляк в три раза богаче среднестатистического украинца. (...) Переход к свободным рыночным отношениям, который был заслугой Лешека Бальцеровича, оказался необыкновенно позитивным шагом. Это не реформы были причиной безработицы. Ее причиной была неэффективность предыдущей модели. Реформы Бальцеровича обнажили эту проблему, а не создали ее. (...) Если бы даже реформ Бальцеровича не было, расходы и так никуда бы не делись. Нет смысла пытаться сохранить то, что неэффективно. Это пустая трата ресурсов. Мы приватизировали не все, а надо бы приватизировать. (...) У нас была уникальная трансформация — политическая и экономическая одновременно. (...) Нам удалось полностью изменить общественный строй без кровопролития и при этом полностью реформировать экономику. И рассматривать это с точки зрения легализма или формализма несколько бессмысленно. Кроме того, на самом деле ведь никто точно не знал, как именно будет происходить трансформация», — Яцек

Владислав Бартызель. («Жечпосполита», 7–8 апр.)

• «Сегодня Польша фактически живет в режиме чрезвычайного положения, во время которого не действуют нормы правового государства», — Эва Седлецкая. («Политика», 14–20 марта)

• «Несмотря на все наши аристократические амбиции, мы в первую очередь все-таки нация крестьян. Интеллигентская прослойка, создающая национальную культуру, всегда была у нас очень тонкой. А поскольку единственной задачей, стоявшей перед 80% тогдашних поляков, было выживание, в наших генах и традициях заложены кабала и бесправие. Эта крепостная ментальность давала о себе знать и в социалистические времена с их конформизмом, уступчивостью, суетливой пронырливостью. (...) Национальную мегаломанию и мифологию уже в эпоху межвоенного двадцатилетия исследовал этнограф и социолог Ян Станислав Быстронь. Если сравнить его исследования с нынешними, мы увидим, как немного изменилось. (...) Прибавив к этому периодическое исчезновение государственности и долгую тень разделов, значение которой мы явно недооцениваем. (...) А теперь еще и интернет, тиражирующий любую ерунду. (...) В этом бардаке, говорит власть, нужно навести порядок. А для чего еще сейчас создается такая слаженная административно-репрессивная система?», — проф. Войцех Юзеф Буршта. («Газета wyborcza», 24–25 марта)

• «Всего 38% поляков старше 15 лет прочитали за прошлый год хотя бы одну книгу! Это значит, что почти две трети наших соотечественников не читают вообще. (...) Когда мы вступали в Евросоюз аналогичное исследование Национальной библиотеки показало, что книги читают 58% поляков».

(Мариуш Чеслик, «Жечпосполита», 28 марта)

• «В рейтинге доверия, составленном Институтом рыночных и социологических исследований, Дональд Туск получил 42,8%, Анджей Дуда — 36,6%, Матеуш Моравецкий — 36,5%. В ходе опроса относительно президентской кандидатуры Анджея Дуду поддержали 33,5% респондентов, а Дональда Туска — 33%.

(«Супер экспресс», 9 апр.)

• «Поддержка партий (в скобках указано количество депутатских мандатов в Сейме): «Право и справедливость» — 31,8% (194), «Гражданская платформа» — 23,5% (135), Союз демократических левых сил — 12,1% (58), Кукиз'15 — 8,5% (42), крестьянская партия ПСЛ — 5,9% (20), «Современная» — 5,1% (10). Избирательный порог составляет 5%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 4 апреля.

(«Жечпосполита», 6 апр.)

• «Четверть века тому назад мне бы и в страшных кошмарах присниться не могло, что моя Польша, символ свободы и чести, вызывавшая зависть и восхищение у меня и моих друзей, так

легко пойдет по стопам моей России — в ту же самую государственно-патриотическую бездну, а тех, кто не захочет с этим смириться, станут публично называть “врагами польского народа”. Что польский Сейм примет закон, направленный на охрану так называемой исторической памяти, идентичный закону, принятому недавно Думой. Что в риторике официальной Варшавы появится интонация государственной мании преследования — польский вариант мании величия. Надеюсь, что в отличие от России в темную яму патриотизма рухнула только польская власть, а не общество», — Сергей Ковалев, фрагмент речи по случаю присвоения звания почетного доктора Варшавского университета, 14 марта. («Газета wyborcza», 24-25 марта)

• «Теперь, когда брата и мамы уже нет, Ярослав живет в тени их могил. Десятого числа каждого месяца он ездит на Повонзки. (...) Восемнадцатого, в годовщину похорон, (...) молится у склепа президентской четы (...). Он также приезжает на могилы на Пасху и Рождество, в дни рождения и день поминовения усопших, в дни выборов и на выходных. (...) В общей сложности он ездит на могилы более 70 раз за год. (...) Независимо от того, каковы были причины катастрофы, вину за нее, по мнению Качинского, несет правительство Дональда Туска. Даже если они не убивали президента, то в любом случае не позаботились о его безопасности, не проследили. (...) А если есть вина, должно быть и наказание. И председатель правящей партии не успокоится, пока его не дожждется. (...) После смоленской катастрофы Ярослав Качинский (...) пообещал, что будет носить траур по брату до конца жизни. (...) На всех публичных мероприятиях после 2010 года он появляется только в черном костюме. (...) На всех фотографиях из отпуска он неизменно одет в черные брюки и такой же свитер либо застегнутую у самого горла рубашку. (...) В Сейме во время дебатов о Верховном суде председатель кричал с парламентской трибуны: “Не вытирайте своих предательских морд именем моего светлой памяти брата! Вы уничтожали его, вы убили его, вы каналы! (...) Все будут сидеть! Будут сидеть!”. (...) Депутат Витольд Зембачинский (...) сказал, что впервые в жизни видел человека в таком состоянии: трясущегося, с помутившимся взглядом и дрожащими щеками», — Михал Кшимовский. («Ньюсуик Польска», 9-15 апр.)

• «Каменщики убрали надписи с монумента борцам за национальное и социальное освобождение в Кельце. Место надписей займет скульптурная фактура, схожая с элементами на других частях памятника. С монумента также решено убрать советскую звезду, находившуюся на солдатском шлеме, а также Грюнвальдский крест, высокую воинскую награду времен Народной Польши. “После внесенных корректив монумент

перестанет быть памятником, превратившись в архитектурный объект”, — объясняют чиновники из Кельце». («Жечпосполита», 6 апр.)

Экономическая жизнь

Как сообщает Главное статистическое управление, польский экспорт в первые три месяца текущего года достиг 33,6 млрд евро, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 6%. Большую часть экспорта составила продажа на рынках развитых стран, которая достигла почти 30 млрд евро, что в сравнении с таким же периодом минувшего года знаменует рост на 5,8%. Однако наибольший рост экспорта пришелся на страны Центральной и Восточной Европы, где продажа польских товаров по сравнению с прошлым годом выросла на 12,8%. А наименьшая динамика характеризовала экспорт в развивающиеся страны: в сравнении с аналогичным периодом прошлого года рост составил лишь 3,3% (до 2,4 млрд евро). Традиционно наибольшая доля в польском экспорте принадлежит Германии, составляя 27,8%. И за первые месяцы текущего года эта доля не возросла — те же 27,8%. В стоимостном выражении продажа товаров польских фирм на немецком рынке достигла 9,3 млрд евро. Второй по объему экспортный рынок — это Чехия, третий — Великобритания. Заметно вырос вывоз товаров в США: с 2,5 до 2,8%. В такой же степени вырос экспорт в Россию. Еще быстрее экспорта рос польский импорт. Поэтому положительный до сих пор баланс в международной торговле изменился. Сальдо отрицательное: минус 0,8 млрд евро. В аналогичный период прошлого года сальдо было положительным: плюс 0,2%. В соответствии с прогнозом Польской торговой палаты, в 2018 году следует ожидать роста экспорта до уровня 212,7 млрд евро.

Тридцать самых крупных польских бюро путешествий обслужили в 2017 году свыше 2,5 млн клиентов. Это рост почти на четверть, — пишет в газете «Жечпосполита» Данута Валевская. В нынешнем году рынок будет продолжать расти, причем не сбавляя темпа. Это видно уже в первом квартале по резервациям на майские каникулы и летние отпуска. Поляки выезжают за границу все чаще — причина, помимо прочего, и в том, что отдых за рубежом, в общем-то, не дороже, чем в Польше, и, кроме того, хорошая погода чаще всего там гарантирована. Интересы туристических бюро защищает гарантийный фонд, который страхует выезжающих от последствий банкротства туроператоров, а рейтинг газеты «Жечпосполита» показывает, что ситуация в отрасли стабильна, причем это вовсе не снизило конкуренции. Практически сошли на нет борьба за «горячие» туры и

спонтанные выезды, когда решение о поездке принимается едва ли не за день до путешествия. Если вы хотите действительно дешевых каникул, то бронируйте путешествие заранее, потому что тогда туроператоры дают самые разные гарантии, обеспечивающие учет многих индивидуальных пожеланий клиента. Поляки расселяются также по все более высококлассным гостиницам и явно предпочитают туры «все включено», потому что хотят отдыхать предельно беззаботно.

В 2017 году средний располагаемый доход на члена семьи вырос на 123 злотых (это лучший результат за последние 10 лет) и составил 1598 злотых, — сообщает Главное статистическое управление. Располагаемый доход — это сумма доходов в домашнем хозяйстве из всех источников, то есть не только заработная плата, но также, например, социальные пособия, уменьшающие расходы на налоги и отчисления. То есть это деньги, которые мы можем потратить или копить. Рост располагаемого дохода и в самом деле велик: с 2016 по 2017 год он составил 8,3%. Для сравнения: годом ранее — 6,4%, а еще раньше рост колебался на уровне 3%. Согласно «Стратегии ответственного развития» премьера М. Моравецкого, средний располагаемый доход уже в 2020 году может составить 80% среднеевропейского, а в 2030 году — 100%. По оценке экономиста из Варшавского университета Дариуша Стандерского, которую он высказал в интервью «Газете wyborчей», сегодня в Польше располагаемый доход находится на уровне около 72% от среднеевропейского. Это пока что далековато от цели, однако результат очень неплохой. По мнению Д. Стандерского, данный результат обеспечила на редкость благоприятная международная конъюнктура, а также очередное, весьма значительное, повышение минимальной оплаты труда и первый полный год с программой «500 плюс».

Большинство польских экономистов считает, что нетипичное совпадение быстрого хозяйственного роста и низкой инфляции сохранится, как минимум, до конца текущего года или даже дольше, — пишет Гжегож Семёнчик в газете «Жечпосполита». В ближайшие месяцы инфляция, вероятнее всего, ускорится, но не настолько, как ожидалось еще в начале года, при этом в четвертом квартале нынешнего года снова замедлится. Цены будут тогда расти в темпе едва ли более 1% в год. Это крайние оптимистический прогноз, но все же в нынешнем году инфляция будет в среднем даже ниже, чем в минувшем, когда она возросла на 2%, — соглашается большинство из тех, кто следит за хозяйственной сферой. Предполагается, что в первом полугодии 2018 года инфляция достигнет 1,5%, а за весь год — в среднем 1,8%. В первом

квартале 2018 года экономика выросла на 4,7%, что позволяет прогнозировать годовой рост в 4,4% Оптимисты ожидают повторения прошлогоднего результата на уровне 4,6% Сильным двигателем роста, полагают экономисты, останется потребление, которое будет поддерживаться растущими доходами домашних хозяйств и более низкой, чем ожидалось, инфляцией, а также, как и прежде, позитивными покупательскими установками.

Демограф проф. Ирена Котовская пишет в «Дзеннике. Газете правовой», что в минувшем году была превышена магическая цифра в 400 тыс. рождений. Родилось на 20 тыс. детей больше, чем годом ранее. Проф. Котовскую беспокоят, однако, определенные признаки поляризации в прокреативном поведении: снижается число перворождений и их доля в общем числе рождений, и заметно возрастает число женщин, решившихся на третьего ребенка и следующих детей. Снизилось более чем на 3 тыс. число так называемых первых детей. То есть намного меньше женщин, не имевших ребенка, решились все же родить. Чем же обеспечен столь большой рост рождений? Проф. Котовская отвечает — решениями родить второго и третьего ребенка. В 2017 году 40% всех рождений — это второй ребенок. С 42,5 тыс. почти до 50 тыс. выросло число рождений третьего ребенка. Исследования демографов показывают, что в обществе будет возрастет число бездетных. По разным причинам. Некоторые женщины принимают сознательное решение не обзаводиться детьми, а некоторые не могут: растет число женщин, борющихся с бесплодием. С другой стороны, станет больше многодетных семей «3 плюс». Продолжение снижения числа первых рождений не слишком благоприятно для будущего, а кроме того, считает проф. Котовская, общий рост числа рождений не будет постоянным.

Как сообщает газета «Жечпосполита», в прошлом году поляки израсходовали около 5 млрд злотых на детскую одежду и обувь. По данным исследовательской фирмы PMR, более половины стоимости всего рынка товаров для детей приходится именно на «модный» ассортимент — прежде всего, на одежду, на которую семьи тратят свыше 3,5 млрд злотых в год. В отечественной отрасли детской одежды доминируют малые и средние семейные фирмы. Многие из них возникли в последние годы, поскольку экспансия интернет-торговли благоприятствует развитию мелких производителей. Новым производителям способствуют также растущие доходы общества и потребительская сознательность родителей, которые в своем выборе все большее внимание обращают на качество и интересный дизайн детской одежды. Как заявляет

руководитель предприятия «Эва Ключэ» Петр Бараник, его фирма вывела на рынок уже 60 коллекций и является одним из значительных отечественных производителей. В фирме занято около ста работников и ежедневно производится около 9 тыс. единиц одежды. Свои изделия фирма реализует через более чем 500 собственных магазинов в Польше, а около 30% продукции идет на экспорт. Как фирма Петра Бараника, так и несколько других фирм прибегают к услугам азиатских швейников, а сами, передав производство за границу, занимаются проектированием одежды, маркетингом и дистрибуцией.
Е.Р.

Политическая неопределенность вредна банкам и бизнесу

**Со Збигневом Ягелло, президентом
польского банка РКО ВР, беседовал Михал
Колянко**

— Очень многие польские фирмы сочли нужным появиться в Лондоне на конференции CEE Capital Markets. Откуда, по вашему мнению, взялось такое наступление?

— Строя современный банк, мы ровно шесть лет назад предприняли такую инициативу, как презентация польских фирм за рубежом. Тогда наш маклерский дом организовал в Лондоне день рынка капиталов РКО (РКО Capital Markets Day) для аналитиков и инвесторов из Сити, которые инвестируют в польские акционерные общества, котирующиеся на Варшавской бирже ценных бумаг. По прошествии нескольких лет эта встреча фигурирует в календаре всех польских фирм из индекса WIG20^[1]. Одновременно маклерский дом банка РКО уже на протяжении нескольких лет является самым лучшим брокером нашей страны. Это чрезвычайно облегчает привлечение как очередных акционерных обществ, так и потенциальных инвесторов. После третьей нашей лондонской конференции мы расширили формулу указанной встречи. Теперь в ней также участвуют акционерные общества из других стран.

Второй важный повод нашего присутствия в Лондоне — это реализация одного из стратегических проектов банка. В соответствии с нашей миссией, записанной в стратегии банка, мы «способствуем развитию Польши и поляков», в том числе посредством финансирования зарубежной экспансии наших клиентов. Именно они — лучшая визитная карточка Польши за границей. Поэтому мы создаем сеть корпоративных отделений за пределами нашей страны. Ближайший план — это представительство в Лондоне, которое мы хотим запустить не позднее конца 2018 г.

— Вы говорили о шести годах. А как обстоят дела в течение последних двух лет? Меняется ли что-нибудь в лучшую или

худшую сторону, если речь идет о том, как воспринимают Польшу и наши фирмы инвесторы?

— Свою работу в Польском банке РКО я начал с так называемого роуд-шоу — международной выездной презентации выпуска ценных бумаг, связанной с новой эмиссией наших акций, причем благодаря ней мы нарастили свой капитал на 5 125 млрд злотых. Напомню, что в то время продолжался кризис, следовательно, принимая во внимание тогдашние рыночные обстоятельства, это была довольно-таки отважная сделка. Я встречался по всему миру с десятками аналитиков. В Нью-Йорке представитель одного из глобальных инвестиционных банков задал вопрос: «Кто в вашем банке устанавливает цены?».

Мы не поняли, о чем идет речь, и потому стали допытываться, что он под этим понимает. А в ответ услышали: «Не министр ли финансов?» Данная история доказывает, насколько мало мир еще тогда знал о том, что изменилось в Польше, а также какую большую работу нам нужно выполнить. С перспективы прошедших лет я вижу, что наша экономика и тренды ее развития воспринимаются все лучше. Теперь наш лондонский форум представляет собой постоянный элемент повестки дня крупнейших институциональных инвесторов британской столицы.

— А какие конкретно вопросы и замечания вы слышали от собеседников в ходе нынешней встречи?

— Конференция в Лондоне является, вне сомнения, одной из самых лучших возможностей для встречи с представителями крупнейших мировых финансовых учреждений.

Доказательством этого служат свыше 450 встреч между представителями акционерных обществ и инвесторами. Как следствие, задаваемые вопросы касались текущего состояния польской экономики и потенциала нашего рынка. Наша совместная цель состоит в том, чтобы после подобной конференции инвесторы уехали полностью убежденными в том, что Польша — просто прекрасное место для инвестирования, учитывая ее превосходные хозяйственно-экономические результаты, хорошую кондицию публичных финансов и перспективы дальнейшего стабильного развития.

— Влияет ли план Моравецкого^[2] на восприятие Польши?

— Важным контекстом наших переговоров выступает новая парадигма мировой экономики, а точнее — поиск путей развития в рамках так называемой экономики 4.0^[3]. Сегодня это уже глобальный тренд, вытекающий из ускоренной оцифровки социально-общественных и хозяйственно-экономических процессов. Когда мы в своем банке говорили на протяжении нескольких последних лет, что делаем ставку на

цифровую трансформацию, и показывали наше приложение ІКО, которое дебютировало на рынке в 2013 г., наши собеседники только качали головами. Теперь, когда, согласно оценкам пользователей, его мобильная версия является самым лучшим банковским приложением в мире, в глазах наших собеседников я вижу изумление и восхищение тем, чего нам удалось достичь. Аналогично — нам требуется время, чтобы показать результаты плана Моравецкого, на которые работают теперь на многих фронтах повседневной жизни миллионов поляков, и благодаря которым мы сможем изменять восприятие Польши в мире.

— А возникают ли вопросы и обвинения, касающиеся политического климата в Польше? Вы почувствовали это в Лондоне?

— Всякий раз, когда мы находимся в Нью-Йорке, Амстердаме, Лондоне или Берлине и ведем разговоры на экономические темы, появляются также политические сюжеты, поскольку экономическая проблематика связана с ними. С какого-то времени к числу постоянных тем принадлежат брекзит, президентство Дональда Трампа, выборы в Германии или в Италии, будущая форма зоны евро. Мы в Польше совершенно безосновательно убеждены, что все занимаются только Польшей и что мы — пуп земли. На самом деле у итальянцев свои проблемы, у американцев — свои, у британцев — тоже свои. Их всех намного больше тревожит брекзит, нежели ситуация в Польше.

— Каким образом Польша воспринимается на фоне других стран региона?

— Ввиду выполняемых мною функций в прошлом у меня имелся опыт сотрудничества с коллегами из Чехии, Венгрии и других стран нашего региона. С этой перспективы я вижу, что в глазах инвесторов у каждой из стран существуют свои пять минут. Лет 10–15 назад их любимицей была Венгрия. Потом Чехия, позднее — Польша. Указанный подход меняется во времени. Это — во-первых. Во-вторых, каждая страна и каждая экономика занимают такое положение, какое они себе завоюют. Мы обладаем естественными преимуществами, проистекающими из размеров нашей страны и темпов ее роста. Аналитики видят это и берут себе на заметку. Можно по разным поводам жаловаться на польскую экономику, но в последние годы она по сравнению с венгерской, чешской либо словацкой развивается очень хорошо. И пусть так остается.

— Что, по вашему мнению, является наибольшей угрозой для польской экономики?

— На мой взгляд, это внешняя ситуация — экономическая и политическая. Политика всегда воздействует на экономику, а

во многих странах продолжает сохраняться политическая неопределенность. С другой стороны, вскоре исполняется десять лет с момента предыдущего мирового кризиса, и довольно широко распространены ожидания, что где-то рядом, буквально на пороге вновь стоит нечто негативное. А ведь такое мышление может стать самосбывающимся пророчеством. И, если это произойдет, Польша не останется в стороне. В то же время, если говорить о внутренней ситуации и равновесии нашей экономики, то я не вижу серьезных предпосылок для кризиса.

— *Вы упомянули о брекзите. Изменит ли он положение Варшавы, если иметь в виду финансовую отрасль?*

— Так уж оно устроено в мире, что, когда кто-нибудь теряет, то кто-либо другой может на этом выиграть. Брекзит приводит к тому, что фирмы, ведущие деятельность в Лондоне, ищут сейчас другую локализацию в рамках Европейского союза, дабы иметь возможность по-прежнему действовать на правах так называемого европейского паспорта. Польша представляет собой одно из мест, куда можно перенести часть бизнеса. Посмотрим на то, какие части своих бизнесов размещают у нас крупные концерны. Когда-то это были филиалы, которые создают меньшую добавленную стоимость, — так называемые бэк-офисы (вспомогательные подразделения). Теперь у нас в стране размещаются мидл-офисы (средние офисы). В краткосрочной перспективе представляется скорее невозможным, чтобы такого рода концерны стали размещать у нас в стране свой центральный аппарат, иными словами, управленскую часть. Такого рода подразделения переводят сейчас главным образом в Париж, Франкфурт-на-Майне и частично Амстердам.

— *Какова цель создания корпоративного отделения банка РКО ВР в Лондоне?*

— В своей зарубежной деятельности мы концентрируемся на тех направлениях, которые характеризуются большой инвестиционной или экспортной активностью наших клиентов. По этой причине первым шагом было открытие такого отделения в Германии, а затем — в Чехии. Невзирая на короткую историю их деятельности, оба указанные отделения — как в Праге, так и во Франкфурте — уже достигли запланированной доходности. А это подтверждает, что решения об их открытии в вышеназванных пунктах имели сильное бизнес-обоснование. Теперь подошло время для Лондона.

— *А фигурирует ли в этой географии экспансии Польского банка РКО ВР еще и Литва?*

— Литва с точки зрения величины ее экономики не является крупной страной. Но это наш сосед, а некоторые из наших

отечественных клиентов ведут там свою деятельность. Следовательно, мы можем себе вообразить, что в будущем станем в какой-то форме присутствовать и в Литве. Однако в настоящее время данный вопрос не является предметом наших размышлений.

— Могли бы вы сказать, что в данный момент происходит трансформация имиджа РКО — с традиционного банка в банк, располагающий таким мобильным приложением, которое в рейтингах считается самым лучшим?

— Подобная трансформация не осуществляется сама по себе, это результат систематической работы тысяч сотрудников банка. Прежде чем наше приложение было в 2018 г. признано самым лучшим в мире, оно на протяжении пяти лет с момента его дебюта интенсивно развивалось и пополнялось новыми функциями. Сегодня оно в принципе представляет собой банк в телефоне. Когда мы смотрим вперед, то хотим строить наш банк как сильного игрока в регионе Центрально-Восточной Европы. Это опять-таки должно реализовываться на протяжении нескольких лет посредством создания новых отделений, расширения наших взаимоотношений с клиентами, а в будущем, возможно, — за счет того, что мы предпримем и более смелые шаги в соответствующих странах нашего региона. Но это — процесс, а не одноразовое изменение.

— Коль скоро речь зашла об изменениях, что вы думаете о новых идеях и замыслах на финансовых рынках — о криптовалютах или блокчейне? Меняют ли они финансовые рынки?

— Все это является предметом аналитических исследований в подразделениях Польского банка РКО, занимающихся инновациями и оценками рисков. Что же касается того, в какой мере названные нововведения найдут применение в коммерческих масштабах, сегодня трудно оценить ситуацию однозначно. Это в большой степени зависит от их принятия и одобрения регуляторами, центральными банками. Я же со своей стороны знаю, что мы будем к этому готовы. Тот факт, что в нашем распоряжении находится самое лучшее приложение в мире, — далеко не случайность. В ближайшие годы на рынке будут возникать новые явления и технологии, которые поменяют парадигму взаимоотношений с клиентом. Причем в весьма разных сферах — от управления данными до, скажем, взаимоотношений с е-администрацией. Во всех этих вопросах можно использовать опыт и инфраструктуру банков.

— Насколько я понимаю, примером служит способ интеграции вашего банка с программой «Семья 500+»^[4]?

— Это действительно великолепный пример плодотворного сотрудничества. Я выступил с инициативой, чтобы лица, пользующиеся вышеуказанным пособием, могли подавать всяческие документы и подтверждать свою личность с

помощью сервиса электронного банковского обслуживания, не выходя из дома и не посещая соответствующие учреждения. То обстоятельство, что нашему примеру последовали все прочие банки, а каталог услуг е-администрации доступных людям с уровня банковского сервиса постоянно расширяется, доказывает, что это был выстрел в десятку.

-
1. WIG20 — польский фондовый индекс. Он охватывает 20 крупнейших по капитализации компаний, акции которых торгуются на Варшавской бирже. — Здесь и далее прим. пер.
 2. Планом Моравецкого называют польский экономический план, подготовленный два с лишним года назад под руководством нынешнего премьера РП Матеуша Моравецкого, (тогда он был вице-премьером, а также министром развития и финансов в правительстве Беаты Шидло) и разработанную на его основе «Стратегию для ответственного развития до 2020 г. (с перспективой до 2030 г.)», которую приняли в начале 2017 г.
 3. У нас ее чаще называют четвертой промышленной революцией.
 4. Данная программа предусматривает ежемесячное пособие в размере 500 злотых (ок. 150 долл.) на каждого ребенка, начиная со второго.

Польша — в зону евро: пора действовать

В проевропейских кругах Польши царит согласие в вопросе о том, что необходимо присоединение к зоне евро, которая де факто становится Евросоюзом. Это стратегическое решение, цивилизационный выбор.

Чтобы добиться поддержки поляками решения о принятии единой европейской валюты, необходима большая общественная кампания, которая позволит жителям страны осознать выгоды от вхождения в зону евро, а также негативные экономические и политические последствия дальнейшего пребывания Польши вне этой зоны.

Только правительство партии «Право и справедливость» (ПИС) может инициировать процесс принятия единой валюты.

Поэтому именно туда направляют свои обращения и призывы польские экономисты. Однако ПИС, как партия с анахроническим пониманием суверенности, откладывает вхождение в зону евро *ad calendas Graecas*, в действительности выступая против него. Стало быть, нужно сменить адресата подобных призывов. Необходима кампания, пропагандирующая членство Польши в зоне евро и вовлекающая широкие слои общества. Принятие единой валюты следует представлять в качестве фундаментального экономического, геополитического и цивилизационного проекта, столь же важного, как вступление нашей страны в ЕС и НАТО. В качестве альтернативы: быть или не быть присутствию Польши в будущем Евросоюзе, который станет выстраиваться вокруг евро.

Отсутствие у борцов за евро действенной силы в вопросе о присоединении к зоне евро не означает, что такая кампания лишена смысла. Напротив, она может представлять собой движущее средство для расширения общественной поддержки проевропейских политических сил и для отторжения какой-то части электората от ПИС. Кроме того, указанная кампания дала бы проевропейским кругам шанс перехватить инициативу, формируя и продвигая собственный нарратив.

Условием для такой кампании является принятие совершенно другой оси для ведения дебатов на тему Польши в ЕС. Нужно перестать пугать поляков полэкзитом, к которому якобы

стремится ПИС, а также заново определить нашу политическую сцену, исходя из принципа «за или против евро» и показывая при этом, что ПИС представляет собой евроскептическую партию, так как она противится присоединению Польши к зоне евро, которая равносильна Евросоюзу.

Оппозиция, не бойся!

К сожалению, в вопросе о евро мало слышны голоса тех оппозиционных партий (этот текст был подготовлен до сравнительно недавней декларации «Гражданской платформы» по поводу евро — ред.), которые идентифицируют себя в качестве проевропейских, причем это в равной мере относится как к партиям, представленным в сейме, так и к внепарламентским левым группировкам. Их кунктаторство^[1] проистекает из отрицательного настроения общества по отношению к замене злотого на евро. Согласно исследованиям польского Центра по изучению общественного мнения (ЦИОМ), проведенным в апреле 2017 г., против вхождения в зону евро выступает 72% поляков, тогда как за — только 22%.

Однако дело обстоит не так уж и плохо, поскольку, хотя 45% поляков решительно возражают против введения евро, но целых 27% выбирают ответ «скорее нет». Именно их следует убеждать, что необходимо принять евро. Надо исследовать, кем являются эти люди, и донести до них позитивный месседж. Если бы удалось убедить этих поляков в целесообразности единой валюты, то вместе с теми, кто уже сегодня выступает за отказ от злотого (22%), они составили бы почти половину (49%), а при добавлении сюда лиц, у которых нет четкого мнения (6%), группа потенциальных сторонников евро достигла бы 55%. Стоит напомнить, что по данным Евробарометра^[2] осенью 2017 г. поддержка евро в Польше (35%) была больше, чем указывал польский ЦИОМ, а доля выступающих против составляла 55%.

Убедить поляков — это большой и трудный вызов, но он не из тех миссий, которые невыполнимы. Здесь необходима активная вовлеченность политических партий, но нельзя оставить это дело только им одним. Необходима мобилизация всех проевропейских слоев — общественных организаций, бизнес-структур, органов местного самоуправления, ученых и научных работников, а также религиозных объединений, в частности, той части католической церкви, которая не исповедует антиевропейские взгляды. Нам нужна общественная ангажированность, похожая на ту, которая имела место перед референдумом о присоединении к ЕС, когда

самые разные круги действовали совместно, выступая за вхождение страны в Евросоюз.

Ясный посыл

Указанная кампания обязательно должна иметь ясный посыл. Во-первых, поляков нужно убедить, что настоящим Евросоюзом будет зона евро, насчитывающая сегодня две трети государств-членов ЕС. Это ее касаются — уже теперь, а в будущем еще в большей степени — интеграционные процессы в Европе. После выхода Великобритании из ЕС те страны, которые не принадлежат к зоне евро, станут евросоюзными политическими и экономическими маргиналами. Их экономика будет составлять лишь 15% ВВП всего ЕС. Более того, Болгария, Хорватия или Румыния могут в ближайшие годы принять евро.

Большинство из нас (по данным ЦИОМ — 58%) хочет, чтобы Польша принадлежала в ЕС к числу тех государств, которые максимально тесно сотрудничают между собой (против этого выступает одна четверть). Имеет смысл донести до таких граждан, что, желая пребывать в кругу тесно сотрудничающих стран, необходимо принять единую валюту. Многие из поляков полагают, что можно входить в ЕС, не принадлежа к зоне евро, и ничего плохого при этом не произойдет. Надо объяснять им, что они заблуждаются, так как Евросоюз непрерывно меняется, становясь идентичным зоне евро.

Находясь вне указанной зоны, мы не имеем возможности влиять на данный процесс, зато он будет оказывать большое влияние на Польшу. Постоянное напоминание о данном обстоятельстве может привести к тому, что евро и ЕС вновь станут тождественными для поляков, которые перед вступлением в ЕС думали именно так: в 2002 г. поддержка единой валюты была очень высока, так как членство в Евросоюзе отождествлялось с ее принятием. Тогда за расставание со злотым выступало 64% и только 22% было против.

Во-вторых, надо говорить об евро позитивно. Показывать, что эта валюта поддерживается и одобряется большинством жителей во всех странах, где она имеет хождение. Там обычные люди видят выгоды от единой валюты. Надо информировать поляков, что финансовое и иное состояние зоны евро сильно улучшилось и что прогнозы на будущее действительно весьма перспективны. Согласно МВФ, в 2018–2022 гг. рост ВВП там составит 1,5–2% в год, и это несколько выше, чем в США. МВФ предвидит для этой зоны значительное падение публичного долга и безработицы, в том числе и в странах южной Европы, сильнее всего затронутых кризисом 2008 года.

В-третьих, следует пропагандировать примеры стран, которые

вошли в ЕС одновременно с нами и уже перешли на евро. Предлагаемая кампания должна показать, что Словакия, Литва, Латвия и Эстония развиваются динамичнее, чем Евросоюз в целом. Да, конечно, темпы роста там ниже, чем в Польше, но их хозяйственно-экономическая модель в определенной степени похожа на нашу и отличается от греческой. Указание на европейский юг как на грозное *temento* для Польши — это натяжка.

В-четвертых, надлежит показать полякам негативные последствия продолжающегося пребывания вне зоны евро. Необходимо довести до их сознания, что это дорого обойдется нашей стране. Правительство может утверждать, что Польша защитит свою позицию в ЕС посредством сохранения единого рынка, но это всего лишь принятие желаемого за действительное. Прогрессирующая интеграция зоны евро, которая происходит без оглядки на Варшаву, будет оказывать большое влияние на форму единого рынка. Чем более продвинутой окажется эта интеграция, тем в большей степени Польша сделается не столько членом ЕС второго сорта, сколько страной, ассоциированной с зоной евро.

Дальнейшее пребывание за ее пределами может иметь вполне измеримые геополитические последствия, причем отрицательные. Чем сильнее Германия будет вовлекаться в зону единой валюты, тем выше вероятность ослабления ее политических связей с Польшей, а это отдалит нас от Запада.

Надо действовать немедленно

Если интеграция зоны евро пойдет в быстром темпе, а ситуация в нашей стране — как политическая (отход от верховенства закона), так и хозяйственно-экономическая (конъюнктура не может продолжаться вечно) — начнет возбуждать беспокойство в обществе, то шансы убедить большинство в необходимости распрощаться со злым могут оказаться выше, нежели сегодня. Сомнения можно посеять даже в умах «твердолобых» противников евро. Парадоксально, однако принятие евро, которое оппозиция трактовала как «наказание божье», может стать для нее маховиком роста поддержки — в соответствии с принципом: раз ты поддерживаешь евро, то должен помочь в отстранении от власти евроскептического ПИС.

Евро — это долгосрочный выбор политической модели и цивилизационной идентификации с Европой. Этот последний аспект чрезвычайно важен, поскольку ПИС подчеркивает цивилизационную обособленность Польши от Западной Европы. Поддержка единой валюты в странах, где она используется, служит доказательством того, насколько сильно

евро связывает европейцев с идеей Европы. После ПИС Польша будет нуждаться в как можно большем количестве механизмов безопасности, встроенных в ее политическую систему и гарантирующих, что дело никогда не дойдет до рецидива «перемен к лучшему»^[3]. Зона евро будет становиться все более и более единообразным правовым пространством, очерчивающим схожие рамки действий политических систем государств-членов. Образцом для нас должна стать Словакия. Наученная опытом режима Владимира Мечьяра, который существовал там в 1990-х годах, Братислава приняла единую валюту в максимально ускоренном темпе, причем не только по экономическим причинам, но и по политическим. Хорошо бы и нам иметь столько же мужества и решимости, как у наших южных соседей.

Адам Бальцер является руководителем программы «внешняя политика» в польском мозговом центре WiseEuropa (Мудрая Европа) и аналитиком в Европейском совете по международным отношениям. Преподает в Отделении исследований Восточной Европы Варшавского университета.

Гжегож Громадский — независимый эксперт. Занимается проблематикой ЕС, польской внешней политикой и Восточной Европой. Работал, среди прочего, в Фонде Батория^[4] и в Центре восточных исследований^[5].

-
1. кунктаторство — медлительность, нерешительность
 2. Евробарометр — организация, проводящая опросы населения для определения общественного мнения в Европе.
 3. Так звучал один из основных лозунгов, под которым ПИС пришла к власти.
 4. Фонд им. Стефана Батория — независимая неправительственная организация, основанная в 1988 г. американским финансистом и филантропом Джорджем Соросом, а также группой деятелей польской демократической оппозиции 80-х годов.
 5. Государственная организация, основная задача которой — подготовка анализов, экспертиз и прогностических исследований для нужд польских органов власти.

Анна Матысяк

Как много неизвестных рыб

Перевод Анастасии Векшиной

Аня

так вот теперь пришла пора не верить
что нет ничего под плоской картой подвалов
после долгих раскопок выставленных под стеклом
и так я чудом их перерисовала
но все уже —
пришла пора
не верить
что это лишь цепь атомов бумаги
пора
послушать вой
понюхать крови
и уцелеть

Анна и Ханси-Юрген. Дрогоше, 1970

картины такие четкие
только слова отрываются
от корней

мама с папой несли меня в сумке
за две ручки
между землей и небом
качалась моя лодка
был первый день

как много неизвестных рыб

река во мне
как много
неизвестных рыб
лежат по течению
темно-зеленые листья
веера а на дне
стеклышки и осколки посуды с рисунком

я собираю осколки
особенно те что в цветочек или с фрагментом фигурки
даже клад можно было найти
если повезет
ящички закопанные на случай а вдруг вернемся

раз кто-то даже нашел гусятину в стеклянных банках
сорок лет прошло а пахло как свежее мясо
но попробовать никто не решился

как в нашей реке
прижился бы
этот старинный зов

Вильгельм Густлофф

не знаю от чего
умер Генек Пикуля но с самого начала
с ним было что-то не так резкие черты
исхудавшее тело
потом был ребенок Лютки
его придавило балкой упавшей с прицепа
на руке у меня сидел воробей
кошка прыгнула тенью и откусила ему голову
старый Давидчик лег на лед
и протянул руку Янеку Тукайле и тот
жив до сих пор
мне удалось не наехать
на пьяного Меньку папа в последний момент
выхватил руль
в бегстве на вислинский залив умер прадедушка
потому что закончились лекарства
если бы я пошла снова то может
нашла бы могилу говорит бабушка Лиза
было видно как
Вильгельм Густлофф издалика
кланялся розовому солнцу
до самого края

mein herz

каждый вечер перед сном я повторяла
ich bin klein mein herz ist rein
но это была неправда
сердце мое как торфяник
горело невидимо и неслышно

дедушка Фриц погиб на восточном фронте
но это была неправда
в маленькой лодочке
детенышем майских жуков он плавал
в темных притоках рек у меня под кожей

Лиза

Она во мне
в животе у нее светловолосый ребенок

и ей так жалко к чему
все эти письма тетрадки стихов
если теперь она навсегда одинока
среди братьев с женами и плодоносящих сестер

она во мне
не позволит себе
состариться располнеть рассмеяться так
что затрясется живот

она во мне
с едва прикопанным стыдом
поэтому все время шепчет
я вам покажу
я буду самой лучшей
и никогда вас
не брошу

Грета

сегодня утром умерла Грета
самая младшая сестра братьев
сказала еще
привезите мне очки и что-нибудь почитать
а то будет скучно в больнице
у нее были две косички
потом была война
а потом уже только жизнь

Лиза и Иисус

Лиза еще жива но становится все меньше
сама уже не садится и не ест
не переворачивается с боку на бок
стороны света стали сторонами подушки
левой и правой
перестала призывать святую троицу
и теперь Иисус один остался с ней в комнате
ждет чтобы родиться
проскользнуть потихоньку с Лизой
и может ему удастся

Память антропоцена

То, что человек приклеил, будет отклеено. Рано или поздно.
Лучше всего — отклейки с прошлого лета, они успели собрать
много частичек, которые носит ветер.

Говорят, это грязь, но ведь это память.

Частицы памяти

Третий уже сборник Анны Матысяк, «Как много неизвестных рыб» (2018), вписывается в тематическое поле поэзии памяти: он передает исчезающий пейзаж варминско-мазурского сообщества, который до этого наиболее полно был представлен в поэзии Эрвина Крука. Надо сказать, пейзаж этот болезненный, покрытый ранами, оставленными событиями большой истории, в тени которой разыгрывались трагедии небольших локальных сообществ. Уже биография автора на обороте обложки вводит нас в атмосферу ее текстов. Мы узнаем, что она — «дочь Анны и Ханси-Юргена, внучка Лизы и Фрица», а значит, наследница тех жителей бывшей Восточной Пруссии, которые решили остаться на родной земле и которых послевоенная власть именovala полу-пренебрежительно «автохтонами».

Неудивительно поэтому, что их детство прошло под аккомпанемент окриков «эй ты, шваб, фашист» («Аня и Аня») или «шваб фашист komnauhause» («Я и я»). Неудивительно также, что большинство персонажей, упоминаемых автором и являющихся ее ближайшими родственниками, носят немецкие имена. Причем детство здесь приходится не на послевоенный период, а на семидесятые годы минувшего столетия, время, когда — о чем пишет в своих стихах Крук — те самые «автохтоны» эмигрировали в Германию.

Путешествие в глубины памяти, к первым картинам жизни, в пространство детства составляет, наверное, главную ценность этой книги, тексты которой представляют собой единое, логичное, хотя и не обязательно хронологически последовательное целое. Итак, после первого, предвещающего начало истории стихотворения, мы читаем:

мама с папой несли меня в сумке
за две ручки
между землей и небом
качалась моя лодка
был первый день
(«Анна и Ханси-Юрген. Дрогоше, 1970»)

В следующем, заглавном, стихотворении книги появляется картина, требующая пояснения для сегодняшних молодых читателей: «даже клад можно было найти/ если повезет/ ящички закопанные на случай а вдруг вернемся». Здесь Матысяк

описывает один из многочисленных послевоенных случаев немецких (впрочем, не только немецких) судеб, когда переселенцы или беглецы закапывали недалеко от своих домов ценные вещи в расчете, что когда-нибудь смогут вернуться в родные края. Все эти клады, которые нередко спустя годы откапывали дети во время игр, помнят все, чье детство проходило даже в восьмидесятих годах прошлого века на территориях бывших немецких земель — в районах Олыштына, Гданьска, Щецина или Вроцлава.

Поэзия Матысяк строится на деталях. В этом смысле ее сборники отличаются однородностью. Как в стихотворении «Память антропоцена»:

То, что человек приклеил, будет отклеено. Рано или поздно.
Лучше всего — отклейки с прошлого лета, они успели собрать
много частичек, которые носит ветер.
Говорят, это грязь, но ведь это память.

Именно это представлено на иллюстрирующих сборник фотографиях автора, представляющих крупным планом фрагменты поверхностей с остатками отклеенных объявлений, листовок или плакатов, к которым пристают песчинки и пылинки, носимые ветром. Так работает память, поднимающая «грязь» избитых ассоциаций, автоматизм которых, как в финале стихотворения «Аня и Аня», посвященного рождению дочери, может шокировать: «Когда она родилась/ бабушка Лиза сказала: О! в тот же день,/ что наш фюрер».

В сущности, в этом нет ничего шокирующего: такая ассоциация с датой для людей, воспитанных в немецких школах тридцатых годов или военного времени, когда биография вождя вдалбливалась в головы, не должна удивлять. И то, что это открытие застаёт повествовательницу врасплох, кажется важным постольку, поскольку оно регистрирует механизм работы памяти, подобно тому, как в романе Казимира Орлоса «Дом на Лютыне», героиня которого, приезжая на поезде сразу после войны на Мазуры, неожиданно констатирует, что пересекла границу Восточной Пруссии.

Зерна военной памяти, иные, чем в польском опыте, все еще появляются на поверхности и причиняют боль, даже оставаясь в тени текущих событий, как, например, в стихотворении «Вильгельм Густлофф», где упоминается дедушка, погибший во время бегства к Вислинскому заливу: «было видно как/ Вильгельм Густлофф издали/ кланялся розовому солнцу».

Здесь снова для многих читателей понадобится примечание, сообщающее, что этот корабль, вышедший из Данцига, на борту которого находилось несколько тысяч гражданских

пассажиров, был торпедирован советской подводной лодкой и затонул, оставшись в памяти немцев одной из важнейших точек отсчета; небольшой роман этой трагедии посвятил Гюнтер Грасс.

Мир, каким он предстает в этой книге, уходит в небытие, и этот процесс Матысяк удаётся превратить в блистательное поэтическое повествование. Отдельную ценность целому придает пуант книги — стихотворение «Дебора Лифшиц». Оно посвящено, как сообщает примечание, польской ориенталистке и этнологу (1907–1942), богатая и экзотическая жизнь которой окончилась в лагере Аушвиц. Рассказ о ее судьбе — своего рода шедевр, сущность которого автор заключила в первой строке: «Дебора Лифшиц состоит из цитат, чтобы окончить закрытием и одновременно открытием скобки: «Дебора Лифшиц состоит из цитат/ и одного примечания».

Эти стихи растут из дистанции, благодаря которой погружение в реку памяти становится возможным как таковое, потому что только тогда приходит «пора/ послушать вой/ понюхать крови/ и уцелеть» («Аня») — эти слова замыкают стихотворение, вводящее читателя в поэтическое повествование, состоящее из фрагментов, мгновений, мимолетных картин, которые путем наложения друг на друга реконструируют образ целого.

Интимность переживаний сталкивается здесь с жестокостью и болью существования. Тщательно скомпонованный сборник на втором обороте обложки имеет еще один текст, «Фриц и полевая почта», о том, что посылки с фронта опаздывают, а значит «и так все письма/ ты получила бы в один день/ и потом снова пришлось бы ждать/ (...) потом./ после». Эти стихи — своего рода ответ на то письмо деда рассказчицы, который «погиб на восточном фронте/ но это была неправда/ в маленькой лодочке/ детенышем майских жуков он плавал/ в темных притоках рек у меня под кожей» («mein herz»).

Возвращение реки

Перевод Ольги Чеховой

Путь от центра Варшавы до Вислы на трамвае занимает не больше десяти минут. Но этого времени достаточно, чтобы пейзаж изменился до неузнаваемости. На берегу широкой реки иногда трудно бывает поверить, что мы находимся в центре столицы.

Берега варшавской Вислы в летний сезон запружены людьми. Движение начинается с самого утра, когда у реки появляются группы, занимающиеся гимнастикой, бегуны на утренней пробежке, школьники и студенты, у которых в это время каникулы. Во второй половине дня лестницы, ведущие с бульваров прямо к воде, заполняют те, кто закончил работу и хочет расслабиться с друзьями за пивом. Наплыв посетителей наблюдается также в многочисленных барах и у сезонных фудтраков. Оживление на Висле зачастую не стихает до глубокой ночи, а в выходные — до самого утра. В такую пору самая разная музыка разносится над водой и достигает противоположного берега, где веселье не меньше. Сквозь темноту пробивается отблеск костров, разведенных близ пляжа Понятувки — можно догадаться, что и там отдыхают люди. От реки долетает запах воды, тянет освежающей прохладой. Висла — особенное место на карте Варшавы. Мы как будто еще в городе, но город скрывается где-то за водой и деревьями. Откуда такое впечатление? Невысокая степень урегулирования и «обустройства» реки в границах города — по европейским меркам явление небывалое. Если лондонская Темза или парижская Сена втиснуты в городское пространство и скованны бетонными конструкциями, то Висла свободно течет через город. На левом берегу мы без труда найдем бульвары, где можно спокойно посидеть, тогда как правый берег полностью во власти природы: купы деревьев сменяются травянисто-песчаными берегами. Так задумано специально. Эта часть реки признана исключительно ценной с точки зрения сохранения природы. Тем самым река привлекает не только обычных горожан, но и натуралистов.

Сегодняшняя ситуация Вислы разительно отличается от того, что наблюдалось еще десять лет назад, когда на реку почти никто не приходил, берега были замусоренными, а вода — грязной. Факт, что эти территории в течение многих лет

исключались из городского контекста, поражает еще больше, когда мы осознаем, что река течет через самый центр столицы!

Лицом к реке

В прошлом отношения между городом и Вислой были весьма нестабильными и мучительными для последней. Варшава долгие годы использовала реку, не давая ничего взамен. Еще в XIX веке движение вдоль Вислы и по ней было связано большей частью с деловыми нуждами. Река в то время представляла собой одну из главных транспортных артерий города, яблоку негде было упасть из-за барж. Аналогичным образом обстояло дело и на берегах, где трудились представители многих ремесел, в основном — сплавщики леса и барочники, добывавшие и продававшие песок. К сожалению, Висла использовалась в самых разных целях. Так, помимо обеспечения рабочих мест и возможностей существования, река выполняла еще и функцию городской свалки. На ее берега сбрасывались груды отходов и мусора, которые свозили сюда ежедневно со всего города. На эту проблему обращал внимание, в частности, Стефан Стажинский, президент Варшавы в 30-е годы XX века, свои планы в отношении Вислы он сформулировал в слогане «Лицом к реке». Стажинский планировал очистить береговые территории от мусора, застроить их бульварами и сократить объемы стоков, направленных из города со стремительно развивающейся промышленностью напрямую в воду. Из намеченного удалось реализовать только строительство короткого отрезка городского бульвара на Висле, на остальном поставила крест Вторая мировая война.

Вскоре после войны варшавяне начали возвращаться на Вислу. В национальных архивах можно обнаружить фотографии людей, которые плещутся в воде и развлекаются на берегу реки. Для многих из них отдых на Висле был кратковременным погружением в нормальную жизнь в городе, разрушенном почти до основания. Постепенно река обрала инфраструктурой: появлялись порты с паромными, речные вокзалы, танцплощадки. Тут и там оборудовали места для купания, на живописных протяженных пляжах не оставалось свободного места от групп, загоравших и устраивавших пикники. Люди принялись заново осваивать реку. Заметно изменился и контингент посетителей: довоенный *homo laborans* уступил место *homo ludens*. Висла становилась местом, прежде всего, развлечений и отдыха.

Расцвет жизни на берегах продолжался до конца 50-х годов, когда в приоритете национальных интересов оказались социалистические планы развития тяжелой промышленности. Настоящий кризис реки только начинался. Многочисленные

стоки, в связи со строительством промышленных предприятий направленные в реку, мгновенно загрязнили воду до небывалой прежде степени. Катастрофичное изменение химического состава воды способствовало тому, что в течение нескольких лет Висла постепенно была вытеснена за пределы общественной жизни. Зараженная вода больше не годилась для купания, что отбило у горожан желание проводить время на берегу. Изоляцию Вислы довершило открытие в 70-х годах так называемой Вислострады, стройки, которую последующие поколения раскритикуют в пух и прах. Возведенная вдоль левого берега многорядная трасса физически отделила горожан от реки. Парадоксально, но именно в такой момент было решено достроить очередную часть висленских бульваров (!), которые — как нетрудно догадаться — не пользовались большой популярностью среди горожан. Берега окончательно опустели, а территории, примыкающие к Висле ассоциировались теперь главным образом со смрадом и ревом автомобилей. Загрязнение реки достигло апогея в 80-е годы. С падением коммунизма для этих территорий забрезжила новая надежда. Возвращение собственности и упадок части промышленных предприятий после 1989-го принесли определенную пользу — объем отходов, попадавших в воду, сократился, и разговоры о грязной реке в центре города постепенно стихали. Следующим знаковым событием стало вступление Польши в Евросоюз, а вместе с тем введение множества ограничений и принятие экологических программ, в частности программы Natura 2000. Тем самым в полной мере была оценена роль, которую Висла играет для Варшавы. А ее в действительности трудно преуменьшить. И дикие песчаные берега, и острова представляют собой места гнездования многих видов птиц, в том числе находящихся на грани исчезновения крачек: малой и речной. Берега также образуют экологические коридоры, где сохраняются условия для свободной миграции животных, распространения растений, грибов. Более того, Висла — крупнейший проток, обеспечивающий аэрацию Варшавы. Активное развитие застройки столицы систематически снижает эффективность таких протоков, а благодаря реке загрязненный воздух все еще может выводиться за пределы города. Состояние воды с 80-х годов значительно улучшилось. Ограничения Евросоюза способствовали появлению очистных сооружений, в 2012 году сдана в эксплуатацию «Чайка» — крупнейшее из них. Есть мнение, что благодаря станции «Чайка» в Балтийское море из Варшавы стекает вода более чистая, чем та, которая в нее поступила. Кто-то даже считает, что в некоторых городах вода после предварительной фильтрации пригодна для питья.

Висленский BIG JUMP

Юридическая защита Вислы имела значение для ее дальнейшей судьбы. Процесс восстановления набирал обороты. Как только экологическая ситуация улучшилась, жители Варшавы снова стали поглядывать в сторону реки. Немного неуверенно, потому что приручение Вислы было серьезным вызовом и никто до конца не знал, как к нему подступиться. «Грязное дело» возвращения реки горожанам начал фонд «Я Висла», основанный Пшемиславом Пасеком. Фонд в то время размещался на старой барже «Хербатник», пришвартованной в Черняковском порту. В то время о Черняковском порте (сегодня — важном месте на карте района Повисле) мало кто слышал, а находиться возле Вислы было небезопасно — в том числе из-за «подозрительных» пивных садов. Для начала на берегу обустроили небольшой пляж и расставили шезлонги. Так в Варшаве появился первый кинотеатр под открытым небом. После года неофициальной деятельности фонд зарегистрировали. Характеристика его работы как «грязного дела» имеет тут двойное значение. Во-первых, фонд инициировал перемены, к которым городские власти не слишком стремились. Во-вторых, работа по восстановлению территории была связана с тяжелым физическим трудом, таким, например, как уборка мусора с побережья или демонтаж конструкций, оставшихся после старых пляжных душевых кабин 60-х^[1]. Вклад организации «Я Висла» в создание нового облика Вислы поистине бесценен. На протяжении нескольких лет фонд учил людей иному отношению к реке, вовлекал в экологическую, культурную и общественную деятельность. Организовывал многочисленные образовательные прогулки и акции протеста против загрязнения реки. В 2005-м совместно с клубом «Гая» из города Бельско-Бяла фонд устроил хэппининг BIG JUMP, в завершение которого несколько десятков человек собирались искупаться в Висле. BIG JUMP представлял собой неписанный манифест, призывающий к символическому объединению людей и реки. Идея проекта — обратить внимание на то, что наша обязанность — властей и граждан — вернуть реке ее естественное состояние равновесия. Тема Вислы в то время в принципе не интересовала варшавские власти. Именно фонд «Я Висла» первым открыл публичную дискуссию на тему дальнейшей судьбы реки, и в результате в мэрии все же назначили уполномоченного по делам Вислы. По мере того, как популярность Вислы росла, взаимоотношения фонда и города стали ухудшаться. У властей имелись свои планы насчет реки, и в конце концов пути города и фонда разошлись. Потому что, если для Пасека первоочередное значение имело развитие инфраструктуры для парусного спорта, то мэрия делала главную ставку на модернизацию и

расширение бульваров на побережье Вислы, а также — на инвестиции в коммерческие проекты. Такие, как, собственно, Черняковский порт. Во время капитального ремонта порт был приспособлен, в частности, для размещения ресторанов и проведения культурных мероприятий. Между тем планы реконструкции не предусматривали места для знаменитой баржи «Хербатник», так что фонду «Я Висла» пришлось подыскать себе новое пристанище.

Контейнерная архитектура

Еще одним свидетельством того, как остро варшавяне нуждались в реке, стал феномен *Чуда над Вислой*, первого клуба под открытым небом, появление которого в 2009 году открыло моду на отдых у Вислы. Рекреационный потенциал реки находился уже не в столь катастрофическом состоянии. Вислостраду частично убрали под землю, на Повисле появилась огромная библиотека Варшавского университета, открылся Свентокшиский мост. Люди гуляли на бульварах, но по-прежнему не хватало места, куда можно было бы прийти после обеда, посидеть с друзьями за пивом или послушать концерт. Места, куда мог бы ходить также средний класс. Открытие *Чуда на Висле* оказалось выстрелом в десятку. Несколько тележек-платформ, сцены и контейнера с баром оказалось достаточно, чтобы создать новое место на карте Варшавы, куда в скором времени потянулись массы людей. Простые, низкобюджетные идеи сработали лучше всего. «Контейнерная архитектура» внесла свежую, альтернативную атмосферу, которая радикально отличалась от прежних пивных садов. Кроме того, она идеально соответствовала внешним условиям. Полудикая Висла иногда бывала капризной, инвестиции в нечто «монументальное» были связаны с риском. Использование европейских тележек-платформ и контейнеров давало возможность быстро свернуть бизнес в случае, если река выйдет из берегов.

В последующие сезоны новые заведения на реке стали расти, как грибы после дождя: открылись «Място Цыпель», «Тэмат Жека», известная теперь «Барка». В настоящее время каждый сезон работает порядка двадцати клубов, плавучих заведений и небольших кафе, предлагающих не только алкоголь, но и культурные события: концерты, гастрономические ярмарки, мастер-классы и театральные представления. Территория Вислы превратилась в варшавский салон под открытым небом. На реку вернулись также водные виды спорта. В 2012 году возобновило деятельность Содружество гребли «Сыренка», которое, возрождая довоенные традиции, открыло секцию гребли и при случае показывает Вислу в новых ракурсах — с перспективы каяка. Город также начал инвестировать в эти

территории. На реке стали появляться тренажеры на открытом воздухе, пункты проката городских велосипедов, каяков и лодок. Снова засыпали песком пляж Понятувка, на котором можно поиграть во фризби, устроить пикник или просто полежать в шезлонге. Сегодня, спустя почти десять лет с момента создания клуба-пионера, в летних сезонах на обоих берегах кипит жизнь. Архитектура на левом берегу значительно изменилась, особенно на Повисле. В окрестностях раздуваются от гордости Центр науки Коперник и временный павильон Музея современного искусства, а благодаря открывшейся второй линии метро со станцией на Повисле людям стало значительно проще сюда добираться. Кроме того, бетонные лестницы старых бульваров постепенно заменяют современными широкими спусками. Многолюдные толпы гуляют по ним, заглядывая по дороге в окрестные бары и клубы. В отличие от вечеринок в закрытых клубных помещениях в центре города, гостям вечеринок на Висле не приходится жаловаться на тесноту. Река разнородна, достаточно лишь немного отойти от мест, где царит оживление — и вы можете спокойно сидеть на скамейке и любоваться видом на противоположный берег: немного дикий, загадочный и непознанный. Несколько лет назад художественная группа *Sputnik Photos* при поддержке Центра науки Коперник подготовила публикацию «Далекое места», в которой исследовала эту разнородность реки. В одном из интервью группа назвала Вислу неизведанным анклавом, своеобразной *terra incognita*, которая притягивает своей близостью и одновременно отстраненностью от города.

Свободное пространство

Описанные выше инициативы, благодаря которым горожане вновь обрели реку, немыслимы без определенных внешних благоприятных условий. Улучшение качества воды и частичная застройка Вислострады, безусловно, были необходимы Висле, но все же этого недостаточно, чтобы привлечь людей. Как можно догадываться, для горожан, общественных активистов и малых предпринимателей притягательным стало само пространство: многофункциональное, непринужденное, эгалитарное и благодаря этому дающее ощущение аутентичности. Давайте внимательнее присмотримся к слоганам, начиная с многофункциональности.

Многофункциональность. Трудно заранее предположить, как именно будут использованы публичные пространства в городе. Но обычно уже на этапе, когда известно название, можно присвоить месту соответствующую функцию. Парк, площадь, парковка, улица. За каждым определением стоит конкретный набор видов деятельности, которые доступны в пределах

данного места. Нельзя, например, парковать автомобиль в парке, а улица не годится для утренней пробежки. Как правило, мы также не встретим людей, загорающих на городских площадях. Нестандартность Вислы заключается в том, что функция этого пространства очень размыта. Ее недоопределенность становится еще более очевидной в соотношении с окрестными зданиями: Университетской библиотекой, Центром науки Коперник, Музеем современного искусства. У каждого из них четко выраженная функция. А Висла — это Висла: обширное открытое пространство, которое включает в себя элементы парка, городского бульвара, может быть даже площади (и точно игровой площадки). Вслед за Карен Франк и Квентином Стивенсом, социологами города, можно было бы определить территории, прилегающие к Висле, как *Свободное пространство*. *Свободное пространство* — это особые места в городе, где реализуются разнообразные интересы пользователей. Это места многофункциональные: они располагают людей к отдыху, наблюдению, торговле, иногда — к политическим акциям. Чаще всего *Свободными пространствами* становятся места опустевшие, заброшенные, а также забытые. В том числе — городскими властями. Таким образом, неизбежно деятельность людей в подобных пространствах меньше ограничена, что вдохновляет горожан придумывать новые способы их освоения. Основой для возникновения такого пространства служит не только разнообразность, но также толерантность, иногда с признаками анархии. Важно, что *Свободное пространство* всегда сохраняет диалектическую связь со своим антагонистом — пространством «тесным», управляемым и спроектированным, представляемым в этом случае городскими инвестициями.

Непостоянность. У огромных зданий, предназначенных для общественного пользования, есть еще одно свойство: они представляют собой постоянные городские инвестиции, рассчитанные на годы эксплуатации. В этом контексте большая часть деятельности, осуществляемой здесь, на берегу реки, характеризуется непостоянностью. Возьмем, к примеру, клубы у самой реки и их «контейнерную архитектуру». Культурная жизнь во время сезона сосредотачивается вокруг зачастую мобильных конструкций, построенных из недорогих материалов, или на баржах, пришвартованных вдоль берега. Такие решения обусловлены суровым нравом реки: неорганизованные берега трудно обуздать, вода иногда поднимается. В связи с этим установка постоянных бетонных фундаментов для прибрежных клубов обычно не имеет смысла. Еще один аргумент в пользу такого подхода — естественная смена времен года, из-за которой работа в круглогодичном

режиме для большинства мест не представляется возможной. В подобных условиях заманчиво экспериментировать с разными видами деятельности, поскольку вероятная неудача не нанесет серьезного ущерба организатору.

Эгалитарность. С территориальной точки зрения Висла не обладает статусом отдельного района, а также не принадлежит ни к одному из районов. Таким образом складывается ситуация, в которой река одновременно и общая, и ничья. В этом есть свои очевидные недостатки: например, проблемы, связанные с заботой о бесхозном пространстве. Но с другой стороны, отсутствие владельца делает из нее территорию, открытую для всех. Висла предлагает разные возможности как обычным людям, которые хотят отдохнуть, так и владельцам небольших компаний, организаторам культурных мероприятий и частным инициативам. В этом смысле можно говорить о том, что Висла — эгалитарное место. Она доступна и студентам, и пенсионерам, а также работающему среднему классу. Все встречаются в одном месте и — прежде всего — чувствуют себя как дома.

Аутентичность. Категории непостоянности и эгалитарности идеально вписываются в свободное пространство. Чем больше разнообразных краткосрочных занятий, организованных самостоятельными субъектами, тем сильнее ощущение аутентичности места. Это привлекает людей, которые знают, что могут провести время на Висле разнообразно, непринужденно и им ничего не будет навязываться основной функцией места. На реку можно прийти как одному, так и с группой, можно проводить время за разговорами или созерцая реку в молчании. Можно прогуливаться, послушать концерт, поиграть во фризби. Можно присоединиться к какому-нибудь мероприятию или самому организовать мероприятие. На что бы мы ни решились, пространство примет нас с одинаковой открытостью, а мы будем чувствовать себя на своем месте.

Право на реку

Привлекательности Висле добавляет чувство аутентичности в широком смысле слова, много дающее этому месту. Однако мы не тешим себя иллюзией, что связанные с этим понятием возможности раз и навсегда останутся в руках простых людей. Благодаря примеру застройки Черняковского порта мы владеем некоторой информацией. Во-первых, мы знаем, что городские власти начали и будут продолжать охотно инвестировать в берега Вислы. Во-вторых — что прозвучит куда менее оптимистично: изгнание из порта фонда «Я Висла» вписывается в классический сценарий проведения реконструкции, когда не учитываются интересы группы, отвечающей за полноценное использование потенциала места.

Наивным было бы считать, что Висла не подчиняется рыночным механизмам. Сегодня ее территории — лакомый кусок для инвесторов. Вероятно, крупным игрокам полностью завладеть территориями мешает как раз их обширность и все еще нестабильный характер реки. Борьба за подлинную аутентичность, которая не является данью моде или приманкой — это борьба за сферу влияния между горожанами, городскими властями и рынком.

Здесь необходимо вспомнить Анри Лефевра, в 1967 году написавшего знаменитое эссе-манифест «Право на город». В нем Лефевр провозгласил смерть традиционного города, управляемого сверху. В связи с происходившим в то время кризисом городских агломераций, он подчеркивал необходимость найти новый способ управления, с участием всех жителей города и с учетом всех их нужд. Висла — прекрасный пример использования такой общественной энергии. По прошествии без малого десятилетия там создано пространство, где могут реализовываться интересы отдельных групп. В какой мере возможность свободной деятельности будет сохранена на берегах Вислы, зависит от того, как в будущем сложатся отношения между тремя силами: городскими властями, местными жителями и внешним капиталом. Реконструкция может, с одной стороны, приобрести черты джентрификации, которая, вероятно, повлечет за собой сокращение разнообразия деятельности. С другой стороны, благодаря ей может произойти дальнейшее освобождение горожан. Если в процессе реконструкции будут приняты во внимание нужды разных групп, ее результаты окажутся положительными. Активное и сознательное сотрудничество этих трех субъектов способно сбалансированно развивать место так, чтобы оно не утратило своих самых ценных достоинств: инклюзивности и аутентичности.

Данная статья была частично написана на основе материалов, собранных, благодаря участию автора в проекте Civic Cities. Цель проекта, организованного и осуществленного швейцарско-французскими художниками Руэди Баур и Верой Баур, состоит в анализе и сравнении городских общественных пространств. Автор и ее исследовательская группа сосредоточились на изучении феномена популярности Вислы и привисленских территорий в Варшаве. Участие в исследованиях стало возможным, благодаря польско-японской Академии компьютерных технологий и профессору Эве Саталецкой.

-
1. Демонтаж был хэппенингом, который состоялся в ходе подготовки к Евро-2012. — Примеч. пер.

Бышевы

Путешествия с экскурсоводом (1)

Я давно задумал это путешествие. На сей раз мне не пришлось ехать далеко. Цель поездки находилась всего в ста километрах от Варшавы. И тем не менее, я много раз откладывал отъезд. Боялся разочарования, боялся реальности места, запечатленного воображением.

Морозным, солнечным зимним днем я отправился в сторону Бышев. Я хотел увидеть, как изменились края, которые были дороги Ярославу Ивашкевичу. Их образ я находил на страницах его книг. Бышевы были для меня символом дружбы, счастливым местом, наполовину вымышленным и мифологизированным. Я долго не мог подобрать к нему ключ. Старался возможно более подробно представить себе усадьбу Плихтов, окружавшие ее поля, живописно разбросанные по склонам пологих холмов, сосновый лес, несколько маленьких прудов и укрывшуюся в сени деревьев деревянную скамейку. Бышевы казались мне столь же сказочными, как далекая Тимошовка, где жил Кароль Шимановский. И то, и другое отсылало к стихам и прозе, имевшей надо мной исключительную власть, к «Барышням из Волчигов», в» «Книге моих воспоминаний», фрагментам «Моего путешествия в Польшу». Все эти тексты, различные по интонации, позволили мне взглянуть в Бышевы еще до поездки.

Теперь я ехал на машине, не спеша, так, чтобы иметь возможность подробно рассмотреть меняющийся за окном пейзаж. Я хотел добраться туда дорогой, указанной Ивашкевичем. Миновал железнодорожный переезд в Рогове, откуда Ивашкевич, скорее всего, в коляске, а иной раз и пешком, отправлялся в бышевскую усадьбу. Впервые он побывал там летом 1911 года, вместе с Юзефом Сверчиньским, старшим сыном Хелены Сверчиньской, сестры Юзефа Плихты, хозяина Бышев. В усадьбе царила «мужская атмосфера», тон задавали шестеро братьев. «Еще в окно нашей спальни на втором этаже, — пишет Ивашкевич, — заглядывал высокий куст сирени, которую я никогда не видел в цвету (кажется, она была белой), еще среди яблонь у пруда виднелись остатки жасмина. [...] было это место, испокон веку освященное человеческим обитанием и культурой, место, расположенное именно в низине, дабы удался на славу сад, место,

облюбованное какими-то давними предками и в силу своей извечной насиженности подходящее для целей, в коих я им воспользовался: для размышлений и весьма фундаментального опыта».

Ивашкевич приехал в Бышевы в роли репетитора, хотя пропорция удовольствий и обязанностей соблюдалась не слишком строго. «Я, — пишет Ивашкевич, — занимался латынью с младшим братом Юзека, Вицеком — но в первую очередь был его спутником на охоте, занятии, которому он предавался целыми днями. Мы исходили вдоль и поперек все Бышевы, от фигуры св. Лаврентия аж до леса со стороны Доброй, от Скочева и маленького пруда, Поперки, между Бышевами и Скочевом, аж до огромной деревни Новосольной, немецкой колонии, находившейся уже на подступах к Лодзи». На берегу пруда стояла мельница, прототип мельниц, появляющихся на страницах более поздних рассказов Ивашкевича. На Бышевы пришлось время важнейших книг и крепкой дружбы. «Сады» — попытка их описания, «композиция из пейзажей, людей, разговоров, событий». Но важнейшая тема — дружба, «этот поиск душевного отклика в другом человеке, всепоглощающий в эпоху ранней юности и неминуемо чреватый разочарованиями. Эти вечные попытки мерить себя на чужой аршин, это вечное ожидание некоего таинственного совпадения и вечное разочарование, и невозможность какой-либо общности мыслей, нарастание надежды и горечи очередного разочарования, эти классические муки юности, переживаемые в саду. В запущенном саду, где иной раз мне чудилось, будто я отыскал нечто близкое в душе друга или подруги».

Проведя несколько часов в Бышевах, я начал сомневаться, стоит ли покидать страницы любимых книг, подвергать свое воображение испытанию реальностью. В Бышевах я нашел старую усадьбу. Еще недавно она была колхозной собственностью. Побеленный дом окружен полуразрушенными обшарпанными постройками. Рядом выстроено несколько уродливых жилых корпусов, серых, как и все вокруг. Разрушена подъездная аллея, частично выкорчеваны старые деревья. Сосновый лес сохранился, на опушке, словно призраки, стоят брошенные сельскохозяйственные машины. Они напоминают какую-то архаическую военную технику или странные предметы, встречающиеся на картинах Мальчевского. Усадьба перестроена, выгорожены новые комнаты, снесена часть стен. Видимо, послевоенным хозяевам здание показалось недостаточно практичным. Уцелели деревянная лестница и красивая, хоть и прогнившая дверь. У входа висит доска, информирующая о том, что здесь бывал Ивашкевич. Гуляя там, я испытывал злость и печаль. Я оказался в саду,

разоренном словно бы вдвойне, но в более свежих руинах отсутствовала какая бы то ни было романтика. В Бышевах я понял, о чем думал Пруст, описывая прогулку по Булонскому лесу, из которого исчезли прежние выезды и прелестные изысканные шляпки. Это один из самых трагических образов утраченного сада.

В подобный зимний день я посетил когда-то Илье. Так же, как в случае с Бышевами, я мечтал оказаться в мифическом Комбре. И так же, как в Бышевах, испытал разочарование. Городок не совпадал с текстом Пруста. К счастью, я не попал в дом тетки Амио, музей был закрыт. Со стороны пляс Лемуан я попытался заглянуть через замочную скважину во двор. Затем, по совету друга, отправился в сад Кателанский луг. Каждый шаг казался мне важным, каждый переулочек знакомым, вписанным в роман. Однако сад был важнее всего, он являл собой квинтэссенцию прустовского Комбре. Историю его я знал. Я пытался извлечь из памяти описание сада и, несмотря на зимнюю пору, искал боярышник. В Илье все представлялось мне имеющим двойное дно, словно относящимся к двум измерениям — литературы и жизни. Благодаря Джорджу Пейнтеру и его необыкновенной биографии Пруста, эти два мира проливают свет друг на друга. Однако трудно отделаться от впечатления, что в случае Илье вымысел главенствует над реальностью, а литература становится жизнью.

Оба сада, в Бышевах и в Илье, являются для меня частью мира минувшего. До недавних пор еще были живы люди, ориентировавшиеся в этом мире уверенно, без карт и путеводителей. Мне всегда казалось, что былое превалирует над сегодняшним, оставляя далеко позади грядущее. Возможно, поэтому я предпочитал проводить время в обществе людей пожилых, внимательно прислушиваясь к рассказываемым ими историям. Они олицетворяли для меня то, что я ценю в литературе и в жизни: интуицию, вкус и тот особый род знаний, что накапливаются годами — без спешки, без очевидной цели, словно бы мимоходом. Знаний, бремя которых человек несет свободно и легко. Благодаря этим людям Бышевы и Илье открываются мне, хоть это и не мои сады. Словно в тумане, вижу небольшой сад моих бабушки и дедушки в Кальварии-Зебжидовской. Я не помню ни дома, ни других деталей, но знаю, что там были плодовые деревья, а может, эта картинка — результат более поздних приездов. В городе садов мало. В нашем распоряжении обычно парки да садовые участки. Это они были территорией моих детских игр. Садовые участки на границе районов Грохов и Саска Кемпа. Каждый день я переходил деревянный мостик, переброшенный через небольшую канаву, и, войдя в калитку, в те времена никогда не закрывавшуюся, оказывался на садовых участках. Это и был

мой сад. Знакомый и таинственный. Красивее всего он выглядел весной, когда цвели деревья. Тогда он приобретал чуть розоватый оттенок. Однако чаще я бывал там летом, когда мы с друзьями отправлялись за черешнями и бумажным ранетом. Эти садовые участки стали также местом первых романтических прогулок. Я до сих пор люблю туда приходить. На фоне некрасивой монотонной городской зелени, запущенных клумб и неподрезанных кустарников они казались мне оазисом гармонии и разнообразия. Но было в их лилипутских размерах и нечто печальное, словно кто-то задумал разбить сад в цветочном горшке.

Через садовые участки я возвращался от своего друга. Он жил по ту сторону, в Грохове. Мы разговаривали о книгах. Собственно, это были скорее своего рода лекции. Ежедневные, продолжавшиеся целое лето. Вечером я брал книгу, чтобы прочитать ее на завтра днем, а затем рассказать о ней, готовясь к чтению следующих. Мы говорили только о том, что нас действительно интересовало, всегда в связи с реальной жизнью, с историей нашей дружбы. Книги повествовали о нас, а мы изъяснялись фразами из книг. Даже ситуации порой были схожими. До сих пор прочитанные тогда книги кажутся мне самыми важными. Тогда же я впервые прочитал «Сады» Ивашкевича. Я подумал о Бышевах, хотя мы так никогда и не побывали там вместе.

Перевод Ирины Адельгейм

Сады

(фрагмент)

III

В ту эпоху, когда я «обосновался» в Бышевах, сада как такового там уже не было. Разумеется, не было его и позже, когда я приезжал в эти места спустя пятьдесят или шестьдесят лет — но общее запустение, достигшее апогея после Первой мировой войны, уже тогда лишило эту прелестную усадьбу ее клумб и цветников. Еще в окно нашей спальни на втором этаже заглядывал высокий куст сирени, которую я никогда не видел в цвету (кажется, она была белой), еще среди яблонь у пруда виднелись остатки жасмина. Жасмин очень живуч даже в заброшенных садах и возле разрушенных домов, как показывает практика последнего времени.

Однако сохранились общие очертания, общий контур планировки окружающего дом пространства, сохранился великолепный, могучий и одинокий дуб, неведомо откуда тут взявшийся, ведь лесов здесь, вроде, никогда не было. А было это место, испокон веку освященное человеческим обитанием и культурой, место, расположенное именно в низине, дабы удался на славу сад, место, облюбованное какими-то давними предками и в силу своей извечной насиженности подходящее для целей, в коих я им воспользовался: для размышлений и весьма фундаментального опыта.

Эти очертания угадывались в том, что возле дома виднелись какие-то остатки цветников, там, на задах, где был спуск к двум прудикам, все лето подернутым зеленой ряской.

Вот между этими-то прудиками и пролежала тропинка, а у тропинки стоял дуб. У тропинки также похоронили какого-то партизана, но уже в эпоху Второй мировой войны — а я там бывал, а я там размышлял, а я там обретал себя, до Первой мировой.

За прудами начинался подъем, и здесь, на возвышенности, рос густой сосновый лес. Посреди этого леса вздымался холмик. Что это было, не знаю. Похоже на заброшенный ледник, на могилу, на какой-то курган. Часто этот курган служил целью прогулок и променадов, оттого его опоясывала проторенная тропинка, а на склоне рос одинокий куст лещины.

Неподалеку от кургана стояла под тремя старыми соснами скамья. Видимо, об этой скамье заботились, убирали на зиму в подвал или в сарай, ибо она не ветшала много лет. Скамья эта не предназначалась для бесед. Беседовали обычно, прохаживаясь по тропинке, огибая лесок, перебираясь через канаву, которая некогда окружала весь сад, отделяя его от поля, а теперь поросла высокой лещиной, где всегда было в изобилии орехов, и все дальше углубляясь в мелколесье, с годами превращавшееся в молодой, а затем старый лес, из леса же выходя по просеке на удивительно светлую и душистую поляну, украшенную белым зеркалом пруда, который назывался «Ключи». Таков был маршрут бесед.

На скамью присаживались с книгой. Там я читал целыми днями, свободными, светлыми днями, среди запаха смолы, пения и посвиста: иволги устроили здесь свою штаб-квартиру. Это здесь я прочитал «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса, книгу, которая произвела на меня огромное впечатление, здесь читал очерки Кристиансена по истории искусства, из которых ничего не запомнил, кроме принципиального разграничения живописи и графики, разграничения, преследующего меня по сей день.

Черные, взлохмаченные кроны сосен и непрерывные крики иволг сопутствовали моему прозрению. Прозрение заключалось в приобретении опыта — не религиозного, а ощущения, что то или иное возможно. Что это и есть главные вопросы, об этом следует думать, так следует чувствовать, и не то важно, что продано или куплено, а то, что подумалось так или иначе.

И тут, под этими соснами, я окончательно убедился, чего стоят человеческие взаимоотношения, что значит дружба, что значит любовь.

Хотя, в сущности, то была эпоха дружбы. И дружба поэтому неразрывно срослась в моих воспоминаниях с этим заброшенным садом, с этим маленьким необъяснимым курганом, на котором рос одинокий куст лещины.

В памяти моей довольно длительный период заброшенного сада в Бышевах, который часто появляется в моих описаниях, моих произведениях, занимая там весьма заметное место, сливается с очень коротким, всего лишь однодневным событием, экскурсией всей нашей юной оравы в Лович и в Аркадию, волшебный парк, расположенный под Ловичем. Это была экскурсия очень своеобразная, завершившаяся огромным пешим переходом от станции Рогов, по шоссе, существующему и поныне, и поныне живописному, хоть оно и утратило свое украшение — вековые деревья, еще недавно видневшиеся на окраине фольварка Рогов, — через Бжезины и Липины до Бышева. Ночь, чей летний и погожий покой ничто

не нарушало, летние запахи и летнее настроение не драматической любви, но безмятежной дружбы — *moderato ma cantabile*, так бы я определил это настроение сегодня. Аркадия, после привычной пустоты и запустения, казалась чем-то сверхъестественным. Эти домики и храмы, этот до половины заросший осокой пруд, с которым были связаны какие-то непонятные легенды, так разительно контрастировали с моей прежней жизнью. Впрочем, контрастировали они и с грубоватой простотой сельской жизни, которая если и заключала в себе поэзию, то поэзию неосознанную, прикрытую какими-то наслоениями и зарослями, из-под которых она смогла высвободиться лишь годы спустя, но так мощно, что продолжает высвобождаться и по сей день и еще теперь способна скрасить воспоминание, вздох и все то, что называют самым сокровенным. Неужто я был в ту пору еще столь ребячлив, что все эти впечатления оставляли столь неизгладимый след, пролагали столь глубокие русла для «ключей» — так назывался любимый пруд, — что и поныне питают мои воспоминания и мою нежность, мою внутреннюю жизнь?

Стояла июльская, чудесная ночь, когда мы гуськом шагали от Рогова к Бжезинам — и поныне сами эти названия звучат для меня сказочным заклатьем. Шоссе между Роговом и Бжезинами — экзотический тракт, где разыгрываются все мои скитания Синдбада, все мои рассказы Шехерезады, все арабские сказки, композиции Римского-Корсакова, и Равеля, и Шимановского, и единственная моя композиция на эту тему, исполнявшаяся в моем романе, в главе о филармоническом концерте, где сочинены и несуществующий текст, и несуществующая музыка для несуществующих — а точнее, живущих лишь в моем воображении — людей, для Эдгара и Эльжбеты, обожаемых моих друзей. Я их очень любил, быть может, именно потому, что они никогда не существовали. Однако прежде, чем все это спустя много-много лет, после десятков сомнений, раздумий, страхов, сожалений, после двух пережитых войн, не пощадивших таинственные сады, вернулось ко мне, я все это тут же, по горячим следам, переносил на бумагу, вписывал фантастические размышления о дружбе в созданный сразу же по возвращении из Ловича роман, который носил ныне забытое мною название. Много бы я отдал теперь за то, чтобы прочитать двенадцать глав этого большого романа, в котором сосредоточил описания взволновавших меня книг и садов, в котором зачаровал бышевские и тимошовские скамьи, звездное небо — свидетеля первых поцелуев, и образы тех рассеянных по разным ипостасям моей жизни женщин и мужчин, которых мне хотелось собрать в одном месте.

Тот «большой» роман о дружбе многие годы хранился у моей тогдашней приятельницы, сопровождал ее в скитаниях по литовским пущам и берегам Вислы, пока наконец не сторел в зареве первых недель последней войны. Не было тогда времени ни на романы, ни на воспоминания о дружбе, ни даже на любовь и на странствования по Аркадии.

Роман был, разумеется, незрелым, подражательным, причем подражал я второстепенным образцам, молодежи в нем приписывались взрослые чувства, а все герои весьма наивным образом неожиданно сталкивались в Ловиче и Аркадии. Юра Миклухо-Маклай, именуемый в романе Уриилом — подобно архангелу — играл важную роль, будучи выведен в качестве любовника моей приятельницы. Она, конечно, была задета подобным расхождением с истинным ходом событий и не давала читать рукопись своему мужу. Но муж не интересовался моей рукописью. Не интересовался всем этим маскарадом и не знал, под какими именами выступают в моих стихах и прозе он сам, его жена, я и все мои друзья. Не интересовался, под какой маской выступают бышевский сад, парк в Аркадии или скромный сад тети Слюсарской в Бжезинах (но цветы у нее были чудесные!) и тот огромный пруд в саду, по которому мы катались на лодке в пять часов утра, окунув в студеную воду ноги, покрывшиеся болезненно саднящими пузырями после перехода по шоссе от Рогова до Бжезин.

Дружба! Этот поиск душевного отклика в другом человеке, всепоглощающий в эпоху ранней юности и неминуемо чреватый разочарованиями. Эти вечные попытки мерить себя на чужой аршин, это вечное ожидание некоего таинственного совпадения и вечное разочарование, и невозможность какой-либо общности мыслей, нарастание надежды и горечи очередного разочарования, эти классические муки юности, переживаемые в саду. В заброшенном саду, где иной раз мне чудилось, будто я отыскал нечто близкое в душе друга или подруги.

Но что я мог отыскать? Я очень быстро убедился, что узкое и догматическое понимание опыта тех, кто готовился вскоре одержать классовую победу, не способно меня удовлетворить. Доктрины оставляли меня холодным и совершенно бесчувственным, как бесчувственны были сухие сосновые ветки над «моим» курганом. Точно так же я вскоре увидел, что дружба с женщиной, заключающаяся в бесконечных излияниях и разговорах «о другом», в непомерно разбухающей переписке, в сотнях сиреневых страничек, от которых и сегодня еще исходит запах старомодных духов, — для нее лишь повод говорить «о нем» — а возможно, исключительно о себе? О своих туалетах, о своих успехах?

А дружба с будущим военным, крупным военным — это какое-

то поразительное наведение мостов вопреки всему, что нас разделяло, вопреки всем различиям наших пристрастий, темпераментов, окружения, взглядов. Несмотря ни на что, из этих порывов, из всех этих мечтаний в саду ярче всего запомнился мне этот высокий и великолепно сложенный блондин с бездумными, на первый взгляд, глазами, напоминавшими цветы. Глаза его походили на цветы цикория, петровых батонов, что растут на межах и вокруг тех диковинных каменных груд, которых там полно было на полях. Одна находилась как раз неподалеку от моей скамьи — нужно было только перейти канаву, отделявшую сад от поля, пробраться через особенно густые в этом месте заросли орешника, а за ним, на поле, которое, как правило, пахло люпином, возвышалась груда камней.

Эти груды камней, собранных крестьянами на полях, которые они пахали не одну сотню лет, были для меня чем-то необычным. И даже немного чуждым. Я не любил сидеть там, хоть мой друг и заставлял меня вырубать в розовом граните наши инициалы, дабы они запечатлелись на веки вечные. Единственной прелестью этих каменных груд были заросли ежевики (двух сортов ежевики, о которых вечно спорили за полдником: одни синеватые, покрытые налетом, точно сливы, пахнувшие моим детством — такие встречались на Украине, а другие, черные, без синеватого налета, похожие на плоды шелковицы, были сухими и, по-моему, невкусными и несъедобными, с чем не соглашалось местное общество) и то, что, когда мы долго там сидели, от чуть дурманящего запаха люпина начинала кружиться голова, и снующие мимо перепелки или куропатки казались какими-то диковинными птицами; сидение среди камней обращалось в экзотическое путешествие.

На этой скамье в саду я читал приходившие издалека письма, письма от моих друзей, которых немедленно помещал в свой тягучий роман, и мудрые книги вроде «Многообразия религиозного опыта» Джеймса.

И именно здесь я мог уловить и заметить, записать и запомнить на будущее — то есть на всю жизнь — что явления, на первый взгляд, обособленные, составляют однородную массу, амальгаму, спекаются друг с другом, и очень трудно увидеть их по отдельности и думать о них по отдельности. Мне трудно думать о «Многообразии религиозного опыта» или о разнице между рисунком и живописью (о перспективе, по словам Кристиансена, от рамы вглубь картины либо от центра рисунка — к раме) и не думать о маленьком кургане в лесу за садом, не думать о высоких соснах, которые тот курган окружали. В годы Первой мировой войны в стволе одной из этих сосен застрял артиллерийский снаряд, который остается

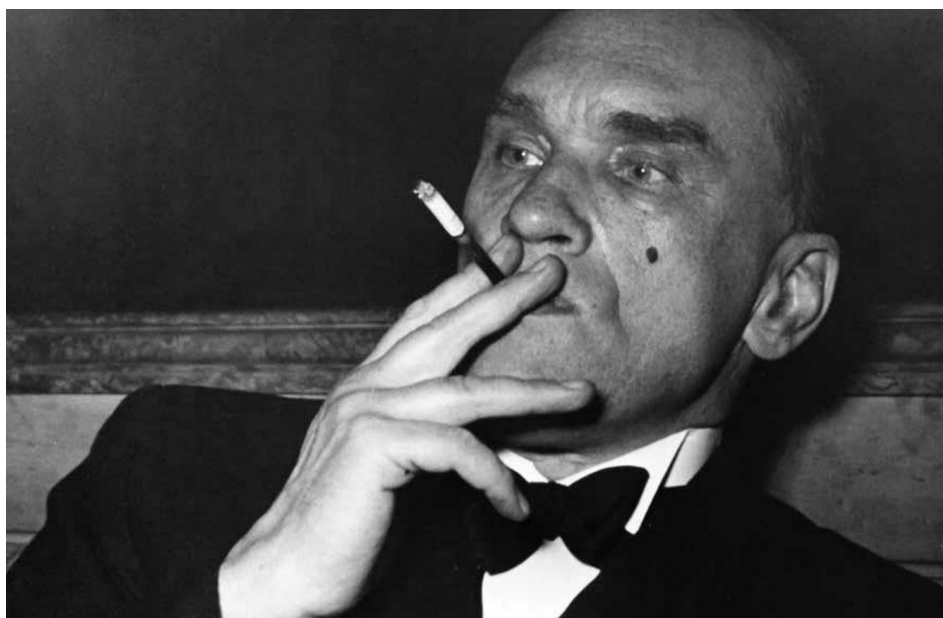
там и по сей день, напоминая легкомысленным людям о том, что происходило в этих тихих краях. Скамья и запах люпина сливаются с воспоминаниями о моих друзьях, которым, впрочем, трудно было бы теперь прийти и сесть рядом со мной на скамью, ибо могилы их находятся очень далеко. Запах люпина, навязчивый и вызывающий головную боль, сливается с запахом тех сиреневых писем, старомодным, но так меня радовавшим. Ибо письма эти находили меня при самых невероятных обстоятельствах и в самых удивительных местах. В одном из них, не утратившем волнующего запаха, описывалось взятие Кельце legionами Пилсудского и недолгий «час независимости», казавшейся чем-то совершенно фантастическим.

Все это вместе взятое образует не хронологическую последовательность, а единое захватывающее целое! И ко всем ароматам того сада присоединяется еще вдруг открытый неповторимый запах, запах человеческого тела в летнюю ночь, горячий запах увядших листьев и влажной земли на могиле того партизана, который там похоронен и которого я навещал спустя пятьдесят лет после моего первого появления в этом саду.

А может, мне это лишь казалось? Может, все эти картины и запахи образовывали фантазмагорические комбинации, которые я распутывал в своих рассказах?

Перевод Ирины Адельгейм

Интимная биография Ярослава Ивашкевича

© Фото: Archiwum J.Hartwig i A.Miedzyrzedkiego / East News

Двухтомник «Другая жизнь. Биография Ярослава Ивашкевича» Радослава Романюка появился в исключительно благоприятный момент. Со времени публикации предыдущей биографии писателя, созданной в 1994 году Анджеем Завадой, прошло уже немало лет. За этот период значительно пополнился фактографический материал — я имею в виду, прежде всего, издание трех томов «Дневников» Ивашкевича. Трудно представить себе автора, который в профессиональном плане был бы подготовлен для написания биографии автора «Хвалы и славы» лучше, чем Радослав Романюк. Он являлся членом редакторской группы, работавшей над публикацией личных записей писателя. Однако читателя, ожидающего от этой книги, прежде всего, интерпретации «Дневников», ждет разочарование. Исследователь представил собственную оригинальную концепцию, опирающуюся на фундаментальную методологическую базу.

Следует подчеркнуть, что в процессе чтения «Иной жизни...» перед нами раскрывается процесс формирования методологии Романюка. Описывая детство и молодость писателя, автор делает акцент на изображение мест, с которыми была связана жизнь писателя. После смерти главы семьи Болеслава

Ивашкевича мать и сын много раз меняли место жительства, перебравшись из Кальника на Подолье в Варшаву, затем в Елизаветград и наконец в Киев, а Ярослав пытался совместить обучение на юридическом факультете Киевского университета со случайными заработками в дворянских усадьбах. Если нарисованная автором картина жизни поляков на Украине представляется весьма интересной, то проработанность занимающего несколько страниц описания Варшавы начала XX века, где девятилетний Ивашкевич жил в 1902–1904 гг., может вызвать сомнения. В последнее время на издательском рынке появилось множество писательских биографий. Назовем лишь выделяющуюся своим объемом книгу Анджея Франашека «Милош. Биография» и двухтомник Клементины Суханов «Гомбрович. Я, гений». Разумеется, все они различаются по своему ракурсу, однако встает вопрос о самом статусе биографических трудов. Перед нами уже не литературоведческие исследования в традиционном понимании этого термина, поэтому представляется необходимым конкретизировать используемые критерии. «Другая жизнь...» может, в сущности, рассматриваться как пример подобных поисков. Однако вернемся к варшавскому эпизоду в жизни молодого Ивашкевича... Как нам кажется, в данном случае автор слишком увлекся автопортретом, нарисованным самим писателем, который в «Книге моих воспоминаний» мифологизирует свое прошлое. В результате читатель получает несколько переслащенный образ гениального юноши, как губка, впитывающего литературные, музыкальные, театральные, художественные впечатления.

В конце первого тома исследователь, тем не менее, отходит от топографического ракурса и начинает творчески развивать гендерную концепцию Германа Ритца, швейцарского ученого, автора книги «Ярослав Ивашкевич. Пограничья современности». Ритц отмечал, что мотив гомосексуальности проходит через все творчество Ивашкевича и функционирует в нем на основе механизма сублимации. Романюк в конечном счете, уклоняется от ответа на вопрос, был Ивашкевич гомосексуален или же бисексуален. Писатель женился на Анне Лильпоп, стал отцом двух дочерей, однако, судя по собранному Романюком материалу, гомосексуальные связи являлись для него важнейшим творческим стимулом. В начале супружеской жизни Анна сквозь пальцы смотрела на гомосексуальные приключения мужа, но стоит задуматься, в какой степени эта проблема надорвала ее психическое здоровье. Исследователь анализирует творчество автора «Березняка» с точки зрения аллюзий с внелитературной реальностью, расшифровывает скрытые смыслы и отмечает сдвиги в области половой

идентификации героев по отношению к прототипам, замену мужского рода более безопасным женским. Одна из основных ситуаций в прозе Ивашкевича — любовный треугольник с участием двух мужчин и женщины. Романюк утверждает, что изученные им, ранее недоступные архивные материалы проливают новый свет на наследие писателя. Описывая гомосексуальные романы Ивашкевича, прежде всего, с Веславом Кемпиньским и Ежи Блещиньским, автор затрагивает необычайно важную проблему, связанную с пространственным контекстом (подваршавские Подкова-Лесьна, Брвинов, Гродзиск, Пястов, Прушков). Писатель ощущал себя гражданином мира, но, вероятно, осознавал поверхностность и фальшь этого салонного глянца. И, быть может, поэтому действие многих его произведений происходит именно в провинции.

В изложении биографии Ивашкевича после Второй мировой войны Романюк в определенном смысле идет за своим предшественником — я имею в виду Марека Радзивона и его книгу «Ивашкевич. Писатель после катастрофы» (2010), в которой автор сосредотачивает свое внимание на деятельности Ивашкевича в роли многолетнего председателя Союза польских писателей и главного редактора журнала «Творчосць». Романюк верифицирует концепцию Радзивона, подтверждая правильность его тезиса о том, что медийная ипостась Ивашкевича, пытавшегося лавировать между партийными консерваторами и либеральной оппозицией писателей, в тех исторических обстоятельствах приносила пользу польской литературе. Ибо писатель отстаивал фундаментальные ценности — такие, как свобода слова и свобода совести, — являющиеся необходимым условием развития творческой личности.

Романюк не побоялся поднять столь болезненный и деликатный вопрос, как мировоззренческий кризис Ивашкевича после Второй мировой войны, впрочем, многократно упоминаемый писателем в «Дневниках». Автор выделяет ряд факторов, способствовавших творческому спаду. Сначала крушение немецкого мифа, связанного с участием в конгрессах Интеллектуального союза, а также эротического увлечения Карлом Шефолдом. Польский писатель не ожидал, что под покровом возвышенных лозунгов, отсылающих к немецкому романтизму, популярных в Круге Стефана Георге, к которому принадлежал Шефолд, зарождался гитлеризм. Романюк говорит, что во время Второй мировой войны противоядием от ужасов оккупационной реальности стало для Ивашкевича страстное чтение произведений русской

литературы, однако после 1945 года положение Польши, ставшей государством-сателлитом СССР, вероятно, мешало ему искренне наслаждаться текстами российских авторов. В трудные периоды писатель пытался создать вокруг себя анклав относительной свободы, как, например, Стависко во время оккупации или Союз польских писателей в условиях ПНР. Эта стратегия не всегда приносила свои плоды. Дистанцирование Ивашкевича от Варшавского восстания и от патриотизма в целом — справедливо интерпретируемое Романюком как последствия жизненного краха его отца после январского восстания 1863 года, — стало источником потенциальных конфликтов с окружением. В наиболее трудные моменты, когда партийная верхушка оказывала особое давление на писательскую среду, автор «Путешествия в Италию» просто спасался бегством за границу. Еще одним фактором, делавшим уязвимой «башню из слоновой кости», стали рецидивы психической болезни жены Ивашкевича. Представляется, что писатель был человеком необычайно тонким и впечатлительным, которому выпало жить в эпоху триумфа жестокости и варварства, неотделимых от идеологии обоих тоталитарных систем. Кроме того, биография Романюка открывает весьма любопытные перспективы для исследователя, например, в области отношений Ивашкевича с польской эмиграцией. Автор описывает полемику, которую тот вел с парижской «Культурой» на страницах журнала «Твурчосць», а также контакты Ивашкевича с Гомбровичем и Милошем, вне всяких сомнений, требующие более глубокого анализа. Что касается Гомбровича, «Другая жизнь...» явно перекликается с биографией Франашека. Таким образом, перед нами интересный исследовательский дуэт.

Я с нетерпением ждал тех глав книги, которые посвящены путешествиям Ивашкевича. Признаюсь, что наиболее удачным видится описание итальянских поездок писателя, а фрагмент главы «Отель Минерва», воспроизводящий один день пребывания писателя в Вечном городе и общение с произведениями искусства, написан с большим литературным мастерством. Главу «В Петербурге и других местах» автор целиком посвятил послевоенным поездкам Ивашкевича в СССР, особенно подчеркивая сентиментальную подоплеку путешествий в Киев: писатель пытался соединить воедино два образа этого города — дореволюционный и современный. Необыкновенно плодотворными, с точки зрения литературы, оказались поездки в Россию. В 1967 и 1969 годах Ивашкевич посетил Золотое кольцо России, и православное искусство привело его в восхищение, в результате чего спустя несколько лет родился рассказ «Тано», где оно оказывается значимым

фоном. Еще одним источником вдохновения, связанным с Россией, стала IV, фа минорная симфония Чайковского, аллюзии к которой можно обнаружить в рассказе «Четвертая симфония». Ритц в свое время уже анализировал это произведение, с точки зрения сублимации гомоэротических мотивов, Романюк же дополняет выводы швейцарского исследователя биографическим контекстом, подчеркивая, что прообразом банщика Васи мог быть шофер писателя Шимон Пётровский.

Вне всяких сомнений, «Другая жизнь...» постулирует автобиографизм как доминирующую методологию исследования наследия Ивашкевича, а также развивает это направление посредством введения новых, прежде не известных материалов. В книге, кроме того, намечены перспективы, которые, надеюсь, станут источником вдохновения для будущих исследователей.

Radosław Romaniuk, Inne życie. Biografia Jarosława Iwaszkiewicza.

Tom I, Wydawnictwo Iskry, Warszawa 2012; t. II. Wydawnictwo Iskry, Warszawa 2017.

Культурная хроника

«Мы — дети эпохи, эпоха — политическая», — писала много лет назад Вислава Шимборская в стихотворении «Дети эпохи». И сегодня все очень похоже: «Все твои, наши, ваши дневные дела, ночные дела — это дела политические». И литературные премии, кажется, тоже «дела политические»? Писатели едва ли от этого в восторге, но ощущают, что «о чём говоришь, имеет резонанс, о чём молчишь, имеет красноречие так или иначе политическое» (перевод Ю. Салатова).

В нынешнем году лауреатом литературной премии им. Марека Новаковского стал Павел Солтыс — писатель, а одновременно музыкант, вокалист, гитарист и автор текстов песен, выступающий под псевдонимом Паблопаво. Премия присуждается писателям, обращающимся к варшавской тематике, столь близкой Мареку Новаковскому. Солтыс отмечен за сборник рассказов «Микротики» (изд-во «Чарне») и «оригинальный подход к варшавской проблематике, точность языка, новаторский подход к слову и творческую связь с прозой патрона премии», — сказал председатель жюри проф. Мацей Урбановский, выступая на торжественной церемонии во Дворце Республики.

Премия, учрежденная Национальной библиотекой в прошлом году, пользуется особым вниманием политиков. Президент Анджей Дуда как в 2017 году, когда лауреатом стал Войцех Хмелевский, отмеченный за совокупность творчества, так и в нынешнем году прислал поздравительное письмо. В нем отмечается, что патрон премии был особенным писателем, свидетелем эпохи и больших исторических перемен, «которые рассматривал, однако, всегда сквозь призму человеческих судеб. Эта способность видеть, эта чуткость сегодня особенно ценны. В текущем году мы празднуем столетие обретения независимости, вспоминаем великих писателей, великих людей польской культуры. Мы хотим показать, как это прекрасно выражает девиз премии, что «мы не ниоткуда», что мы преемники наших предков, что мы очередное поколение, которое эту землю — нашу родину — получили в наследство. В литературном мире Марека Новаковского каждый мог себя почувствовать значительным и ценным», — написал президент.

С письмом к участникам торжественной церемонии обратился также председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский. В нем он характеризует Марека Новаковского как писателя, творчество которого сосредоточено в области «малых повествовательных форм, исключительным образом описывающих дела и людей «дальнего плана», иногда маргиналов, ведущих не слишком изящный образ жизни не в представительских районах, а в закоулках его любимого Города». Председатель правящей партии акцентировал также свою особую связь с Мареком Новаковским, которую постоянно ощущал: «Это была также идейная близость: в давнишние времена проистекающая из неприятия ПНР, а в более близкие годы — из схожести оценки польской судьбы, состояния Речи Посполитой и духовной кондиции поляков».

Тем временем во Вроцлаве редакция журнала «Одра» присудила свою премию за 2017 год Клементине Суханов за книгу «Гомбрович. Я, гений» — «прекрасно написанную, продиктованную многолетней исследовательской увлеченностью и к настоящему времени наиболее полную из изданных в Польше биографий Гомбровича». Клементина Суханов — литературовед, университетский преподаватель, переводчица, редактор. Она также автор книг «Аргентинские приключения Гомбровича», «Королева Карибов» (это роман о героях кубинской революции). Монография «Гомбрович. Я, гений» выпущена издательством «Чарне» в сотрудничестве с Музеем литературы им. Адама Мицкевича.

«О Суханов стало известно не только в связи с книгой, но также в связи с ее вовлеченностью в уличные протесты, — пишет в «Газете выборчей» Магда Пекарская. — Хотя после написания «Гомбровича» она планировала надолго уехать за границу, в октябре 2016 года вышла на манифестацию женщин [стихийный протест женщин против проекта закона, ужесточающего правила относительно абортов — Э.С.]. Затем, в декабре, была возле Сейма. Сейчас не проходит недели, чтобы она не принимала участие в какой-либо демонстрации. 11 ноября блокировала марш националистов. Затем протестовала против новой версии закона о доступности оружия. В декабре минувшего года забросала правительственные лимузины яйцами, чтобы выразить протест против решения правящей партии ликвидировать независимость судов. Когда на нее обрушилась волна критики, заявила: «Если мне кто-то говорит о яйцах, то с учетом того, как к нам относятся, скажу — подумайте, где вы находитесь».

Они направляют на нас автоматы, а мы — о яйцах. Посмотрите, что происходит в Латинской Америке — там никто не играет в яйца!»»

В Закопане объявлен Год Владислава Хасёра, поскольку 2018-й — это год 90-летия знаменитого авангардного художника. Его сравнивают с Артуром Раушенбергом и Энди Уорхолом, но сам он говорил, что никогда не гнался за современностью. Владислав Хасёр (1928–1999), культовый художник поколения 60-х и 70-х, был скульптором, живописцем, сценографом. Ученик Антония Кенара, он связал свою жизнь с Закопане; здесь у него была мастерская. Прославился как пионер искусства ассамбляжа — композиций из готовых предметов. Часто найденных на свалках, кладбищах, в заводском мусоре. Использовал отслужившие свое, сломанные предметы, осколки зеркал, заржавевшие трубы, проволоку, игрушки, сломанные столовые приборы. «Я пользуюсь материалами, которые что-то значат. У каждого предмета свой смысл, а собранные вместе — это афоризм», — говорил мастер. Его работы, инспирированные культурной свалкой, вызывали противоречивые оценки и горячие дискуссии. В 1974 году, когда он показывал свое творчество в Королевском замке, пол-Варшавы выстроилось в очередь, чтобы увидеть его «штандарты», отсылающие к костельным феретонам (двусторонним иконам), а также знаменитую детскую коляску, наполненную землей, утыканной крестами и горящими свечами. Источником вдохновения для художника была культура и народные традиции Подгалья. Влияние на его эстетику оказала также национальная травма Второй мировой войны. Хасёр известен также своими работами в открытом пространстве и памятниками — в частности, альпинистам-спасателям и расстрелянным партизанам.

Верхнесилезский музей в Бытоме подготовил выставку «Музыканты картины. Альфред Леница. Ян Леница», посвященную творчеству выдающегося художественного дуэта — Альфреда Леницы (отца) и Яна Леницы (сына). Альфред Леница (1899–1977; между прочим, тесть Тадеуша Конвицкого, отец Дануты, иллюстратора книг для детей), хотя по образованию был музыкантом, нашел себя в сфере абстрактной живописи в ее наиболее экспрессивной форме, то есть в ташизме. Ян Леница (1928–2001) считается одним из самых крупных представителей польской школы плаката, он создавал также авангардные анимационные фильмы, которые принесли

ему международное признание. Ян Леница — автор более 200 кино- и театральных плакатов. Мастер метафоры, он охотно пользовался приемами абсурда, иронией, гротеском. «Искусство плаката, — говорил он, — ближе всего, пожалуй, джазу: все основывается на умении сыграть чужую тему по-своему». Название выставки отсылает к словам Альфреда Леницы: «Рисунок, линия — это архитектура; краска, цвет — это музыка картины». А Ян Леница сказал в свое время знаменитую фразу: «Плакат должен петь». Выставка будет работать до 8 июля.

Государственная галерея искусства в Сопоте показала 75 картин в честь 75-летия Эдварда Двурника, одного из наиболее узнаваемых мастеров современного польского искусства. Вернисаж выставки «75 x 75 Двурник» прошел 13 апреля.

— Выставка показывает весь спектр творчества художника и разнообразие его достижений, — сказал куратор выставки Богуслав Дептула. — На Двурника наибольшее влияние оказали два художника: с одной стороны — Никифор Криницкий, а с другой — Ян Матейко. Все творчество Двурника простирается от Никифора до Матейко. Он начинал с городских пейзажей, затем последовал цикл картин «Путешествие автостопом», потом — серия произведений, посвященных спортсменам, а также отчасти репортажных картин. С определенного времени по сей день значительную часть его творчества составляют абстрактные работы.

В Сопоте собраны произведения из Национального музея в Варшаве, Национальной галереи искусства «Захента», а также из частных коллекций. Выставка «75 x 75 Двурник» будет открыта до 17 июня.

В Национальном музее в Варшаве в первый раз в Польше можно увидеть, ни много ни мало, 81 произведение, относящееся к культурному наследию Перу. Выставка «Искусство вице-королевства Перу» демонстрирует встречу двух разных и далеких друг от друга культур — христианства и андианского взгляда на мир, что было творчески развито тамошними художниками. «Бывают выставки, которые восхищают, и те, что удивляют. Эта выставка, несомненно, относится ко второй категории, — написал в «Политике» Петр Сажинский. — Хорошей живописи кот наплакал, но, вопреки тому, смотришь ее с неослабевающим интересом как интригующий гибрид

европейской (главным образом, католической) культуры и иконографии родом из местной традиции, индейских обычаев и мировидения. Художественный почерк почти всегда провинциальный, но какое воображение... Ангелы, облаченные в парадные военные мундиры и головные уборы, — на посту, с аркебузами в руках. Мать Божья, чья голова увенчана плюмажем, с множеством перьев, традиционным там символом власти. Иисус, уберегающий от землетрясений». Выставка в Национальном музее в Варшаве работает до 20 мая, а затем будет показана в Национальном музее во Вроцлаве (с 5 июня по 2 сентября).

В «Театре польском» в Варшаве 26 марта вручались «Орлы» — премии Польской киноакадемии. Главный победитель — «Тихая ночь» Петра Домалевского, повествующая о последствиях экономической эмиграции. Картина получила девять призов, в том числе как «Фильм года». Домалевский получил также приз за режиссуру, сценарий и в категории «Открытие года». Польская киноакадемия отметила также актеров фильма: Давида Огородника за мужскую роль первого плана и Агнешку Сухору за женскую роль второго плана. Двух «Орлов» получили создатели фильма «Искусство любви. История Михалины Вислоцкой» (режиссер Мария Садовская): призами отмечены Радзимир Дембский за лучшую музыку и Магдалена Бочарская за лучшую главную женскую роль.

Премия «За фильм 20-летия» получил Роман Поланский за режиссуру «Пианиста» — фильма о польском композиторе еврейского происхождения Владиславе Шпильмане, который сначала попадает в гетто, а потом старается выжить в разрушенной военной Варшаве. «Пианист» одержал победу по итогам интернет-голосования в ходе опроса зрителей. Присутствовавший в зале режиссер сказал: «Эта награда имеет огромное значение для меня и для этого фильма, который двадцать лет назад получил много призов, в том числе «Золотую пальмовую ветвь», «Оскар» и т.д., но это все были отличия, присуждаемые кинематографистами и академиями. А нынешняя премия — от публики. Спустя двадцать лет получение такой награды для меня имеет невероятное значение».

«Орел» за совокупность творчества был вручен во время торжественной церемонии Ежи Штуру — актеру, режиссеру, педагогу. Он снялся в нескольких десятках фильмов, таких, например, как «Шрам» и «Кинолюбитель» Кшиштофа Кеслевского, «Распорядитель бала» Феликса Фалька, в

необычайно популярной комедии «Секс-миссия» (в советском и российском прокате «Новые амазонки») Юлиуша Махульского.

Безоговорочным победителем Опольских театральных конфронтаций «Живая классика» стала «Свадьба» по пьесе Станислава Выспянского, представленная Краковским национальным «Старым театром». Спектакль в постановке Яна Кляты получил также призы за хореографию, сценографию и костюмы, за режиссуру и приз для актерской труппы. Имеет смысл напомнить, что Клята был директором «Старого театра» до осени прошлого года, когда, вопреки протестам труппы и публики, оставил пост по решению министра культуры.

— Ян Клята воссоздал произведение в полном объеме, показал, что можно произносить текст Выспянского почти без сокращений, и мне кажется, что это было по-настоящему результативно, а кроме того, спектакль пропитан столь громадной современной энергетикой, что у нас вообще не было никаких сомнений, — сказал председатель жюри «Живой классики» Януш Опрынский.

Журналистское жюри также присудило свой главный приз «Свадьбе» — Яну Кляте и коллективу Краковского национального «Старого театра».

26 марта в Силезской опере в Бытоме вручались «Золотые маски» — артистические премии маршалов Силезского и Опольского воеводств, присуждаемые в связи с Международным днем театра. «Спектаклем года» в Силезском воеводстве названа опера «Ромео и Джульетта» в постановке Михала Знанецкого в Силезской опере в Бытоме, а в Опольском воеводстве — поставленный Дарьей Копец на основе книги Марты Абрамович спектакль «Монахини уходят тихо» в Театре им. Яна Кохановского в Ополе.

С 16 по 30 марта проходил уже 22-й Пасхальный фестиваль Людвига ван Бетховена, на этот раз под девизом «Бетховен и великие годовщины», что подразумевало столетие обретения Польшей независимости, столетие Леонарда Бернштейна, 85-летие светлой памяти Генрика Миколая Гурецкого и 85-летие Кшиштофа Пендерецкого. 18 концертов в Варшаве, 12 в Кракове,

Катовице, Вроцлаве, Гданьске, Щецине, Радоме, Люблине и Забже собрали 100 тыс. слушателей. На фестивале выступили мировые звезды, среди которых пианисты Кристиан Циммерман и Рудольф Бухбиндер, скрипачка Анна-София Муттер, дирижеры Кристоф Эшенбах и Леонард Слаткин. Артисты Академии молодых оперных певцов при петербургском Мариинском театре показали оперу «Кащей бессмертный» Николая Римского-Корсакова.

По случаю столетия обретения Польшей независимости прозвучали великие произведения польских композиторов: вторая («Коперниковская») симфония Генрика Миколая Гурецкого, «Польский реквием» Кшиштофа Пендерецкого (за пультом был автор), кантата «Призраки» Станислава Монюшко, «Польская фантазия» для фортепьяно с оркестром Игнация Яна Падеревского, фортепьянные произведения Фридерика Шопена, мазурка опус 50 Кароля Шимановского.

Фестиваль, организованный Эльжбетой Пендерецкой, прошел под почетным патронатом президента Республики Польша Анджея Дуды.

Министерство культуры и национального наследия 13 апреля проинформировало, что столичная полиция разыскала три картины, похищенные во время Второй мировой войны из Национального музея в Кракове: «Ананас» Юзефа Панкевича, «Вид окрестностей Неаполя» Ивана Труша и «Портрет президента Игнация Мосцицкого» Казимежа Похвальского. Все три произведения, фигурирующие в общенациональном списке военных потерь, найдены в Польше. Министерство культуры напомнило, что за последнее полугодие удалось обнаружить четыре картины из собраний Национального музея в Кракове, утраченные во время войны. «Очередные возвращенные в последнее время картины могут свидетельствовать о том, что эти сокровища никогда не покидали страну, а стали жертвой послевоенного мародерства», — читаем в релизе ведомства культуры.

Прощания

2 апреля в возрасте 70 лет в Варшаве скончался Збигнев Лапинский, пианист и композитор, автор музыки к песенным текстам Яцека Качмарского, таких, например, как «Сомосьерра», «Сочельник в Сибири», «Красный автобус».

Наряду с многолетним сотрудничеством с Яцеком Качмарским и Пшемиславом Гинтровским, композитор работал со многими другими артистами, в том числе с Кшиштофом Даукшевичем, Доротой Сталинской, Марианом Опаней, Эвой Блащик, Гжегожем Турнау, Кубой Сенкевичем. Сочинял также инструментальные произведения квазисимфонического характера. В 1989 году вместе с вокалистом Йорном Сименом Оверли получил в Норвегии премию «Spellemann Prisen» (аналог польского «Фридерика») за пластинку с творческой обработкой песен Владимира Высоцкого.

9 апреля в Лодзи умер Эдвард Зайичек, легендарный руководитель кинопроизводства, один из создателей польского послевоенного кино (с которым он был связан с 1945 года). Был руководителем производственной базы киностудии Войска Польского в Кракове, директором студии документальных фильмов в Варшаве, шефом производства кинообъединений «Сирена» (1955–1956), «Иллюзион» (1956–1967), «Кадр» (1972–1974).

Почитаемый преподаватель Лодзинской киношколы, в 1989–1996 годах — проректор этого учебного заведения. Работал также на факультете радио и телевидения Силезского университета в Катовице. Автор многих публикаций, связанных с экономической историей кинематографии, и по вопросам экономики и организации кинопроизводства. Ему было 95 лет.

Выписки из культурной периодики

Все труднее становится выудить из журнального половодья какие-либо достойные внимания явления, особенно в сфере культурной жизни. Однако же всегда что-нибудь найдется, только удильщику надо обладать азиатским терпением. Сейчас, например, в выходящем раз в два месяца журнале «Аркана» (№ 1–2/2018) я нашел похвальное слово, с которым выступил эссеист, переводчик и прозаик Антоний Либера в связи с вручением профессору Анджею Новаку литературной премии «Крылья Дедала», присуждаемой Национальной библиотекой. В первый раз этого отличия смог добиться историк. Указывая на достоинства его творчества, Либера подчеркивает: «Он понял, что сама по себе научная работа, даже самая добросовестная и всесторонняя, — этого мало. Что, посетив «сей мир в его минуты роковые» (как писал Тютчев в своем знаменитом «Цицероне»), историк должен значительно расширить свою роль, — выйти за пределы академической аудитории и учить своему предмету, так сказать, по-сократовски, в ходе непосредственного диалога с обществом. Какую проблему усматривал здесь автор «Возвращения в Польшу» (очерков о патриотизме после «конца истории») и какие задачи ставил в связи с этим перед собой? Его базовой темой был глубокий кризис национального сознания общества и его отношения к собственной традиции и идентичности — кризис, к которому привели не только годы коммунистической пропаганды (а ранее катастрофы, которой была гитлеровская оккупация и крах мнимого освобождения), но также и полностью новая форма индоктринации, проистекавшая одновременно из постколониальной ментальности и идеологии неоинтернационализма. У Анджея Новака не было сомнений, что это новое явление в польской общественной жизни — явление, которое его вдохновители и организаторы затевали как национальный экзорцизм, якобы аутотерапию, якобы преодоление национальных пороков и слабостей, в действительности окажется акцией, рассчитанной на радикальное снижение самооценки и самоуничижение, как предоставление противникам и врагам свидетельства собственной ничтожности — это, пожалуй, самая опасная болезнь польской души с конца XVIII века, когда подобные идеи и настроения обернулись предательством и привели к падению

Первой Речи Посполитой. И что эту болезнь предстоит самым упорным образом преодолевать и противодействовать ее распространению. Вот здесь было место и для личной ангажированности. Ведь инфекцию в области истории и исторической политики может распространять, главным образом, если не исключительно, Историк — некто, который, как никто иной, знает механизмы общественных и социально-политических перемен, как знает роль пропаганды и того, что мы сегодня называем визуальной передачей. И наш сегодняшний лауреат принял на себя эту миссию. Он решился в самом широком масштабе очистить картину польского прошлого и польскую духовную действительность от бесчисленных искажений и фальсификаций, от самой банальной лжи, повторяемой зачастую умышленно, с недобрыми намерениями. Очистить и убедить, что любые обновления и реформы начинаются с приятия корней, с веры общества в самое себя. Не с отрицания и педагогики стыда, не с неустанной критики, окрашенной презрительностью, не с подрезания крыльев. За свою активность на этом поле заплатил высокую цену. Его обвиняли в диффамации и бесстыдно таскали по судам».

Крылья Дедала обладают тем свойством, что никто, пожалуй, их подрезать не может. В отличие от своего сына Икара, Дедал благоразумно воспользовался собственным изобретением и до цели долетел. Либера в своем глорификационном запале, похоже, забывает, что соблюдение меры и Дедалово благоразумие означает, прежде всего, избежание крайних позиций. Особенно тогда, когда хочешь сохранить равновесие. А равновесие не дается политически ангажированным историкам. И ни в коей мере не ставя под сомнение значимость исследовательских достижений Анджея Новака, я не могу не отметить, что часто — хотя далеко не всегда — у него встречаются попытки создать подслащенную историю Польши. Дело в том, что после полувековой коммунистической цензуры, когда история страны шилась по идеологическим лекалам партии, и когда многие явления прошлого попросту нельзя было исследовать, после 1989 года появилось множество текстов, указывающих на белые (а по сути — чаще черные) пятна в историческом сознании общества. Иногда, как в случае описания убийства еврейских соседей в Едвабне во время немецкой оккупации, это были документы, потрясшие многих. Их появление можно связывать с «педагогикой стыда», но это довольно инфантильная позиция — и не случайно больше ста лет назад Станислав Бжозовский писал о «Польше, впавшей в детство». Попытка же засекречивания, сокрытия или замалчивания таких явлений во имя «обновлений и реформ»

польской души по каким-то удивительным причинам кажется мне зеркальным отражением коммунистической цензуры. А ведь джентльмены, как говорится, не должны спорить о фактах. Принципиальный вопрос — это вопрос об их интерпретации и встраивании в целостную картину истории. Тот факт, что с конца XVIII века история, скорее, не благоприятствовала полякам, не означает, что ею надо манипулировать. И наконец, без обиняков: 123 года разделов Польши — не единственная трагедия в нашей части Европы: начиная с Греции, заканчивая Финляндией, — многим здесь пришлось нелегко.

Ничего удивительного, что время от времени, при разных обстоятельствах, мы в этих странах сталкиваемся с эксцессами обострения чувства собственного достоинства или обращением к мифам об утраченном величии — Великая Венгрия, Великая Сербия (не забудем об Албании). Подобное явление можно было наблюдать в ПНР в семидесятые годы, когда критичные по отношению к романтической, мессианской традиции и польским комплексам нарративы трактовались в партийной пропаганде как вид национальной измены: таких авторов, как Гомбрович, Конвицкий, Мрожек или даже Бялошевский и Ружевиц, упоминали с эпитетом «насмешники». Тогда дело касалось литературы и кино, в нынешнем варианте — истории. При этом на роль своего рода символической фигуры сейчас выдвинулся Ян Томаш Гросс, автор книги о польском преступлении в Едвабне. Но не только он портит хорошее самочувствие. Вот в статье Конрада Колодзейского «Последователи Гросса» на страницах еженедельника «Сети» (№ 15/2018) читаем: «Ян Томаш Гросс — это Нестор провокации. В 80-е годы вместе с его тогдашней женой Иреной Грудзинской написал книгу о мартирологии поляков, депортированных Советами в Сибирь. Эта работа, озаглавленная «В сороковом нас, Матерь, в Сибирь сослали...», не вызвала, однако, никакого интереса на Западе. А вот обращение к теме Холокоста и приписывание польским «исполнителям» общей [с нацистами] ответственности за Катастрофу принесло Гроссу международную славу. Гросс перешел Рубикон, а за ним последовали другие. Сегодня попытки приписать полякам вину за Холокост преследует еще одну цель: подкрепить усилия большей части тех, кто стоит в оппозиции к ПИС и пробует доказать всему миру, что правление правых не только является эманацией антисемитских настроений в обществе, но цинично эти настроения стимулирует, используя их для поддержания высокого рейтинга. (...) Особые заслуги имеет на этом поле Ян Грабовский, исследователь Катастрофы, профессор

университета в Оттаве. Он распространил в мировых СМИ цифру 200 тыс. евреев, якобы убитых поляками во время Второй мировой войны».

Еще более интересно пишет автор в последующей части своего текста: «Проблема вовлеченности научных и образовательных учреждений в политическую деятельность не нова. Левая волна, которая захватила после 1968 года западные университеты, добралась, наконец, хотя и с огромным опозданием, до Польши. Это следствие как непрерывного воспроизводства научных кадров после 1989 года, так и — между прочим, верного, к сожалению, — убеждения, что лучшим стартом для карьеры является не оригинальность и самостоятельность проводимых исследований, а непосредственная имитация принятых за границей левых догматов. Ничего удивительного, что на территории университетов сегодня полная толерантность по отношению к существованию радикальных ячеек, таких как организованный в ноябре 2017 года так называемый Студенческий антифашистский комитет. О нем стало известно сначала в связи с отмечавшимся Национальным днем памяти «проклятых солдат», когда активисты мешали проведению торжеств (...), а затем во время попытки захвата Дворца варшавских архиепископов (...). Деятельность комитета не встречает никакой серьезной реакции со стороны руководства учебного заведения. На опубликованных в интернете кадрах мы видим молодых людей, марширующих под красными флагами по двору университета и поющих «Интернационал». (...) Неужто терпимость к большевицким ячейкам, поскольку они являются союзниками части кадров в борьбе с правыми, соответствует университетской автономии?»

И вот Ежи Сурдыковский в короткой статье «Речь Посполитая Сарматская 2.0» на страницах «Одры» (№ 4/2018), пробуя очертить доминирующие тенденции политической мысли правых, пишет: «После короткой ренессансной передышки, которая у нас началась как раз в 1989 году (хотя в мире значительно раньше), у нас снова барокко. Контрреформация охватила не только Польшу, выступая против «посткоммунистического левачества», открытого соборного христианства и даже против «Солидарности» — самого благородного и незабываемого общественного движения восьмидесятых годов. Контрреформация во всем мире выступает против либерализма, против свободного, толерантного общества, гармонического сотрудничества между людьми и государствами. Мало кто сегодня сохранил еще доверие к холодным, но рациональным процедурам,

которые питают либеральную демократию. Снова наступила эра харизматических вождей, которые непременно укажут преданным массам единственно правильный путь. Когда «было лучше», мы не сделали ничего или очень немного, чтобы одолеть усыпленного на краткий миг сарматского дьявола, возвращенного на столь близкой польской душе романтической мистике. Сейчас уже слишком поздно. Сейчас он запряжен в рыдван председателя Качинского, чтобы затащить нас всех — хотим мы или не хотим — в избранную им не столько землю обетованную, сколько в мрачную пещеру — убежище от надвигающегося страшного будущего. В нестабильном мире, из-за ненадежных союзов и колеблющейся экономики, будучи пресловутой «божьей игрушкой», по территории которой веками маршировали туда-сюда вражьи армии, Польша может спастись, по мысли Качинского, только как страна замкнутая, невежественная, ксенофобская, на приходском уровне католическая (что не значит — христианская), резистентная ко всему, что сочтется из грязного окружения. Поэтому такой дьявол так ему нужен и так он о нем заботится. А барокко благоприютствует невежеству, увы...»

Что ж, возможно, Качинский прочитал изданную у нас в 2009 году книгу американского политолога Джорджа Фридмана «Следующие сто лет», в которой можно обнаружить главу, где говорится, что около 2050 года Польша станет мировой державой. А к этому ведь нужно духовно подготовиться, утвердиться в своей исключительности.

Мундир

(отрывки из романа)

Ширма

Сколько себя помню, я всегда питал отвращение к мундирам. Несмотря на то, что эпоха моего детства симпатизировала людям в форме, марширующим в стройных шеренгах, восторженно несущим развевающиеся на ветру стяги, в едином порыве возносящим возгласы, мою семью все это почему-то не прельщало. Отца, конечно, гоняли на Первое мая и как-то раз даже сунули в руки флаг, от которого вздулись — интеллигент же — болезненные мозоли, но дома у нас в тот день стояла тишина, радио было выключено. В подваршавском Медзешине, где мы жили, никто не маршировал, кошки грелись на солнце, из окна соседа доносилось *Танго Милонга*, сопровождавшееся характерным треском заигранной пластинки. Я привык к тому, что люди делятся на тех, кто ходит в форменной одежде, и тех, кто в ней не ходит. Мы принадлежали ко второй группе. И это меня вполне устраивало.

Не любил я мундиров еще и потому, что с тех пор, как себя осознаю, мне было трудно найти общий язык с остальным миром. Между мной и другими людьми существовало нечто вроде стеклянной стены. Мы видели друг друга, улыбались, здоровались, обменивались мнениями, но стена существовала. Впрочем, может, только с моей стороны. Я был лишен чувства коллективизма, и, несмотря на многочисленные попытки, остальному миру так и не удалось его во мне разбудить.

В школе мне посчастливилось: в мое время мальчики уже не носили курточек. Девочек все еще заставляли ходить в синих, страшных фартуках, но из-за повального непослушания от этой гадости отказались. Подружки похорошели и стали радостью нашей жизни.

Единственной школьной организацией, которая хотела загнать меня в форму, было харцерство. Заманивали меня туда возможностью носить финский нож в кожаных ножнах, нашивками разных степеней харцерских знаний и умений, приобретенных в ходе того же харцерского обучения, но никакого впечатления это на меня не производило. Другое дело

Ханя Л. — вот та производила на меня впечатление, да еще какое. Кстати, была она заядлой харцеркой, ходила в облегающей харцерской блузе, под которой едва проступали скромные девичьи выпуклости. Наши ребята любили поговорить о ханиных выпуклостях, а мой приятель Крысек, тоже к ней не равнодушный, не выдержал и записался в харцеры. Я завидовал ему: ведь он мог приблизиться к моему идеалу, петть вместе с ней *Горит костер, шумит лес* и даже, чисто теоретически, имел возможность в ходе игры на ориентацию наткнуться на Ханю Л. где-то в кустах, а потом рука об руку пойти с ней по азимуту, который мог бы их завести неизвестно куда.

Я страдал, но перебороть себя и надеть харцерскую форму был не в силах. Бегать на линейку, подчиняться старшему по отряду и маршировать дружным строем, затягивая песню *Где ручеек струится*, я не собирался. И правильно. Вскорости родители Хани распрощались с Медзешиним, и мы с Крысеком навсегда потеряли из виду предмет нашей любви, правда, Крысек, как идиот, остался с этой своей формой, которая теперь нужна ему была как покойнику галоши.

Какое-то время я сильно переживал исчезновение Хани, а потом дал себе слово: не влюбляться в женщин в униформе. И слово свое сдержал, если не считать случая с одной очаровательной милиционершей, правда, та постоянно ходила в гражданском, скрывая во время наших упоительных ночей свою профессию, и лишь когда бросала меня, призналась, что делает это в целях предупреждения преступности. Ничего хорошего, когда тебя бросают в целях предупреждения преступности, но вернуть ее любовь я не пытался — все-таки неловко чувствуешь себя в постели с женщиной, которая может применить против тебя служебную палку.

Серьезные проблемы с мундиром начались, когда мне стукнуло восемнадцать и когда о моем существовании узнала призывная комиссия. Действующий тогда закон о всеобщей воинской обязанности был закавыкой для подавляющего большинства всех тех, кого вызывали в военкомат. И дело не в том, что мы были недостаточно патриотичны. Наоборот. Непатриотичным было Народное Войско Польское. Польша состояла в Организации Варшавского договора, что на практике означало: в случае войны польская армия становится частью российской армии, а точнее — советской, потому что тогда еще существовал СССР. Впрочем, чтобы проявить холуйство перед Империей, Народному Войску Польскому война не требовалась,

что было доказало, когда оно бодренько, с песней на устах заняло ни в чем не повинную Чехословакию.

Но не о геополитической ситуации думали мы в тесном коридоре военкомата, ожидая, когда нас вызовут. Всякий раз, когда дверь приоткрывалась, мы видели за ней комиссию — поручик, сержант и кто-то из гражданских — правда, не вид комиссии повергал нас в дрожь, а вид белой ширмы, стоящей по правой стороне помещения. По словам частых тутошних посетителей, за ширмой той находилась пани доктор, говорят, молоденькая, тридцать с хвостиком, пухленькая и соблазнительная, и перед ней надо было обнажиться в полном смысле этого слова. Большинство толкущихся в коридоре составляли юнцы, их голизну видела только собственная мамочка, да и то много лет назад, поэтому стоит ли удивляться, что ширма вызывала у нас неясные опасения. Какой-то верзила со шрамом под глазом склонился надо мной и прошептал:

— Как снимешь трусишки, пани доктор возьмет его в свою ручку и начнет рассматривать. А если он ей понравится, может его и погладить.

— Правда, что ли? — Стоящий по другую сторону от меня гаврик с запавшей грудью громко проглотил слюну.

— А ты что думал! Это армия. Здесь каждый становится мужчиной.

Я дожидаться не мог, когда меня вызовут за ширму, но в то же самое время страшно боялся того, что там может произойти. И пока меня вот так мотало от возбуждения к ужасу и обратно, дверь распахнулась, и я услышал свою фамилию. Я вошел.

— Ближе, — буркнул в мою сторону сержант.

Я подошел ближе.

Начали задавать вопросы: фамилия, имя и все такое, а я отвечал автоматически: все мое внимание было сосредоточено на ширме. За ширмой находился тот самый тип с запавшей грудью, который вошел передо мной. Я прислушивался, не доносятся ли оттуда какие-нибудь отголоски, например, эротические вздохи, но слышно было лишь тоненькое поскрипывание авторучек на бумаге. Попозже я скорее почуял, нежели услышал, как этот тип с запавшей грудью выходит из-за ширмы и направляется к дверям. Меня спросили еще о чем-то, после чего сержант лаконично скомандовал:

— За ширму!

Дрожа мелкой дрожью, я пошел в ту сторону. Пани доктор действительно была блондинкой невероятного эротизма. Сперва я взглянул на ее пышную грудь, потом над грудью увидел насмешливо посматривающие на меня чудесные васильковые глаза.

— Насмотрелся? — спросила она.

Я кивнул головой.

— Тогда раздевайся.

Я быстро сбросил одежду. Остался в одних трусах.

— До конца, до конца... — улыбнулась пани доктор.

Медленно, терзаемый опасениями, я стянул трусы. Как же мне хотелось заслужить ее внимания, чтоб она погладила. Но ничего такого не произошло. Васильковые очи с полным равнодушием взглянули на мое мужское достоинство, а созданные для поцелуев уста произнесли:

— Повернись.

В полном отчаянии я повернулся.

— Выпяти зад.

О, драма мужского унижения! Как же я мог его выпятить? Ведь я же ее почти любил, по крайней мере мне так казалось.

— Ну чего ждешь? Выпяти зад.

Разве я мог не подчиниться?! Сила любви пригнула меня к земле; я изо всех сил выпятил зад и в такой позе застыл. Могла ли эта женщина оценить мою самоотверженность?

— Достаточно, — сказала она. — Можешь одеваться.

Одевался я медленно: склонившись над шнурками, я разглядывал ее стройные лодыжки. Она кокетливо — так мне показалось — взглянула на меня, а потом говорит:

— Следующий.

Я вышел из-за ширмы и направился в сторону дверей. По пути какой-то человек в гражданском, которого я до сих пор не

заметил, вручил мне военный билет. Сжимая его в руке, я выпал в коридор.

— И что там тебе написали? — спросил верзила со шрамом.

— То есть... в каком смысле? — Не понял я вопроса.

— Какую категорию вклеили, кретин?

Он вырвал из моей руки военный билет и начал его листать.

— Я так и думал, — сказал он. — Фраер.

Он сунул мне открытый билет, и я увидел большой красный штамп «Категория А». Пока я смотрел в прекрасные очи пани доктор, комиссия отыгралась на мне по полной программе.

Людей, которые получили категорию «А», в те времена считали полными идиотами, хотя официально она означала: «Пригоден к воинской службе в военное и мирное время». Это была самая плохая категория. Выше всего ценилась категория «Е» — «Не пригоден к службе», «D» — «Не пригоден, за исключением некоторых случаев» или «С» — «Временно непригоден».

Собравшиеся в коридоре смотрели на меня со смесью презрения и пробивавшимся сочувствием. Я сиротливо направился к выходу. По улице шел, уверенный, что это самый тяжелый день в моей жизни.

Выпускные экзамены в школе я сдавал в два приема. Первую часть, хоть и не без труда, сдал в мае, но биологию провалил, и ее перенесли на осень. Особо я из-за этого не расстраивался, поскольку не понимал, какие могут быть последствия.

В сентябре после безуспешных попыток понять что-либо в биологических процессах, я снова стоял перед лицом экзаменационной комиссии. Была она благожелательна, чувствовалось, что ее члены решили избавиться от меня раз и навсегда. Мне задавали вопросы, на которые без особого труда ответил бы обычный кретин, но я был кретином необычным, и мои ответы взывали к небу о мести. В конце концов некая учительница, старая такая и сморщенная, но зато в очках в золотой проволочной оправе, задала мне простой до невозможности вопрос.

— А скажи, Павлик, — спрашивает она тонким голосочком, полном сладости и добрых намерений, — какие растения растут у тебя в саду?

Я тогда жил в Фаленице, в районе с односемейными домиками, и у нас, как у всех, был небольшой сад, где мама кое-что сажала, а я иногда даже поливал это кое-что из большой оцинкованной лейки со вмятинами на боках. Но что там, черт побери, росло? Этим я сроду не интересовался. Мои интересы ограничивались девочками из моего класса и классов смежных, приготовлением коктейлей на базе дешевого яблочного вина, меда, корицы, спирта и других компонентов, а также чтением литературных журналов. Сад не вызывал во мне никаких эмоций, там даже не было достаточно густых кустов, чтоб в сумерки препроводить туда очередную любовь своей жизни. Учительница в очках с золотой оправой, явно всю жизнь мечтавшая о собственном садике, в котором даже с лупой в руках не отыщешь ни единого сорняка, с песчаными дорожками между грядками, всегда старательно вычесанными граблями, с ходу поняла, что я понятия не имею, что растет в моем саду, и на ее измученном жизнью лице сначала отразилось чрезвычайное удивление, а потом — трудно поддающееся описанию отвращение ко мне. Я решил хоть как-то спасти ситуацию, и тут меня осенило: ведь комиссия не пойдет ко мне в сад и не проверит, что там растет, а потому, какая разница, что я скажу.

— Ну... морковка..., — начал я неуверенно, — эти, как их... помидоры... огурцы... и эти... деревца.

— Какие деревца? — тут же переспросила меня любительница садов, явно желая меня провалить.

— Ну, этот... белый налив, — белый налив, кажется, действительно рос, — слива... два типа слив...

— Какие?

— Синие такие..., — сказал я и внезапно вспомнил, что у нас по стене дома ползет виноград, и как-то раз мы с приятелями обобрали на нем все до единой ягодки, — ну и ... виноград... возле дома... темный такой...

Тут меня поблагодарили, и комиссия удалилась посоветоваться. Отсутствовала она очень долго. Видимо, члены комиссии старались привести в чувство возмущенную почитательницу садов. Наконец, двери распахнулись, и я был проинформирован, что получил удовлетворительную оценку и что теперь я человек с аттестатом.

Во дворе школы с заранее припасенной бормотухой меня дожидались приятели — Анджей и Мариуш. Бутылку мы

опорожнили по дороге домой и хотели было продолжить, ибо, что ни говорите, момент был торжественный. Но дома меж тем ждал меня сюрприз. Почтальон принес очередную повестку из военкомата и велел маме расписаться в получении. Явиться надо было через неделю.

— Осенний призыв, — изрек Мариуш. — У моего старшего брата тоже так было. Вызвали, вручили билет в часть, три дня — и он уже был в казармах. Кранты тебе, мужик.

Анджей пошел за бормотухой. Распивали мы ее в мрачном настроении. Сдавать в институт, чтобы избежать армии, было уже поздно. Оставалось одно: учиться без сдачи экзаменов — где только можно и чему только можно. На следующий день, преодолевая похмелье, я погнал в фаленицкий лицей и потребовал, чтоб мне немедленно выдали аттестат. Мне объяснили, что все не так просто: экзамены я, конечно, сдал, но соответствующий документ будет мне вручен в положенное время, наверняка в течение месяца. Тут я не выдержал и показал повестку из военкомата — это явно помогло. Правда, аттестата я так и не получил, но мне выдали справку, со школьными печатями, подписанную самим директором, о том, что все выпускные экзамены я сдал. Прижимая эту бумажонку к груди, я принялся искать вуз, который мог бы приютить и спасти меня.

Дело оказалось непростым. Мои ровесники кишками чувствовали дыхание осеннего призыва, поэтому даже самые непривлекательные институтские кафедры и высшие училища были забиты теми, кто не так, как я, дожидался повестки из военкомата, а заблаговременно предпринял соответствующие шаги. Я мыкался от одного секретариата к другому и везде узнавал, что мест уже нет. Потом ко мне присоединился школьный приятель Тадик — он тоже осенью второй раз сдавал экзамен, и у него тоже была повестка из военкомата. Ходить по секретариатам вдвоем было веселей, хотя результат оставался тем же. Наконец, в среду, за два дня до назначенного срока, маме Тадика кто-то сказал, что в училище для архивистов на улице Реймонта есть свободные места. Мы поехали туда в четверг и пристроились на последние два места. Еще немного времени заняло у нас получение справки о приеме в училище, но зато в пятницу в десять ноль-ноль я, как штык, явился в военкомат.

Первый, на кого я наткнулся в коридоре, был верзила со шрамом, тот самый, что заливал мне про прелести обследования за ширмой. Он стоял посреди коридора, тупо уставившись в какую-то бумажку, которую держал в руках. Это

был приказ явиться в воинское подразделение в Жарах, дающий ему одновременно право на бесплатный проезд.

— Привет! — обратился я к нему радостно, не скрывая удовлетворения.

Он взглянул на меня как человек, который только что вприпрыжку бежал по лугу на встречу с любимой, но наскочил на танк. Я оставил его в покое и уселся на жестком стуле перед уже известной дверью. Рядом мрачно сидели такие же парни, как я. Один за другим входили они в помещение, где за ширмой их дожидалась уже не пани доктор с васильковыми глазами, а комиссия — трое скучающих военных, которые без эмоций вручали всем направления в часть, прибавляя, в качестве комментария, названия разных местностей нашей прекрасной страны: Леба, Лидзбарк-Варминский, Эльблонг, Ополе, Дравско-Поморское и т.д.

Когда я туда вошел, на меня даже не взглянули, только старший по званию спросил:

— Фамилия?

— Заблоцкий.

— Дравско-Поморское.

— Но я учусь! — закричал я, опасаясь, что поеду в это Дравско раньше, чем меня выслушают.

Они подняли головы и изучающе поглядели на меня.

— Справка, — сказал тот, что в середине.

Я подал справку. Он какое-то время рассматривал ее, а потом передал коллегам. Те медленно и дотошно изучили ее содержание, покивали головами, а тот, что посредине, и говорит:

— Архивист... Ловчила... Но мы еще встретимся.

И погрозил мне пальцем.

— Отсрочка, — сообщил сидящий рядом сержант.

Я чуть ли не на крыльях вылетел в коридор. Верзила со шрамом все еще там стоял. Я подошел к нему и сладко шепнул на ухо:

— Отсрочка.

Он не шелохнулся. Видно, глазами души взирал на казармы в Жарах. Да будет легкой ему служба.

Холм майора Поцейко

Военную кафедру для варшавских учебных заведений я посещал в течение года. Находилась она в Варшавском университете и была по тем временам своего рода пристанищем для различного рода военных изгоев. Случись какому-то офицеру сделать нечто чрезвычайно идиотское, как его ссылали на Кафедру. Чему должны были научить нас эти люди, не знаю — из их занятий я ничего не помню. Зато помню некоторых из них; позднее они стали так популярны, что обозначили свое присутствие в различных областях жизни.

Например, на географической карте тогдашней Варшавы появился Холм майора Поцейко. Первым написал о нем свежее испеченный журналист газеты «Жице Варшавы». Топоним подхватили, хотя не догадывались, о чем идет речь. А рассуждали так: если в Кракове есть Холм Тадеуша Костюшко^[1], так почему бы Варшаве не иметь свой Холм майора Поцейко?

Холм был к тому времени недействующей свалкой и зарос травой. Майор Поцейко, который вел на Военной кафедре занятия по тактике, не раз приводил сюда студентов, чтобы объяснить им, что значит рыть траншею или атаковать с фланга. Это был пожилой болван, который из всех сил пыжился, чтоб выглядеть и говорить умно, из-за чего был похож на комический гоголевский персонаж. Поцейко оказался на Кафедре по самой банальной причине: он потерял пушку.

А дело было так: вернувшись с полигона в лагерь, Поцейко, тогда еще капитан, решил отпраздновать свои именины. Подчиненные (его, похоже, любили) сбросились на бутылку коньяку под названием «Наполеон», который в то время считался шикарным и исключительным. Не желая ни с кем делиться, Поцейко, сидя в офицерской палатке, откусал целую бутылку сам, заедая напиток принесенной из кухни куриной ножкой. Это должно было его ублажить, но стало иначе: Поцейко выкатился из палатки и истошно заорал:

— Водки! Я угощаю!

Солдаты, изнывающие от полигонной скукоты, не заставили повторять себе такое два раза. Опустошили кошелек

именинника и приволокли из магазина ящик чистой. Аккурат на долгую дорогу к месту постоянного расквартирования.

Военный грузовик имел широкую на пять человек кабину, куда набились все восемь. В кузове, на деревянных скамейках расположились остальные солдаты, уже слабо контактирующие с действительностью. Поцейко вручил им три бутылки водки. Приняли они их с благодарностью, хотя без особого энтузиазма, поскольку, будучи в магазине, сами закупились, причем в сильно большем размере. Сзади, прицепленная к грузовику, ехала пушка, на которую мало кто обращал внимание — она уже свое отстреляла, ствол ее старательно вычистили, а для празднования именин командира она была не нужна.

Тронулись в путь. В кабине Поцейко стал уговаривать всех подзаправиться, особенно шофера, который вяло отказывался, но Поцейко сурово взглянул на него и спросил:

— Со мной не выпьешь?!

Тот поддался, и, отмахав километров пятьдесят от полигона, грузовик начал продвигаться так называемым зигзагом, приводя в ужас водителей едущих навстречу машин. Однако, шофер был большим спецом в своей профессии, и, несмотря на то, что Поцейко еще неоднократно допытывался: «Со мной не выпьешь?!», ни разу не влетел в ров и даже ни с кем не столкнулся, хотя Поцейко то и дело хватался за руль и пытался довести до этого. Сзади, в кузове, рядовые горланили непристойные песни, одним словом, настроение было приподнятое, трогательное, а именины во всех отношениях удачные.

Спустя три часа доехали до казарм, а там, поддерживая друг друга, пересекли плац для строевой подготовки и удалились на отдых.

Утром капитана Поцейко разбудил тактичный стук в дверь. Капитан какое-то время делал все возможное, чтобы не проснуться, но в конце концов, постанывая, оторвал от подушки раскалывающуюся от боли голову, уселся на койке и прохрипел:

— Чего?

Дверь приоткрылась, и в ней показалась голова командира первой роты сержанта Цупалы, который вчера вечером мужественно поддерживал все начинания своего капитана в

кабине грузовика. Цупала смахивал немного на упыря, а на лице его читался ужас.

— Гражданин капитан, — сказал он. — Пушка исчезла.

Первым делом Поцейко попытался понять значение этих слов, а потом спросил:

— Какая пушка?

— Которую мы за собой тянули. Нет ее.

— Точно?

— Точно. Три раза проверил.

— Ага, — сказал Поцейко и задумался.

Сержант Цупала не посмел нарушать задумчивость капитана, щелкнул каблуками и удалился.

Постанывая, Поцейко поднялся с койки, с большим трудом натянул кальсоны и потопал в ванную. Встал перед зеркалом и удивился. В зеркале на него смотрел совсем чужой человек. Поцейко долгое время ломал себе голову, что этот человек делает в его ванной, но в конце концов решил не обращать на него внимания и побриться. Намылил свои худые щеки (тот, в зеркале, сделал то же самое), после чего стал ездить по лицу бритвой, устраняя растительность, насколько это было возможно. Когда он брился, тот, что в зеркале, начал ему кого-то припоминать, Поцейко даже подозревал, что это он сам.

Потом он побрел в сторону койки и вытащил из-под нее то, что каждый предусмотрительный человек должен всегда припасти — бутылку пива. Сначала он искал открывалку, наконец, нашел ее, безжалостно сорвал крышечку и присосался. Пил медленно, по глотку и с каждой минутой чувствовал, как возвращается тяга к жизни и даже к выпивке. Поцейко надел мундир и направился в машинный парк, где стоял грузовик, в кабине которого он так упоительно провел вчерашнюю ночь. Возле грузовика хлопотал водитель, тоже слегка с перепоя, но прежде всего огорченный.

— Наверно, подскочила где-нибудь на колдобине, отцепилась и осталась на дороге, — сказал он, увидев капитана.

— Но когда?

— Понятия не имею.

Капитан и водитель долгое время рассматривали крюк, за который была прицеплена пушка, но ничего интересного там не увидели.

— Никуда не денешься, — сказал, наконец, Поцейко. — Надо ехать и отыскать ее.

— Конечно, гражданин капитан, только вот маленькая загвоздочка.

— Какая?

— Помните, гражданин капитан, как было дело: темно, хоть глаз выколи. Рядом со мной сидел сержант Цупала, у него на коленях — карта, он освещал ее фонариком и подсказывал мне, как ехать.

Поцейко смутно припоминал свет от фонарика в кабине.

— Дорога неровная, качало нас туда-сюда, карта из поля зрения гражданина сержанта исчезала, вот мы и сворачивали иногда там, где не следовало, а потом возвращались.

— Но ты, наверно, помнишь, где это было?

— Не совсем, гражданин капитан. Так было несколько раз. Я по счетчику проверил. От полигона до казарм сто девяносто три километра, а мы вчера проехали триста восемь.

Капитан понял, что все не так просто, как ему поначалу показалось. Эти лишние сто пятнадцать километров они могли проехать бог знает где. Однако выхода не оставалось. Поцейко с водителем и сержантом Цупалой влезли в грузовик и поехали в сторону полигона. Через три часа доехали. Нигде по дороге пушки не увидели. На обратном пути сворачивали в какие только можно дороги и останавливались во всех местностях. Сержант выходил из кабины и спрашивал народ, не видели ли пушку. Народ не видел.

Пушка, естественно, была, в какой-то момент они приблизились к ней на расстояние в пятнадцать километров. Но даже если бы они и поехали по той ошибочной дороге, на которую вчера свернули по указке подвыпившего сержанта, еще неизвестно, заметили ли ее — пушка стояла не на проезжей части, а лежала во рве с зарывшимся в песок стволом.

Человеком, спихнувшим пушку в ров, был некто Овсикевич, по профессии комбайнер. Чуть свет Овсикевич выехал на бензозаправочную залить свой комбайн под завязку, а затем

покатил в то место, где ему предстояло начать уборку урожая. Глаза у Овсикевича слипались: в эту ночь он спал всего ничего, предаваясь любовным утехам с Ядвигой Мусял — дояркой в том же госхозе. Комбайнер и доярка уже какое-то время вздыхали друг по другу, и в эту ночь дело дошло до окончательной близости.

Дорога была пуста, и Овсикевич то подремывал, то предавался воспоминаниям о том, что с ним такое приключилось ночью. И в то самое мгновение, когда он вспомнил, как трудно было одной рукой расстегнуть лифчик Ядвиги Мусял, раздался треск. Комбайн закачало взад-вперед, а потом он заглох.

— Курва мать! — изрек Овсикевич, поскольку знал, что врезался во что-то, но во что — пока еще не знал.

Он вылез из кабины, по лесенке спустился на дорогу и увидел лежащую во рве пушку. Перекрестившись, трусливо огляделся вокруг. Никого. Он еще раз взглянул на пушку, потом внимательно осмотрел передок комбайна, который явно пострадал от контакта с артиллерийским оружием. Тогда Овсикевич полез назад в кабину, с трудом развернулся и вместо поля напрямик поехал в мастерские.

Механики оглядели комбайн и удивились.

— Подзаснул и херакнулся в каменюку. Ну чего так таращитесь? — проговорил комбайнер и пошел соснуть: ремонт предстоял быть долгим, на полдня, а то и на целый день.

По дороге в свой барак он подумывал: сказать или не сказать о пушке? В конце концов, решил не говорить, а то еще обвинят в порче армейского имущества — хлопот не оберешься.

— Никуда не ездил, ничего не видел, — сказал он себе, устраиваясь поудобнее в кровати. — И пошли вы все к чертовой матери.

Через минуту он уже спал и вновь предавался утехам с Ядвигой Мусял, на сей раз в мире нереальном, хотя с эротической точки зрения вполне удовлетворительном.

Когда Овсикевич спал, так сладко, как никогда в жизни, капитан Поцейко принял единственно возможное решение: вернуться в часть и безотлагательно доложить об исчезновении пушки. После чего приказал шоферу гнать на полном газе, поскольку было бы паршиво, если бы кто-то доложил о пропаже так важного оружия раньше него.

Поцейко прибыл в казармы, и хотя бы тут ему повезло: об исчезновении пушки он проинформировал командира части первым. Тот сначала медлил с передачей этой информации выше, но, в конечном счете решился, поскольку пришел к выводу, что пушка — не иголка, и рано или поздно найдется. Вскоре на поиски пушки было брошено все Народное Войско Польское.

Меж тем весть о лежащей во рву пушке распространялась в народе. Дорога была малоезженная, правда, до полудня по ней проехало человек пятнадцать. Все они заметили пушку и внимательно ее обозрели. Потом эти пятнадцать человек стали рассказывать о ней направо и налево. И вскоре о пушке знала вся округа. Хотя саму власть о появлении во рву военного снаряжения никто не уведомил: чего высовываться-то? К тому же, двое нерадивых милиционеров, сидящих в отделении, с утра до вечера резались в шестьдесят шесть, и только серьезный мордобой мог оторвать их от этого увлекательного занятия. А посему напрасно раскалялись до красна телефоны, напрасно громко стучали телетайпы. Милиция предложила объявить пушку в розыск, правда, при условии, если получит от армии фотографию орудия, но армия в конечном счете на это не пошла.

И тут имело место неожиданное событие. У играющих в карты милиционеров закончилась выпивка. По странной случайности произошло это в воскресенье, когда магазин, что напротив костела, закрыт. Надо было ехать в соседнюю деревню, к некоему Кобылко, который у себя в избе занимался дистрибуцией алкогольных напитков (государственного и собственного производства) в любое время дня и ночи. Младший по званию милиционер вздохнул, сел на велосипед и покатил. Едучи к гражданину Кобылко, он не заметил пушки — уж очень торопился, а потом ехал он по правой стороне, а пушка покоилась во рву — по левой. Обратно он возвращался намного медленнее, стараясь не упустить сетку с бутылками, и пушка оказалась в поле его зрения. От неожиданности он выпустил сетку из рук, и две бутылки разбились. Милиционер слез с велосипеда и обошел пушку кругом. Потом на всякий случай обошел ее еще раз. Наконец, сел на велосипед и погнал в отделение, стараясь не разбить оставшиеся бутылки. Пушка была официально обнаружена.

Но это ни в чем не помогло капитану Поцейко, который двумя днями ранее лишился должности командира артиллерийского батальона и как раз направлялся в Варшаву, чтобы там, на Военной кафедре Варшавского университета отрапортовать о

своим прибытием. Вот к чему приводит пьянство в кабине и втягивающая игра в шестьдесят шесть.

Другим известным преподавателем на Кафедре был капитан Кузя — высокий, прямой, как свеча, статный, усатый и несчастливый. Маленькие комнаты Военной кафедры действовали ему на нервы. Кузя любил пространства, большие плацы и подобного рода объекты. Чему тут удивляться, если в свое время Кузя был легендой Организации Варшавского договора. И отнюдь не из-за боевых заслуг. Кузя в соцлагере (исключая, естественно, СССР) считался лучшим начальником почетного караула. Иногда, будучи в хорошем расположении духа, он на небольшом плацу Военной кафедры показывал студентам свое мастерство. И все наблюдали, как Кузя, в марше, поднимал ноги на предусмотренную уставом высоту с точностью до полмиллиметра и делал развороты на месте, так что муштра превращалась почти что в балет. А как красиво он отдавал честь, то есть салютовал!

В этом разбитом на фазы и непревзойденном по своей четкости движении заключалась вся сущность военного ремесла. Уважение к начальству и пример для подчиненных. Удаль и переполняющая настоящего солдата энергия. Прослеживающееся в каждом жесте согласие на то, чтобы в нужный момент пасть на поле брани, впрочем, всяк, кто одевает мундир, должен быть к этому готов. Смелость и самопожертвование.

Бывали студенты, которые, стоя перед зеркалом, пытались подражать капитану, но ни один из них так и не приблизился к идеалу.

Что же тогда случилось, что этот замечательный солдат перестал представлять ПНР во время всевозможных важных событий? К сожалению, то же, что и в случае майора Поцейко. Только не коньяк «Наполеон», а чистая «Выборова» — вот и вся разница. Но если кто-то думает, что Кузя был обычным армейским пьяницей, тот глубоко ошибается. Не вредная привычка загубила карьеру капитана, но состояние здоровья.

Началось все с того, что начальник почетного караула в какой-то момент почувствовал боль в крестце. Может, от переизбытка тренировки, кто знает. Пошел к врачу — одному, другому, третьему, ходил на массаж и облучения, но боль не исчезала. Случалось, правда, что на какое-то время она отступала, и происходило это только в одном случае: когда капитан залпом осушал сотку «Выборовой».

Но как можно командовать почетным караулом Народного Войска Польского, если чувствуешь пронизывающую боль в крестце?! Никак! Тогда Кузя стал носить в кармане мундира фляжку, и когда самолет с важным гостем из братской страны показывался на горизонте, капитан тактично отходил в сторонку и вводил в организм средство, укрощающее боль. Борт приземлялся, а он вновь становился молодцеватым, достойным восхищения. Улыбался в усы, а его почетный караул будто плыл в воздухе.

В первые несколько месяцев все было нормально, но во время встречи Леонида Ильича Кузя заметил, что, несмотря на наркоз, крестец начинает побаливать. Ничего особенного тогда еще не произошло, но капитан начал беспокоиться.

Предчувствия его не обманули. Боль усиливалась, и уже через несколько месяцев оказалось: чтобы ее усмирить, нужны две сотни подряд.

Не тот мужик был Кузя, чтоб его две сотни с катушек сбили. И он продолжал вызывать восхищение и находить признание у иностранных делегаций. Поговаривали даже, что некоторые руководители соцстран, не имея никаких дел в Польше, прибывают с официальным визитом лишь для того, чтобы посмотреть на Кузю и его почетный караул.

Однако, пришел день, когда нужны были уже три сотни. И это его доконало. Когда Кузя рассказывал о своем упадке (а делал это редко и неохотно), он объяснял, что дело было не в алкоголе. Рыба, которой он отобедал, не пошла ему впрок. Может, оно и правда, кто знает.

В тот день в Варшаву прилетал первый секретарь братской Болгарии, товарищ Тодор Живков. Говорили, что он плохо переносит передвижения по воздуху и во время полета для храбрости выпивает мудреные коктейли на базе алкоголя. Это могло повлиять на дальнейший ход событий.

Когда самолет с товарищем Живковым подходил на посадку, Кузя стоял на летном поле. Боль в крестце как рукой сняло, и капитан, улыбаясь в усы, двигался энергично и задиристо, хотя чуточку пошатываясь. Солдаты это тут же заметили, но ожидающие важного гостя представители партийно-правительственных властей не обратили на поведение капитана внимания.

Самолет мягко опустился на взлетно-посадочную полосу и покатился напрямик к тому месту, где товарища Живкова

ожидала красная дорожка. Подъехал трап, открылись двери, и болгарский Первый секретарь начал спускаться на польскую землю. Раздались звуки духового оркестра Народного Войска Польского, а позже польские товарищи долго и упорно целовали болгарских товарищей, а болгарские товарищи не оставались перед ними в долгу. Наконец, подошел момент, когда товарищ Живков вместе с товарищем Герексом приблизились к Кузе с намерением продефилировать перед почетным караулом.

И тут случилось нечто такое, что до тех пор не значилось в дипломатическом протоколе: капитан Кузя сделал «направо марш», энергично подошел к товарищу Живкову, обнял его и от всей души расцеловал в обе щеки.

Та и другая партийно-правительственные делегации замерли. Замер и товарищ Живков. Но тут же (возможно, в результате принятых коктейлей) склонился к Кузе, обнял его, как брата, и расцеловал еще чистосердечнее. Слеза скатилась капитану в усы, и в ответ он поцеловал Живкова так искренне, как только мог. Живков, который, возможно, подумал, что лобызания с начальником почетного караула — это такая польская традиция, ответил ему поцелуем, сравнить который невозможно ни с чем.

Лишь в этот момент Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Эдвард Герек оторвал товарища Живкова от капитана Кузи и продефилировал с высоким гостем перед почетным караулом.

Когда делегация уехала, Кузю арестовали, в аресте продержали долгое время, но в конечном счете, приняв во внимание влияние боли в крестце на непозволительное оскорбление главы братской страны, в качестве наказания сослали на Военную кафедру.

На новом месте состояние здоровья капитана значительно поправилось. Он уже не истязал свой организм интенсивной муштрой и перестал жаловаться на боль в крестце. Впрочем, неизвестно, как оно там было, потому что не раз создавалось впечатление, что он с самого утра успел опрокинуть две или три сотки.

У Кузи была собака, немецкая овчарка, которую он всегда забирал с собой на занятия. Это имело свое психологическое объяснение. Кузя, любивший, когда им восхищаются, обнаружил, что его удаль, пружинистость и усы не производят на студентах такого впечатления, как на руководителях братских стран. Академическая молодежь не умела оценить

значения муштры. Безо всякой охоты делала повороты направо, налево, назад. Не ощущала эмоций, слыша команду: «в четверки становись!» Маршировала из рук вон плохо. Учась строевому шагу, не валила подошвой в асфальт, как хороший солдат валить обязан, а была, как коза в барабан. Единственно, что студентам выходило более-менее, это марш на месте, но ведь каждый понимает, что, маршируя на месте, далеко не уйдешь.

Разными способами пытался Кузя заинтересовать интеллигентов муштрой. Гонял студентов вокруг забора, огораживающего Кафедру, заставлял ползать на брюхе, принуждал к интенсивному маршу в противогазах. Все напрасно. По вечерам капитана грызли сомнения, от которых он спасался тремя сотками, выговаривая все телевизору, потом выходил во двор и прогуливался вдоль корпуса строевым шагом. Но и там никто им не восхищался.

Когда я появился на Кафедре, Кузя был падшим человеком, и единственно, чем мог похвалиться, была его собака — писанный красавец и чрезвычайно породистый пес. Кузя назвал его Чапаевым, в честь знаменитого командира Красной Армии, но поскольку в армейских кругах называть собаку Чапаевым было неприято, то на Кафедре овчарка выступала под кличкой Рекс. Пес был сообразительный, и, кажется, понимал всю сложность нашего мира, где, в зависимости от обстоятельств, он один раз бывает Рексом, а другой раз — Чапаевым. Пес также понимал, что своему хозяину он ближе, как Чапаев, и когда слышал это имя, мчался к капитану Кузе во все лопатки.

Во время занятий, проводимых Кузей на Холме майора Почейко, Чапаев хвалился своими умениями. Садился, вставал, служил и, как павший в бою, падал на землю. Умел он также занять свое место в шеренге, а когда Кузя подавал команду: «Командир Василь Иванович Чапаев, шаг вперед!», Чапаев делал шаг вперед, садился ровно в метре от шеренги и подтверждал выполнение приказа громким «Гав!», не допускающим иного толкования.

Но прежде всего пес Кузи гениально апортовал. Достаточно было бросить любой предмет в непролазные заросли, и Чапаев так долго боролся с превратностями судьбы, пока не находил его и не приносил своему хозяину. Кузя часто посылал Чапаева в труднодоступные места, и пес ни разу его не подвел. Кузя обожал его, как воспоминание о славном прошлом, а Чапаев любил своего капитана безгранично.

Несчастье произошло, как оно и бывает, случайно. Во время занятий на Холме Кузя собирался продемонстрировать нам метание гранаты, но поскольку мы находились в центре города, где использование ручных гранат неуместно, он ограничился военной петардой — довольно-таки длинной, наполненной порохом, картонной трубкой. Перед демонстрацией он взял Чапаева на поводок, потом наступил на поводок ногой, поджег фитиль, бросил петарду как можно дальше и в этот момент споткнулся — земля была неровной. Поводок выскользнул из-под ноги, и Чапаев погнал за петардой, которая попала в отдаленные кусты. Пес нырнул в них и вскоре с петардой в зубах появился снова — из петарды свисал горящий фитиль. Радостно махая хвостом, Чапаев бросился в сторону своего хозяина, а Кузя, видя это, побежал в верх Холма, хотя быстрее мог бы сбежать вниз, но кто в такие минуты думает рационально. Мы разбежались по сторонам. Пес миновал нас, и мы наблюдали, как он приближается к капитану. Еще три метра, два, один. Раздался грохот, а когда дым развеялся — на земле лежали оба — капитан и пес. Потом Кузя зашевелился и встал. Пес не двигался. Капитан взял его на руки и стал сходить вниз. Без слова оставил нас позади и медленно, неся друга, погибшего при исполнении долга, пошел в сторону Черняковской. В тот день мы почувствовали к Кузе что-то вроде симпатии.

Когда я заканчивал учебу на Кафедре, капитан Кузя все еще там был, но те, что пришли после нас, увидели в нем уже совсем другого человека. С потухшим, грустным взглядом, совершенно лишённого энергии и задора. Только одно осталось ему с прежних времен: как никто иной он умел научить студентов маршировать на месте.

Перевод Ольги Лободзинской

Марек Лавринович — писатель, создатель радио спектаклей, сценарист. Автор романов «Капитан Царь» (1996), «Дьявол на колокольне» (1998), «Кино „Скворец”» (2000), «Солнце для всех» (2003), «Мумия святого Петра» (2013), «Патриотов 41» (2014), «Мундир» (2016), сборника рассказов «Коридор» (2006) и радио спектаклей «Ненужное стихотворение» (2010). В 2006 году в московском издательстве АСТ вышла русская версия его романа «Солнце для всех» в переводе Евы Гараевой. Кроме того, книги Лавриновича переводились на немецкий, украинский и чешский языки.

-
1. Один из четырех насыпных холмов в Польше в честь национального героя. Краковский холм был сооружен сразу после смерти Костюшко (1817) в период 1820–1823 гг., его высота составляет 34 м — Примеч. пер.

Поляки и Достоевский

В № 12 «Новой Польши» за 2017 год мы опубликовали статью Мирославы Корчинской-Пясецкой «Обреченный на антирусскость», посвященную личности Шимона Токажевского, который встречался на каторге с Федором Достоевским.

В ближайшее время выйдет книга несправедливо забытой поэтессы Анны Погоновской (1922–2005), подготовленная Катажиной Кульчицкой-Кошани. Вот одно стихотворение из этой книги, впервые опубликованное в сборнике «Кружа вслед за правдой» (1991).

Ред.

Анна Погоновская

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ О ПОЛЬСКОЙ СПЕСИ

Достоевский терпеть не мог поляков
это они — политические ссыльные на рудниках Сибири —
только между собой делили слова и хлеб
каждый из них
примерялся к кресту
как будто это был
новый кунтуш или фрак

к убийцам и ворам
они не прикасались даже взглядом
и царь иногда милостиво разрешал им
умирать не мараясь об общество уголовников

они выпускали дух
но ни один разбойник
в них не уверовал
Перевод Андрея Базилевского

Пресса «задрутников»

Перевод Владимира Окуня

Вопрос о солдатах Красной Армии, взятых в плен во время польско-большевистской войны, стал одним из самых противоречивых в польско-российских отношениях. Он нередко используется в исторической политике как якобы равнозначный катынскому преступлению (т.н. «анти-Катынь»), а лагеря в Стшалково и Тухоле представляются в качестве «лагерей смерти», в которых русских пленных целенаправленно морили голодом. При этом сообщаются недостоверные данные, будто бы в этих лагерях умерло 60–100 тысяч пленных (в действительности, число умерших не превышало 16–18 тысяч). Российская сторона представляет также завышенное число военнопленных, оказавшихся в польском плену (появляются цифры от 130 и даже до 165,5 тысяч), в действительности, однако, уже по окончании военных действий во всех лагерях их было около 75–80 тысяч^[1]. Мало внимания уделяется изучению прессы, издававшейся в упомянутых выше лагерях. Я определяю ее термином «пресса задрутников». Словом «задрутники» (досл. «запроволочники»)^[2] в 1919–1924 годах в русской эмигрантской печати в Польше называли интернированных в лагерях русских^[3]. Большой проблемой является тот факт, что, в отличие от прессы, издававшейся пленными и интернированными украинцами, пресса русских «задрутников» сохранилась в очень небольших количествах, на что обращал внимание еще Збигнев Карпус^[4] (хотя сохранилась она в несколько большей степени, чем он утверждал в своей работе).

Лагерь для советских военнопленных №1 в Стшалково начал действовать 12 мая 1919 года на месте функционировавшего там в 1915–1918 годах немецкого лагеря, предназначенного для военнопленных из русской армии. После того, как эти территории отошли к польскому государству, в лагере вначале содержали интернированных разных национальностей. Однако в июле 1919 г. было решено использовать его для содержания прежде всего русских военнопленных (из Красной Армии). Именно в тот период их количество стало увеличиваться. Осенью и зимой 1919/1920 года в этом лагере вспыхнула

эпидемия тифа, из-за которой, в сочетании с ужасными условиями, погибло много людей. Вследствие этого польские власти некоторое время не отправляли туда новых пленных. Случались также проявления насилия по отношению к заключенным со стороны лагерной охраны, однако виновные были наказаны властями. Летом 1920 года, после выигранной битвы под Варшавой, а затем на Немане, в лагерь снова начали прибывать тысячи большевистских военнопленных. В результате, к концу ноября того года в нем оказалось почти 37 тысяч красноармейцев (правда, свыше половины из них находилось вне лагеря на полевых работах и в рабочих отрядах). И всё же переполненность лагеря вновь вызвала эпидемии и смерти. За весь период существования лагеря в нем погибло около 6000 пленных^[5].

Несмотря на это, польские власти приняли решение провести акцию по вербовке в союзные антибольшевистские отряды среди русских военнопленных, заключенных в лагеря в Стшалково, Тухоле, Пикулице и Вадовице, а также казаков, находившихся в лагерях в Калише и Щипёрно. Эту акцию планировалось проводить при помощи эмигрантского Русского политического комитета^[6], однако участие его представителей должно было ограничиваться ведением пропагандистской деятельности^[7]. Службу пропаганды в лагере для военнопленных в Стшалково в конце ноября 1920 года организовал попавший в польский плен Клеофей Кокин при поддержке главы экспозитуры^[8] 2-го отдела Командования Генерального округа Познань капитана Сецинского. Вскоре он завербовал группу агентов, которым был выделен отдельный барак и лучшая одежда. Кроме того, каждый агент ежемесячно получал от польской военной разведки вознаграждение в размере 3500 польских марок. Среди содержащихся в лагере пленных распространялись доставляемые РПК периодические издания: ежедневная газета «Свобода», а также нерегулярные сатирические издания «Штык», «Оса» и «Петушок». 9 марта 1921 года начала издаваться газета «Последние новости», в которой публиковались статьи, как написанные агитаторами, так и подготовленные на основе материалов, появлявшихся в польской и русской прессе, выходившей в Варшаве. Эта газета пропагандировала савинковскую идею «третьей России»^[9]. В момент начала ее выпуска распространились слухи о вспыхнувших в Петрограде и других городах России антибольшевистских восстаниях, о которых сообщалось на страницах издания. Поначалу газета выходила нерегулярно, с перерывом в апреле. С мая, однако, она выпускалась почти

ежедневно. Газета была рукописной, затем ее распечатывали на ротаторе. Чаще всего ее размер составлял четыре страницы. Газету бесплатно раздавали среди военнопленных. Функции главного редактора выполнял некто Листопадский. Издателем газеты был Отдел просвещения лагеря в Стшалково. Редакция размещалась в бараке №45 Третьего отделения лагеря. Статьи выходили без подписей. Редакция газеты призывала заключенных лагеря присылать тексты. Первые номера писались простым шрифтом. Со временем он стал более декоративным, а к виньетке добавили савинковский лозунг «За Родину и свободу». Постоянными разделами газеты были «Политические новости», в которых помещалась политическая информация, «Объявления» — сообщения относительно лагерной жизни, «Вести из Совдепии», а также «Художественная жизнь» (культурный раздел)^[10]. Еще на страницах газеты появлялись сатирические стихи и карикатуры антикоммунистического содержания (часть их копировалась из русских эмигрантских изданий, выходивших в Варшаве (например, «Штык»)^[11]. Последним сохранившимся номером был №163, датированный 20 августа 1921 года^[12].

Вначале, благодаря печатавшимся сообщениям о Советской России, «Последние новости» пользовались среди пленных немалой популярностью^[13]. Тем более что убежденные коммунисты из числа военнопленных были изолированы польскими властями от остальных. Однако в конце апреля — начале мая в стшалковском лагере побывали большевистские делегаты, организовавшие встречи с военнопленными, на которых уверяли их, что в Советской России прекрасное положение. Вдобавок, они роздали пленным папиросы и спички. После очередного их визита 18–20 июня 1921 года была отменена изоляция коммунистов от остальных пленных. В результате, пропагандистская деятельность польской стороны была сильно затруднена^[14]. К тому же находившиеся в лагере коммунисты (около 400 человек) создали в лагере свой комитет РКП(б). Благодаря поддержке со стороны ИМКА^[15], они также вели в лагере просветительно-пропагандистскую деятельность, что выражалось в организации театра, школы хороших манер, курсов эсперанто и, в первую очередь, в выпуске в лагере собственных печатных изданий. Это были: «Вестник военнопленного», который вышел в количестве 10 номеров, а также «Журнал военнопленных лагеря Стшалково» с подзаголовком «Издание местных коммунистов», издававшийся в марте 1921 года. Этот последний часто конфисковали лагерные власти под предлогом нарушения

лагерного порядка, а также из-за текстов, направленных против Б. Савинкова и Лиги Наций. Однако такие действия были не в состоянии остановить просоветскую агитацию в лагере. В феврале 1922 года выпускалась еще одна газета под названием «Новый путь»^[16], но от упомянутых выше изданий не сохранилось ни одного экземпляра.

В стшалковском лагере настроения среди военнопленных вскоре начали формировать заключенные там коммунисты. Комендантом самоуправления пленных был коммунист Филимонов, а после его отъезда некий Анатолий Литвинов. Советские пленные значительно охотнее усваивали распространявшиеся ими сведения, получаемые из доступной им советской печати. В лагере стало даже доходить до рукоприкладства между ними и представителями антикоммунистической пропаганды. Несмотря на противодействие со стороны польских лагерных властей, пленные стали с неприязнью относиться к Отделу просвещения и распространяемой им газете «Последние новости» (как и к распространявшейся также в лагере газете «Свобода»). В конце концов, 9 сентября 1921 года ОП вынужден был прекратить свою деятельность^[17]. Следует согласиться с мнением Леха Выщельского о том, что действия, предпринятые польской стороной при поддержке РПК, «не принесли больших результатов»^[18].

Тем временем, заключенный 16 апреля 1921 года Польшей, а также Советской Россией и Украиной рижский договор предусматривал в статье IX принципы взаимной репатриации населения между этими государствами (включая и обмен военнопленными). В результате, советские пленные были постепенно репатриированы в Советскую Россию (с 1922 г. входившую в состав СССР) в период с марта до середины октября 1921 года (с перерывом с 27 мая до 15 июня, когда польская сторона приостановила репатриацию по причине задержек с репатриацией польских пленных большевистской стороной). Помимо большевистских пленных, на репатриацию в СССР до октября 1923 года решилось в целом около 3000 интернированных русских из армий Перемыкина и Булак-Балаховича^[19].

Еще одну группу русских, о которых говорится в этой главе, составляют интернированные. Первопричиной их пребывания в лагерях являются события осени 1920 года. Отряды генерала Станислава Булак-Балаховича 8 ноября 1920 года начали борьбу с большевиками, через два дня взяв Мозырь. Однако, после

первоначальных успехов, большевики заставили их отступить, и в период между 28 ноября и 5 декабря они пересекли польскую границу. Многие солдаты этой армии вновь перешли на сторону большевиков; в Польшу вернулось лишь 12 тысяч. Интернировано из них было, однако, только 7 тысяч; остальные (в основном, поляки и белорусы) вернулись домой. Интернированные были помещены в лагеря в западной и центральной Польше (главным образом, в Щипёрно и Тухоле). Также были интернированы члены Третьей русской армии ген. Бориса Перемыкина (6,3 тысячи) и есаула Яковлева (1,5 тысячи), одновременно принимавшие участие в боях с большевиками на территории Подолья вместе с отрядами Симона Петлюры^[20]. Солдат этих формирований первоначально планировалось разместить в лагере в Щипёрно, однако после протестов самого генерала их направили в лагерь в Торуне и Острове-Ломжинском^[21]. В общей сложности русские союзники Второй Речи Посполитой были интернированы в 21 из функционировавших тогда на территории польского государства 24 лагерей^[22]. На страницах газеты «Свобода» Борис Савинков призывал интернированных сохранять терпение и лояльность по отношению к Русскому политическому комитету (РПК), который он возглавлял^[23]. Этот РПК оказывал помощь интернированным, а сам, в свою очередь, финансировался польскими властями. Значительная часть вышеупомянутых средств была предназначена для поддержания интернированных частей в боевой готовности. С этой целью в июне 1921 года Савинков также предпринял попытку завязать сотрудничество с белорусскими и украинскими организациями. Если в случае белорусских формирований (возглавлявшихся Булак-Балаховичем) это привело к успеху (несмотря на напряженные отношения между Савинковым и Булак-Балаховичем), то украинцы не выражали желания сотрудничать с русскими^[24]. В свою очередь, казаки, хотя и формально, в большинстве своем встали на сторону Савинкова, однако фактически среди них преобладали скрыто-большевистские тенденции и нежелание союза с Польшей^[25]. Здесь следует поговорить о главных лагерях, в которых оказались интернированные русские союзники Второй Речи Посполитой, и где они издавали свою прессу.

Солдаты подчинявшихся Савинкову частей были интернированы в лагере в Щипёрно-Скальмежице, в котором в 1920 году находилось около 4500 человек. В декабре 1920 года из-за переполненности часть содержащихся там русских перевели в лагерь в Торуне и Острове-Ломжинском. В этом

лагере выходил литературный журнал «За проволокой — Литературно-художественный сборник», который редактировал Андрей Рудин^[26]. Кроме того, в конце марта 1921 года монархист Казимир Караваев издавал там журнал под названием «Пиллюля»^[27]. В нем выражалась неприязнь к Польше, которая в журнале называлась «сезонным государством». Ни один из упомянутых выше журналов не сохранился.

Лагерь №4 в Пикулице первоначально был предназначен для советских военнопленных, а также для русских и украинских интернированных. Но с конца марта 1921 года он предназначается исключительно для интернированных. В это время для интернированных в лагере русских там издавались газеты «Завтра» и «Путь на Родину», которые, однако, до настоящего времени не сохранились. Этот лагерь был ликвидирован 9 октября 1921 года^[28].

В свою очередь, в лагере в Ружанах были размещены солдаты 3-го Донского казачьего полка вместе с группой гражданских лиц (всего 822 человека). В этом лагере выпускалась газета «Дон», но ни одного ее экземпляра также не сохранилось. Этот лагерь был ликвидирован еще 10 августа 1921 года, а содержащихся там русских перевели в лагерь в Острове-Ломжинском-Коморово^[29].

В лагере для интернированных №14 в Острове-Ломжинском находились солдаты из частей, интернированных ранее в Торуне и Ружанах (солдаты конной дивизии ген. Трусова, 1-й дивизии ген. Льва Бобошко, бригады есаула Александра Сальникова). Общее число интернированных русских составляло 4536 человек. В этом лагере дважды в месяц выходил литературный журнал «Казак», а также газета «Новое слово», а также, с 25 января 1921 года, газета «Дон»^[30]. Однако, как и большинство перечисленных в этой главе изданий, они не сохранились до наших дней. Интернированные в лагере в Острове-Ломжинском жаловались на плохое обращение со стороны коменданта лагеря полковника Славинского, который якобы затруднял им жизнь в лагере, тогда как противоположную позицию представлял комендант лагеря в Ружанах полковник Кивнарский^[31]. Со временем всех содержащихся там перевели в лагерь в Тухоле, а сам лагерь

№14 был ликвидирован польскими властями 9 октября 1921 года^[32].

Еще одним местом, где содержались интернированные, был лагерь №15 в Торуне, в котором первые представители этой группы появились 20 декабря 1920 года. Это были 1000 солдат из формирований ген. Булак-Балаховича. Еще 2000 интернированных прибыло туда пять дней спустя. Там также были размещены солдаты 3-й русской армии ген. Перемыкина, а также подчиненные есаула Михаила Яковлева (125 офицеров, 526 рядовых и 24 гражданских). Их разместили в фортах Яна Хенрика Домбровского, Кароля Княжевича и Стефана Батория. Комендантом лагеря был назначен полковник Гавронский. Количество интернированных на территории торуньской крепости в феврале 1921 года составляло 2369 человек. Как и в случае других описываемых здесь лагерей, условия в Торуне были ужасными. По этой причине 10 августа 1921 года польские власти решили ликвидировать лагерь и перевести содержащихся в нем русских в лагерь в Тухоле (в котором освобождались места в связи с акцией по обмену военнопленными с Советской Россией^[33]). Тем временем, как уже ранее упоминалось, содержащиеся в лагере казаки стали предметом соперничества между эмигрантскими антибольшевистскими группировками, союзными полякам. Борис Савинков желал перетянуть на свою сторону как Фролова, так и его полк. Однако ему приходилось соперничать за влияние с украинцами. А сам Фролов предпочтение отдавал, скорее, последним^[34]. Определенную роль в этом соперничестве сыграли выходившие в лагере печатные издания.

«Донской казак» был журналом, выпускавшимся в расчете на солдат 4-го казачьего полка есаула М. Фролова, интернированных в 1921 году в Торуне. Помещение редакции журнала находилось в Торуньском форте на ул. Домбровского, 20 (место интернирования солдат полка). Функции редактора журнала выполнял сотник Недельницкий. Секретарем журнала был доктор Василенко, а за технические вопросы отвечал хорунжий Ганча. Журнал переписывали от руки, а затем копировали на ротаторе. Однако для журнала такого рода он был богато иллюстрирован. Объем отдельных номеров достигал 56 страниц. Редакция журнала декларировала лояльность по отношению к Русскому политическому комитету и Борису Савинкову. Помимо статей на политические темы (авторства, в частности, есаула Фролова), на страницах журнала

публиковались также рассказы и стихи, связанные с тематикой донского казачества и гражданской войны в России (написанные, в частности, Рахмановичем, Лимановичем, Дорофеевым). Появлялись там и публикации, затрагивавшие историю 4-го полка. В журнале также существовал постоянный раздел под названием «Наша жизнь», в котором сообщалось о повседневной жизни интернированных солдат полка, об их деятельности (в том числе о футбольной команде, хоре, художественном и рыболовном кружках, или о группах, занимавшихся плетением корзин либо изготовлением рыболовных сетей), а также помещались их фотографии. Еще в журнале имелся сатирический раздел («Смех и юмор»), в котором публиковались антибольшевистские карикатуры^[35]. Помимо данного журнала, в лагере выходила также «Наша газета» и сатирические «Отзвуки»^[36], однако в их случае никаких архивных экземпляров не сохранилось. В связи с этим невозможно также определить политические симпатии редакций этих изданий.

Еще один лагерь, важнейший из обсуждаемых в этой главе наряду со стшалковским, находился в Тухоле. Вначале он был предназначен для большевистских пленных. Лагерь №7 был основан 26 марта 1920 года. Как и лагерь в Стшалково, он появился на месте бывшего немецкого лагеря, предназначенного для русских военнопленных. Первые советские пленники появились в нем в конце марта 1920 года, однако наибольшее их число прибыло туда после варшавской битвы. К концу 1920 года там находилось более 20 тысяч большевистских военнопленных, таким образом, лагерь №7 стал главным лагерем, предназначенным для советских пленных в Польше. Подобно Стшалково, он отличался тяжелыми условиями питания и размещения (не будучи подготовлен для приема столь большого числа пленных), что, в сочетании с ужасными погодными условиями (зимний период), а также эпидемией тифа, привело к смерти около 2000 пленных. Им, однако, оказывалась медицинская помощь, а культурно-просветительскую деятельность в лагере также вела ИМКА. Но, в отличие от Стшалково, среди пленных не велась агитационная деятельность с целью вовлечения их в антибольшевистские отряды при помощи печати. В период с весны 1921 года пленные постепенно репатриировались в Советскую Россию^[37].

Однако в начале сентября 1921 года польские власти начали направлять в лагерь в Тухоле первые группы интернированных

русских из отрядов Булак-Балаховича и Перемыкина. Со временем в лагере появились и члены «Вольной казачьей дивизии» под командованием В. Яковлева. Они заняли бараки и землянки, в которых прежде находились большевистские пленные. В лагере по-прежнему сохранялись тяжелые условия, ставшие причиной побегов интернированных, а также роста антипольских настроений среди обитателей лагеря (в особенности среди казаков). По причине трудной ситуации, осенью 1922 года польские власти приступили к ликвидации лагеря и переводу содержащихся в нем русских в лагерь №1 в Стшалково. Окончательно лагерь был ликвидирован 22 января 1923 года. При этом следует обратить внимание на то, что, несмотря на трудные бытовые условия, русские обитатели лагеря пользовались широкой автономией, а в состав лагерной администрации входили интернированные офицеры. В лагерь также попадала русская эмигрантская печать, издававшаяся в Берлине. Однако «задрутники» из Тухоли вскоре сами приступили к изданию собственной прессы^[38].

Еще с сентября 1921 года в лагере издавалась газета «Новое слово» с подзаголовком «Орган демократической мысли». Это издание было рукописным, затем его копировали на ротаторе. Его объем составлял шесть страниц. Редакция, размещавшаяся в лагерной библиотеке, призывала читателей присылать материалы. Постоянными разделами газеты были обзор русской эмигрантской печати (раздел «Из газет») и раздел «Наша жизнь», который информировал о культурных событиях в лагере^[39]. У «Нового слова» имелось еще и литературное приложение под названием «Заря», объемом в четыре страницы. Первый его номер вышел 4 сентября 1921 года. На его страницах публиковались стихи и рассказы интернированных в лагере солдат. Некоторые номера приложения также были иллюстрированными^[40]. Наряду с упомянутыми изданиями, в этом лагере публиковался журнал «Живое слово», который, в отличие от предыдущих изданий, печатался на пишущей машинке. Его редакторами, как и в предыдущих случаях, были Великанов и Николай Бартенев. Этот журнал также имел культурно-литературный характер; в нем публиковалась поэзия и проза интернированных русских. Кроме того, на его страницах появлялись публикации относительно лагерной жизни, а также на политические, социальные и исторические темы^[41]. Помимо этого, в лагере выходил еще сатирический журнал «Пигмей», печатавшийся на машинке, однако он не сохранился ни в каких архивных собраниях^[42].

В конце марта — начале апреля 1922 года, после объявления советскими властями амнистии, на репатриацию в СССР решилось около 2000 интернированных. В последующие месяцы, однако, это число уменьшилось; в конце концов, как уже упоминалось ранее, в целом репатрироваться решили 3000 солдат этих формирований. Тем временем, летом 1922 года управление лагерями для интернированных было передано польскому МВД. Оно решило ликвидировать лагерь для интернированных в Тухоле, и содержащихся там русских с сентября начали перевозить в Стшалково. В результате, уже в ноябре этот лагерь был расселён, а 22 января 1923 года окончательно ликвидирован. Кроме того, началась акция по массовому освобождению интернированных, имевших польское гражданство, а остальных стали трудоустраивать на государственные предприятия. Последние интернированные русские всё ещё находились в Стшалково, где в 1923 году издавали газету «Лагерная жизнь», но она тоже не сохранилась до нашего времени. Однако польские власти с июня того же года начали постепенно ликвидировать сам лагерь. Наконец, 30 апреля 1924 года польские власти выпустили циркуляр, регулировавший правовой статус тех интернированных русских, которые решили не возвращаться в СССР, но не имели польского гражданства. Благодаря ему после регистрации они могли свободно передвигаться по всей территории Польши. 11 августа 1924 года польские власти выдали окончательное распоряжение о ликвидации с 31 августа того же года последних лагерей для интернированных в Польше (то есть, помимо Стшалково, ещё и лагерей в Калише и Щипёрно, где находились украинцы)^[43].

Решившие остаться в Польше русские военнопленные и интернированные из описываемых лагерей оседали прежде всего в Торуне (около 100–120 человек) и Грудзёндзе (где также имелись две постоянные православные церкви). Некоторая часть из них поселилась также в городах, расположенных неподалеку от лагерей, в которых они содержались, например, в Александрове-Куявском или Тухоле. На территории всего поморского воеводства в 1924 году находилось порядка 800 русских (из которых 250 были военнопленными периода Первой мировой войны, а 600 эмигрантами и политическими беженцами). Однако уже в 1937 году их число уменьшилось до 600 человек. Не считая случая 1922 года, когда польские власти объявили незаконным Русский комитет в Торуне, русская диаспора в этих местах и на территории всего Поморья свободно вела общественную и культурную деятельность.

Кроме того, она быстро интегрировалась с польским населением и оставалась лояльной по отношению ко Второй Речи Посполитой. При этом следует добавить, что вынудить русских селиться в западных воеводствах старались по мере возможности сами польские власти, чтобы тем самым уменьшить их количество на восточных Кресах^[44]. Однако, в связи с малочисленностью, они уже не издавали никакой периодической печати.

Издававшаяся в 1921–1923 годах пресса «задрутников» выполняла двоякую функцию. С одной стороны, она вела среди военнопленных и интернированных антибольшевистскую пропаганду, а также имела целью поощрять их к вступлению в ряды антибольшевистских формирований, поддерживавших «третью Россию» Бориса Савинкова. С другой же, она была местом, где интернированные в Польшу русские могли вести культурную деятельность путем публикации литературных произведений собственного сочинения. В случае с газетой «Последние новости», предназначенной для пленных красноармейцев, мы имеем дело с инициативой польской разведки, однако в случаях с остальными изданиями, предназначенными уже для интернированных, вероятнее всего, такой ситуации всё же не было. Из-за трудного положения в лагерях, большая часть описанных выше периодических изданий была рукописной, а затем размножалась на ротаторе. Лишь более поздние издания печатались на пишущей машинке. По причине скудного количества архивных источников, а также отсутствия сохранившихся экземпляров большинства этих изданий, невозможно, к сожалению, установить, насколько большую роль они играли в жизни «задрутников».

Текст является фрагментом кандидатской диссертации на тему «Русская и русскоязычная пресса во Второй Речи Посполитой (1918–1939)».

-
1. Подробное описание условий содержания в лагерях для военнопленных, а также пересказ и ответ на аргументы российской стороны см.: Z. Karpus, Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924, Toruń 1997; L. Wyszczelski, Jeńcy wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920, Warszawa 2014.
 2. От польского выражения „za drutem”, т.е. «за проволокой» — Примеч. пер.
 3. См. A. R. Mochola, Zadrutniki. Z historii emigracji rosyjskiej w

Polsce (1919–1945),
<http://www.mochola.org/russiaabroad/mochola/zadrutpl.htm> (в последний раз доступно: 06.04.2017 г.). К настоящему времени это единственная статья, посвященная обсуждаемому вопросу.

4. См. Z. Karpus, *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w latach 1919–1920*, Toruń 1999, s. 12.
5. Шире об этом лагере: Z. Karpus, *Jeńcy i internowani...*, s. 112–113; B. Wojciechowska, *Bolszewicy pod Strzałkowem. Rzecz o obozie jeńców i internowanych z czasów wojny polsko-bolszewickiej 1920 roku*, Poznań 2001; L. Wyszczelski, *op. cit.*, s. 224–234.
6. Русский политический комитет в Польше (РПК) — антибольшевистская политическая организация, существовавшая в 1920–1921 гг. Был организован в Варшаве Б.В. Савинковым — Примеч. пер.
7. 103. 1920 lipiec 21, Warszawa. – Rozkaz ministra spraw wojskowych gen. J. Leśniewskiego w sprawie udzielenia poparcia organizującym się na terytorium Polski rosyjskim białogwardyjskim oddziałom wojskowym [w:] *Dokumenty i materiały...*, Warszawa 1964, т. III, s. 197–199; №156. Приказ Министерства военных дел Польши о приостановке вербовки в антисоветские формирования в лагерях военнопленных [w:] *«Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 г.г.. Сборник документов и материалов»*; коллективная редакция; Москва 2004; s. 336.
8. Экспозитура — территориальное подразделение польской разведки в 1920–1939 годах — Примеч. пер.
9. Идею «третьей России», в противовес России красных и России белых, выдвинул Б. Савинков. В его понимании это была крестьянская, «зеленая» Русская республика, «без хозяев и без коммуны» — Примеч. пер. CAW; Oddział II MSWojsk. sygn. I.300.76.97; Raport placówki Biura Wywiadowczego 6 w Strzałkowie za m[miesiąc] styczeń 1921 r., к. 39–40; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani...*, s. 120; K. Paduszek, *Działalność propagandowa służb informacyjno-wywiadowczych WP w czasie wojny polsko-bolszewickiej 1919–1921. Organizacja, metody, treści*, Toruń 2004, s. 78–81, 129; Т.М. Симонова, *Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 г.г.). – Москва 2009, стр. 116.*
10. Более десяти номеров газеты «Последние новости» сохранилось в собрании Центрального военного архива (далее CAW), II отдел Министерства военных дел (далее MSWojsk.), сигн. I300.76.97. Это наиболее хорошо

сохранившееся издание из тех, что описаны в данной главе. Информация об этой газете также в: Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 121-122.

11. Шире на тему антикоммунистических карикатур, помещавшихся в русской эмигрантской печати в Польше в 1919-1920 годах, см.: A. R. Suławka, Propaganda antybolszewicka w karykaturach prasy rosyjskiej w Polsce (lata 1919-1920) [w:] Polska-Mazowsze. Dzieje polityczno-militarne, gospodarka, kultura. Księga Jubileuszowa dedykowana prof. Januszowi Szczepańskiemu w 65. rocznicę urodzin i 40-lecie pracy naukowej, red. A. Koseski, R. Turkowski; Pułtusk 2013, s. 429-446.
12. CAW, Oddział II MSWojsk. сигн. I.300.76.97; „Poslednije Nowosti” 1921, nr 163, к. 78-79.
13. CAW, Oddział II MSWojsk. сигн. I.300.76.97; List agenta z obozu w Strzałkowie do porucznika Świdwińskiego [1921], к. 40.
14. K. Paduszek, Działalność propagandowa służb..., s. 83; L. Wyszczelski, op. cit., s. 70-71.
15. ИМКА (YMCA, от англ. Young Men's Christian Association — «Юношеская христианская ассоциация») — молодёжная волонтерская организация, основанная в 1844 году — Примеч. пер.
16. № 269 Доклад Комитета РКП(б) в лагере №1 в Стшалково в РУД [Российско-Украинская делегация — Примеч. пер.] о тяжёлом положении красноармейцев [w:] «Красноармейцы в польском плену...» s. 534; Т. М. Симонова, Советская Россия (СССР) и Польша..., стр. 150-151, 213.
17. См. B. Wojciechowska, op. cit., s. 106-111.
18. L. Wyszczelski, op. cit., s. 71.
19. Шире на эту тему: J. Borzęcki, Pokój ryski 1921 roku i kształtowanie się międzywojennej Europy Wschodniej, Варшава 2012; s. 340-342; Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 124-134; J. Kumaniecki, Pokój polsko-radziecki 1921. Geneza. Rokowania. Traktat. Komisje mieszane, Warszawa 1985, s. 128-133; L. Wyszczelski, op. cit., s. 435-486.
20. См. M. Cabanowski, Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Ostatni Kmicic II RP i wyklęci żołnierze wojny polsko-sowieckiej 1920 roku, Варшава 2013, s. 124-125; Z. Karpus, Traktat ryski a polscy sojusznicy z okresu wojny polsko-bolszewickiej 1920 roku [w:] Traktat ryski po 75 latach, red. M. Wojciechowski, Торунь 1998, s. 237-238.
21. Z. Karpus, Wschodni sojusznicy Polski..., s. 134-135.
22. A. R. Mochola, Zadrutniki...
23. M. Cabanowski, op. cit., s. 122-124.

24. См. W. Materski, Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918-1943, Warszawa 2005, s. 139.
25. Nr 63 1922, maj, 10, Toruń. – Raport Komendy Okręgu XII Policji Państwowej w Toruniu o sytuacji w Obozie Internowanych w Tucholi za miesiąc kwiecień [w:] Tuchola. Obóz jeńców i internowanych 1914-1923, red. Z. Karpus, W. Rezmer; Toruń 1997, t. 1, s. 129.
26. Z. Karpus, Wschodni sojusznicy Polski..., s. 146; A. R. Mochola, Zadrutniki...
27. Т. М. Симонова, «Советская Россия (СССР) и Польша...», s. 169.
28. Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 139, 146; L. Wyszczelski, op. cit., s. 196.
29. A. R. Mochola, Zadrutniki...; L. Wyszczelski, op. cit., s. 196.
30. Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 144-145; idem, Wschodni sojusznicy Polski..., s. 134-135, 146; A. R. Mochola, Zadrutniki...
31. CAW, Oddział II NDWP сигн. I.301.8.371; Письмо Б.Савинкова ген. В. Сикорскому от 30 мая 1921 г., к. 253-254.
32. L. Wyszczelski, op. cit., s. 196.
33. См. Z. Karpus, Emigracja rosyjska i ukraińska w Toruniu w okresie międzywojennym, „Rocznik Toruński” 1983, t. 16, s. 94-95; Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 139; Z. Karpus, Rosjanie i Ukraińcy w Toruniu w latach 1920-1939 [w:] Mniejszości narodowe i wyznaniowe w Toruniu w XIX i XX wieku, red. M. Wojciechowski, Toruń 1993, s. 82-84; он же, Wschodni sojusznicy Polski..., s. 153.
34. CAW, Oddział II Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego (dalej NDWP) сигн. I.301.8.249; Рапорт Леонтьева поручику Сливинскому от 15 апреля 1921 г., без подписи.
35. Третий номер журнала, датированный 10 июня (28 мая по старому стилю) 1921 года, сохранился в собраниях International Institut Voor Soziale Geschiedenis в Амстердаме (далее IIVSG), Boris Viktorovic Savinkov Papers (далее BVSP) inv. 195 (онлайн-коллекция).
36. Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 146.
37. Шире на тему лагеря для советских военнопленных в Тухоле см.: Jeńcy bolszewiccy w obozie w Tucholi (sierpień 1920-паździernik 1921 r.) [w:] Tuchola. Obóz jeńców i internowanych..., t. 1, s. XXXIV-XLVII; Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 114-117; он же, Obóz jeńców nr 7 w Tucholi (1914-1921), „Studia i materiały do historii wojskowości” 1994, t. XXXVI, s. 137-148.
38. Шире на тему пребывания интернированных русских в лагере в Тухоле в: Rosjanie internowani w obozie w Tucholi

(wrzesień 1921– styczeń 1923 r.) [w:] Tuchola. Obóz jeńców i internowanych..., t. 1, s. XLVIII–LXV.

39. Фотокопии страниц третьего номера газеты от 11 сентября 1921 г. доступны на:
<http://www.mochola.org/russiaabroad/photoarc/novoeslovo1.htm> (в последний раз доступно: 04.04.2017 г.)
40. Отсканированные страницы номеров 1–3 журнала «Заря» доступны на:
<http://www.mochola.org/russiaabroad/photoarc/tuchola.htm> (в последний раз доступно: 04.04.2017 г.).
41. A. R. Mochola, Zadrutniki...
42. Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 155.
43. См. Z. Karpus, Jeńcy i internowani..., s. 158–165.
44. Шире на эту тему см.: Z. Karpus, Emigracja rosyjska i ukraińska..., s. 93–112; Z. Karpus, Jeńcy wojenni i emigracja polityczna z Rosji na Pomorzu w latach 1914–1939 (Procesy asymilacyjne, stosunek miejscowego społeczeństwa), Migracje polityczne i ekonomiczne w krajach nadbałtyckich w XIX i XX w., red. J. Borzyszkowski, M. Wojciechowski, Toruń–Gdańsk 1995, s. 125–136; он же, Rosjanie i Ukraińcy na Pomorzu w latach 1920–1939 [w:] Mniejszości narodowe i wyznaniowe na Pomorzu w XIX i XX wieku, red. M. Wojciechowski, Toruń 1998, s. 103–105, 112; он же, Rosjanie i Ukraińcy w Toruniu..., s. 84–90; W. Stanisławski, Biali Rosjanie..., s. 281.

Юлиуш Кляйнер и Дмитрий Философов

История одной дискуссии

В 1934 году среди «маститых ученых» почти всех польских литературоведческих школ страсти разгорелись не на шутку. Повод всех этих волнений был на первый взгляд довольно незначительный. А именно — выходящая в Варшаве эмигрантская газета «Молва» опубликовала в нескольких частях статью главного редактора Дмитрия Философова «Профессор Юлий Кляйнер и дорога в Россию. *Juliusz Kleiner „Mickiewicz”*, t. 1, Lwów 1924»^[1]. Текст был посвящен русскому периоду биографии Адама Мицкевича. Философов, известный журналист, живущий в Польше с 1920 года неоднократно касался на страницах газет, которые издавал в эмиграции, польско-русской тематики. Он писал о Пилсудском, о Великой эмиграции XIX века, о проблемах еврейского населения в Польше, об экономических и литературных дискуссиях, а также публиковал театральные и музыкальные рецензии. Тем не менее — насколько мне известно — ни одна из его прежних публикаций не имела такого резонанса в польском обществе, вызвав лавину дискуссий и ощутимо повлияв на то, как выглядит польское мицкевиеведение.

Наверняка не без значения было то, что поводом высказаться на тему одесских и крымских эпизодов биографии Мицкевича стал первый том монографии Юлия Кляйнера «Мицкевич. История Густава», вышедший в том же 1934 году. Русский публицист довольно быстро и эмоционально отреагировал на появление этой книги на страницах своей газеты, указывая на фактографические недоработки и ошибки в изложении Кляйнера и — что, наверное, важнее — на довольно специфический подход польского исследователя к жанру литературно-исторической монографии.

Рецензия Философова, опубликованная — что нужно особо подчеркнуть — в русскоязычной варшавской газете с небольшим тиражом, склонила известного историка Шимона Аскенази высказаться на страницах издания «Вядомосци литерацке» на тему крымских путешествий Мицкевича: «Я с огромным интересом прочитал весьма любопытную статью

господина Философова, свидетельствующую о необычайно глубоко, тонком и прямо-таки необыкновенном у не-поляка понимании психологических вопросов, касающихся Мицкевича»^[2].

Эта поддержка со стороны Аскенази, подтвердившего неточности в монографии Кляйнера (к замечаниям по существу вопроса мы еще вернемся), вдохновила Философова на очередное выступление. На этот раз публицист высказался на страницах издания «Пшеглёд вспулчесны», воспользовавшись помощью Станислава Стемповского, выступившего в роли переводчика на польский. Именно эта статья Философова, озаглавленная *Мицкевич в Одессе и Крыму. На полях исследования проф. Ю. Кляйнера о Мицкевиче*, опубликованная в мартовском номере 1934 года, положила начало горячей дискуссии на тему русского периода в биографии Мицкевича, методологии написания научных биографий, польско-русских отношений, но прежде всего — как кажется — она сосредоточилась вокруг проблемы: имеет ли русский автор право высказываться по столь важному национальному вопросу, как биография Мицкевича.

В комментарии к основной части статьи Философов объясняет, почему решил так настойчиво призывать, чтобы при исследованиях биографии Мицкевича использовались также русские источники, и что было причиной того, что ему пришлось указать Кляйнеру на несколько фундаментальных ошибок: «Годы пребывания Мицкевича в России, — пишет Философов — по мнению знатока этого вопроса проф. В. Ледницкого, еще недостаточно исследованы польскими учеными. Поэтому я позволил себе предположить, что мои рассуждения и предположения могут быть в некоторой степени полезными и обратился в редакцию журнала «Пшеглёдн вспулчесны» с просьбой напечатать мою статью. И хотел бы поблагодарить редакцию за согласие. Кроме того, я хочу выразить сердечную благодарность Станиславу Стемповскому, который с дружеской готовностью согласился перевести на польский язык мою написанную по-русски статью»^[3].

Свои рассуждения начинает Философов от зарисовки социально-исторической ситуации, в которой Юзеф Калленбах создавал предшествующую исследованиям Кляйнера биографию Мицкевича. Описанные Философовым достоинства и недостатки этой книги здесь несущественны, а вот его отношение к Калленбаховскому пониманию того, как должна выглядеть научная монография, — весьма любопытны:

«Однако именно это отсутствие объективности у Калленбаха вполне можно понять — его оправдывают и объясняют условия польской жизни того времени [1 изд. 1897 — 4 изд. 1926]. Нельзя же требовать от польских исследователей того времени, чтобы они занимались жизнью и творчеством Мицкевича со всем объективизмом, словно это вещь в себе. Ведóмые желанием укреплять сердца и дух соотечественников, ширить культ отечественной истории и литературы, довоенные ученые писали в согласии с определенной идеологией, подчеркивая одно, замалчивая другое, а иногда и вообще искажая факты. Благородная цель оправдывала эти огрехи»^[4].

Такой взгляд Философова, опережающий на несколько десятилетий западноевропейские рассуждения на тему нового историзма, колониализма и т.д., становится своего рода алиби, полученным Калленбахом, и упреком, направленным в сторону Кляйнера. Потому что младший исследователь, стоящий у истоков современного польского мицкевиеведенья, по мнению Философова, обошел молчанием не только русский эпизод биографии Мицкевича, но и многочисленные русские источники (как и некоторые польские — *vide Łukasiński* Аскенази), пропуская целый ряд существенных фактов биографии Мицкевича и искажая другие. Действительно, в первом издании «Мицкевича» Кляйнера мы не найдем и упоминания о Бошняке, ничего существенного мы не узнаем о генерале Витте, нам не удастся поближе познакомиться с мужем Каролины Собаньской — Иеронимом, мы не узнаем, как на самом деле выглядела Одесса того времени. Скупых сведений, предоставленных Кляйнером, будет явно недостаточно, чтобы понять, что представляло из себя общество декабристов и не узнаем настоящих причин, благодаря которым Мицкевичу удалось так легко покинуть Россию в 1829 году.

Кроме перечисленных тут вкратце основных недостатков, отмеченных Философовым в монографии Кляйнера, редактор «Молвы» перечисляет также ряд с сегодняшней точки зрения менее существенных, но все же по-прежнему разительных ошибок, касающихся русской культуры и литературы первой половины XIX века.

В завершении своей статьи Философов пишет: «Необходимо наконец освободить великого поэта от оков конвенциональной культуры и неизменных схем, от опутывающих его фигуру сети политических и религиозных взглядов довоенного поколения. Лишь исполнение этих условий позволит взглянуть на

Мицкевича действительно новыми глазами. Пока эта подготовительная работа не будет сделана, не может быть и речи о «новом взгляде на действительность»^[5].

Можно легко догадаться, что после выхода этой статьи (содержащей — что существенно — не только приведенные выше постулаты общего характера, но и конкретные исторические факты, прекрасно известные в то время) среди литературоведов разразилась буря. Принятый в то время обычай публиковать в газетах полемические отзывы нашел свое отражение в разразившейся полемике. В течение всего лишь нескольких месяцев после появления статьи Философова в прессе сформировалось два полемических лагеря с весьма отчетливыми позициями. В правом углу ринга разместились Манфред Кридль и Юлиан Кшижановский, левый заняли Шимон Аскенази, Вацлав Ледницкий, Станислав Стемповский и Мария Домбровская. Показательно, что ни Юлиан Кляйнер, ни Дмитрий Философов по этому вопросу публично больше никогда не высказывались.

В марте 1934 года (то есть спустя месяц после публикации статьи Философова) на страницах издания «Вядомосьци літэрацке» вышла полемическая статья Манфреда Кридля с многозначительным заголовком «Незванный ментор». Первый же абзац выступления Кридля прекрасно демонстрирует полемический пыл этого исследователя: «Факты таковы: проф. Кляйнер недавно опубликовал первый том монографии Мицкевича. Часть, посвященная пребыванию поэта в России, вдохновила господина Философова выступить с серией фельетонов вначале в «Молве», а потом выкатить тяжелую артиллерию в журнале «Пшеглэнд в спулчесны» (февраль сего года), обвиняя уже не только профессора Кляйнера, но и польских ученых вообще в великих преступлениях против науки и — против России»^[6].

Статья Кридля, в который он стремился прежде всего защитить ценность работы Кляйнера, в сущности оказалась довольно эмоциональной речью на тему попыток России (или отдельных русских) оказать влияние на польский, независимый исторический нарратив. Горячее несогласие Кридля на саму возможность такой зависимости от русских подтолкнуло его к следующим ядовитым выводам: «В том-то и суть, что речь тут идет о чем-то совершенно ином. Не в неточностях и ошибках тут дело. Это всего лишь довольно неудачно выбранный повод, не причина. На самом деле речь идет об отношении «польских ученых» к России. И не только ученых, но и великих польских поэтов. Все они обижают Россию,

неохотно учат русский язык — отсюда и все эти скандалы. Это тот подсознательный источник, из которого берут начало тексты г. Философова. И именно то, как он подходит к этому вопросу (путём разного рода аллюзий, экивоков, намёков) — требует публичной дискуссии, поскольку имеет более общее значение. [...]

Господин Философов вместе с проф. Вацлавом Ледницким предъявляет Мицкевичу претензии за «Дорогу в Россию». Этого вопроса он вообще не должен был касаться. Этого не понять иностранцу, особенно иностранцу так сильно заинтересованному в том, чтобы защитить Россию того времени. Это очень тонкие и щекотливые вопросы, которые невозможно решить при помощи какого-то основополагающего принципа. Это прежде всего поэма, а не какой-то там «акт морального характера»^[7].

Высказанное в такой резкой манере мнение Кридля не нашло на страницах прессы того времени непосредственных продолжателей. Тем не менее примерно в это же время в журнале «Рух литерацки» вышла другая, тоже полемическая по отношению к тексту Философова статья. Юлиан Кшижановский озаглавил ее «В ловушках „Дороги в Россию“ Философов против Кляйнера»^[8]. Кшижановский предстает в ней как полемист гораздо более сдержанный и хладнокровный, чем запальчивый Кридль. К тому же, как кажется, в отличие от виленского профессора Кшижановский хотел обратить внимание на кое-что другое. Кшижановский начал описание вынесенных в заголовок «ловушек» с обширной, занимающей почти целую страницу цитаты из... собственной статьи, написанной несколько лет назад. Чтобы указать на многочисленные недоразумения в польско-русских отношениях, Кшижановский воспользовался не только собственным авторитетом, но и именем Ледницкого, замечательного польского пушкиниста.

Эта обширная, на несколько страниц, преамбула была, видимо, нужна ученому, чтобы сформулировать в конце концов следующую позицию: «Эти недочеты стали предметом огромной журналистской статьи г. Д. Философова, в пух и прах разносящего польскую науку за невежество в области русской литературы, осуждающего автора монографии за небрежность (!) при использовании русских материалов, поучающего, как польский ученый должен писать монографию о Мицкевиче»^[9].

Если в статье Кридля звучит непосредственный упрек в адрес Философова, что тот, будучи русским, вообще не имеет права

голоса в польских национальных делах высшего ранга (таких как «Отрывок», примыкающий к III части «Дзядов» Мицкевича), то Кшижановский пытается доказать, что замечания Философова в адрес Кляйнера в сущности мелки и незначительны.

«Ведь монография, — пишет Кшижановский — посвящена Мицкевичу, ведь пребывание поэта в России — лишь эпизод в его жизни изгнанника, разве в этих обстоятельствах от автора книги о Мицкевиче можно требовать, чтобы он прочувствовал вкус и запах общества декабристов?»^[10] В следующих партиях своей статьи Кшижановский приводит описание множества похожих, по его мнению, ситуаций, когда полемисты (в отличие от Философова) вели себя скромнее и с большим достоинством. В заключительной части рассуждений польского ученого можно прочесть: «Поза такого рода [т.е. позиция Философова] опять же производит довольно странное впечатление, если принять во внимание, что поучать господин Философов взялся не кого-нибудь, а самого Кляйнера, автора монографии о Словацком, а теперь еще и о Мицкевиче, в которой появилось действительно много, даже, может, чересчур много новых биографических материалов. Есть одна прекрасная латинская сентенция «*ne sutor supra creidam*», актуальность этого призыва — «сапожник, суди не выше сапога» — уж кто-кто, а любитель поиска ошибок в чужом творчестве должен принять близко к сердцу!»^[11]

Продолжение этой дискуссии, в которой по вполне очевидным причинам все меньше места занимала биография Мицкевича, состояло из целого ряда коротких публицистических высказываний Вацлава Ледницкого (решительно отмежевавшегося от взглядов Кридля и Кшижановского^[12]), того же Кшижановского^[13] и Марии Домбровской. Насколько мне известно именно статья Марии Домбровской «О хороших полемических обычаях» с сопровождающей ноткой Ледницкого стала последним эхом дискуссии Философова с Кляйнером^[14].

Скорее всего именно Домбровская уговорила Философова опубликовать польскую версию его статьи. На тему «трудной дружбы» Философова с Марией Домбровской и Станиславом Стемповским недавно писал Петр Мицнер, так комментируя описанную здесь полемику: «В защиту Философова выступила тогда Мария Домбровская, запротестовав против обвинения его в антипольских побуждениях. Она подчеркивала, что его упреки в адрес польских ученых вовсе не так уж незначительны. И наконец, полемически расправилась

с формулировкой «иностранец, живо заинтересованный в восстановлении России того времени», она подчеркивала, что Философов «не соглашался и боролся с Россией того времени, с ее строем», что со времени своего приезда в Польшу он ведет «несладкую эмигрантскую» жизнь, но при этом он открыт на польские проблемы, изучает нашу литературу и историю. Его многократно приглашали сотрудничать с польской прессой, он, однако, подчеркивал, что не хочет быть «чужаком, который вмешивается не в свои дела». В конце концов его удалось уговорить. К сожалению, замечает Домбровская, его изначальные опасения полностью подтвердились.

Философова глубоко задела обвинение Кридля. Вопрос достоверности научных исследований и публицистики всегда был для него делом весьма существенным^[15].

Представленный тут краткий набросок полемики Философов *versus* Кляйнер, быть может, не заслуживал бы особого внимания, если бы не факт, что в люблинском послевоенном издании первого тома монографии Кляйнера появилось немного новой информации на тему русского периода биографии автора «Крымских сонетов».

С 1944 г. Юлиуш Кляйнер был профессионально связан с восстановленным после войны Католическим люблинским университетом. В 1948 г. люблинское издательство «Товажиство наукове КУЛ» выпускает все три тома монографии Кляйнера о Мицкевиче (второе издание довоенного первого тома и два последующих тома, написанных позже, в 30-е годы и во время войны). На обложке первого тома виднеется лаконичная надпись «издание исправленное». Эта формула не вызывает удивления, если принять во внимание более десяти лет бурного развития мицкевиеведения, прошедшие со времени первого издания. Тем не менее особое внимание я хотела бы обратить на интересующий нас XI раздел «В чужом мире», вызвавший описанную здесь полемику. Достаточно лишь поверхностно просмотреть новые мотивы, вплетенные Кляйнером в ткань предыдущих размышлений, чтобы увидеть, какое большое значение на описание Одессы XIX века или на портреты спутников крымского путешествия Мицкевича имела вышеописанная дискуссия. В новых, необычайно обширных комментариях (иногда напоминающих миниатюрные эссе) Кляйнер воспроизводит почти всю приведенную Философовым информацию, дополняя ее выводами Аскенази, о которых говорилось выше. Правда контакты Мицкевича с декабристами автор монографии описывает, опираясь на статью Леона Подхорского-Околова,

однако остальные дополнительные источники указывают на русские архивы Дмитрия Философова и Марии Чапской.

Стоит внимательней присмотреться к этому последнему источнику. Как известно, Мария Чапская как раз в начале 30-х годов опубликовала французскую биографию Мицкевича^[16], а спустя несколько лет — ряд посвященных ему статей в польской прессе^[17]. Также в ее послевоенных эмиграционных исследованиях несколько набросков посвящены этому поэту^[18]. А в юбилейной серии «Понять Мицкевича» вышел сборник ее статей, озаглавленный *Szkice mickiewiczowskie* [«Мицкевичевские заметки»], с послесловием Эльжбеты Кисьляк. Однако довольно редко упоминается о ее наставнике, который — скорее всего — и вдохновил ее написать об авторе «Дзядов».

Философов был близко связан с братом и сестрой Чапскими (Юзефом и Марией); с Юзефом он познакомился еще в Петербурге. Их контакты оживились после эмиграции Философова в Польшу. Именно тогда Философов начал вести нечто вроде воспитательной работы по отношению к обоим Чапским. Он видел в них «материал» на хороших, ценных для общества людей, однако при этом умел оставаться по отношению к ним весьма критичным. Петр Мицнер описывает характер этих отношений: «Воспитательные методы Дмитрия Владимировича были весьма суровы, но Чапские принимали их со смирением, до самого конца он оставался для них обоих «мастером»^[19]. [...]

«Дмитрий Философов был для Чапских волшебником, вождем, старцем Зосимой, иерихонской трубой (которую никто не слышал), гурманом высочайшего класса, человеком, к советам которого — даже самым жестким — прислушивались»^[20].

Особенно много внимания нужно было посвятить, по мнению Философова, Марии Чапской, Марыне. Именно так редактор «Молвы» писал о ней в письмах к Станиславу Стемповскому и Марии Домбровской: «Я мечтал сделать из нее полезную пчелу-работницу. [...] Что касается посредственности Марыни, то многого от нее я и не требую. Я просто хочу, чтобы она наконец села в трамвай и поехала. [...] Марыня. Хороший и искренний материал. Но... ведь это «верба» и груши на ней не вырастут! Она никак не хочет понять, что настоящая верба для нас, людей севера, — святое и прекрасное дерево, связанное с детством. А эти груши, к которым она стремится, — кислые, дикие и бесполезные [...]»^[21].

Совершенно очевидно, что посвященные Мицкевичу заметки Чапской (как межвоенные, так и послевоенные) появились под мощным влиянием Философова. Фигура «ковенской Венеры», т.е. супруги доктора Ковальского (которую много лет спустя так красочно описал Ярослав Марек Рымкевич в «Колтуне»^[22]); «подозрительные крымские спутники» Мицкевича и «свидетели Божьего Дела» — это именно те фрагменты биографии Мицкевича, к изучению которых так настойчиво призывал Философов. Впрочем, даже самого поверхностного взгляда на статью Марии Чапской об одесских и крымских знакомых Мицкевича будет достаточно, чтобы заметить явственную и глубокую связь с вышеописанной статьей Философова.

Может удивлять факт, что в индексе *Szkićów mickiewiczowskich* Чапской нет фамилии Философова. Она нигде напрямую не отсылает к статье своего учителя, не цитирует его, нигде не подчеркивает его заслуги в области исследований жизни и творчества Мицкевича. Мы можем только предполагать, что причина кроется не столько в неблагодарности Марии Чапской, сколько, скорее, в скромности самого Философова. Скромности, с которой он посвятил статью «Мицкевич в Турции», опубликованную на страницах «Меча» — Марии Чапской^[23].

Трудно однозначно оценить роль, которую Дмитрий Философов сыграл в развитии польских исследований жизни и творчества Мицкевича. Если говорить исключительно о «люблинской школе», то, конечно, его влияние на Кляйнера — несомненно. Естественно, мы можем считать, что и без исследований русского публициста и его горячих воззваний к польским историкам литературы с течением времени фигуры супруги доктора Ковальского, Каролины Собаньской, ген. Яна Витта, Бошняка и Хенрика Жевуского рано или поздно все равно были бы исчерпывающе изучены и описаны. Неизвестно, однако, нашлось ли бы для них место в люблинском повторном издании «Истории Густава», о которой издатель в 1995 году написал: «Здесь старательно собрано все ценное, что было сказано о Мицкевиче»^[24].

Перевод Ирины Лаппо

1. «Молва», 1934, nr 11, 12, 1317, 18, 19, 20.

2. Dmityrj Filosofov o monografii prof. Kleinera. Prof. Askenazy o

- komanji krymskiej Mickiewicza, „Wiadomości Literackie”, 1934, nr 6, s. 5.
3. Dymitr Fiłosofow, Mickiewicz w Odesie i na Krymie. Na marginesie dzieła prof. J. Kleinera o Mickiewiczu, „Przegląd Współczesny”, nr 142, luty 1934, s. 266.
 4. Там же, с. 268–269.
 5. Там же, с. 292.
 6. Manfred Kridl, Niepowołany mentor, „Wiadomości Literackie”, 1934, nr 11, s. 5.
 7. Там же.
 8. Julian Krzyżanowski, Na manowcach „Drogi do Rosji”. Fiłosofow versus Kleiner „Ruch Literacki” 1934, nr 3.
 9. Там же, с. 67.
 10. Там же, с. 69.
 11. Там же, с. 71.
 12. См. Wacław Lednicki, „Kropka nad i”, „Przegląd Współczesny”, z. 144–146, s. 307.
 13. См. Julian Krzyżanowski, Jeszcze o „Drodze do Rosji”, „Ruch Literacki”, 1934, nr 5, s. 160.
 14. Maria Dąbrowska, O dobre obyczaje polemiczne, „Wiadomości Literackie”, 1934, nr 13, s. 15.
 15. Там же, с. 106–107.
 16. La vie de Mickiewicz, Paris 1931.
 17. Dokumenty i legendy, „Ruch Literacki” 1934, nr 5. Kowieńska Wenera, „Droga” 1932, nr 12. Jeszcze o Odessie i towarzyszach podróży krymskiej Mickiewicza, „Przegląd Współczesny”, 1935, nr 154. Mickiewicz w okresie pisania „Pana Tadeusza”, „Pion” 1934, nr 27.
 18. Kraj lat dziecińczych, „Życie” (Londyn) 1955, nr 12. Świadkowie „Sprawy Bożej”, „Kultura” (Paryż) 1960, czerwiec. Pierwsi przyjaciele Francuzi, w: Adam Mickiewicz. Księga w stulecie zgonu, Londyn 1958. Stosunek Mickiewicza do religii i kościoła w świetle jego korespondencji i przemówień, w: Sacrum Poloniae Millenium, t. 2, Rzym 1955.
 19. Piotr Mitzner, Fiłosofow i Czapscy, dz. cyt., s. 51.
 20. Там же, с. 76.
 21. Фрагменты писем цит. по: Piotr Mitzner, Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa, dz. cyt., s. 72–73.
 22. M. Rymkiewicz, Żmut, Instytut Literacki 1987.
 23. «Молва» 1932, nr 113, 119, 125, 131. Польское издание: Dymitr

Fiłosofow, Mickiewicz w Turcji, tłum. E. Skalińska, w: Dymitr Fiłosofow, Pisma wybrane, t. 2, Rosjanin w Polsce (1920–1936), wybór i opracowanie Piotr Mitzner, Warszawa 2015.

24. Od wydawcy, w: Juliusz Kleiner, Mickiewicz, t. 1., Dzieje Gustawa, wyd. poprawione, Lublin 1995, s. VII.

Иван Вырыпаев — польский период жизни и творчества

Нашедший в Польше свой дом специалист по русской душе. Востребованный драматург, режиссер, успешно ставящий собственные тексты и русскую классику. Его интересуют отношения людей как с Богом, так и с инопланетянами. Русский, но уже немного поляк. Иван Вырыпаев.

Родившийся в Иркутске в 1974 году Иван Вырыпаев — один из важнейших представителей современного русского театра. Хотя на родине он пользовался успехом, получил множество наград (в том числе «Золотую маску»), руководил московским театром «Практика», снимал фильмы («Кислород» и «Эйфория» получили мировое признание), однако его самые известные пьесы (такие как «Кислород», «Июль» и «Книга Бытия 2») в России не ставятся. А вот на берегах Вислы он — в центре внимания. И, несомненно, Вырыпаев — один из самых известных в Польше современных театральных деятелей из России.

В польском театре он выступает в трех ролях — драматурга, постановщика собственных текстов и режиссера, заново открывающего польской публике классические русские пьесы. Его польская история началась в 2003 году, когда он приехал на фестиваль «Контакт» в Торуни со своим спектаклем «Кислород». С тех пор пьесы Вырыпаева ставятся в Польше регулярно. Сегодня его спектакли можно увидеть в самых разных городах Польши — в Щецине и Гданьске, в Варшаве и Ольштыне, во Вроцлаве и Ченстохове. Число премьер по его текстам исчисляется десятками. Пьеса «День Валентина», написанная по заказу актрисы Екатерины Васильевой и, мягко говоря, не входящая в число его любимых текстов, ставилась уже одиннадцать раз, «Кислород» — шесть, столько же — «Иллюзии» (считая спектакль Театра Телевидения)^[1]. К его пьесам обращаются лучшие польские режиссеры, такие как Лукаш Кос, Агнешка Ольстен, Михал Задара и Агнешка Глинская. Его фильмы были по достоинству оценены на важнейших польских фестивалях: «Эйфория» получила в 2006 году Гран-при Варшавского кинофестиваля, а

«Кислород» — приз зрительских симпатий на вроцлавском фестивале «Новые горизонты».

Живет Вырыпаев вместе с женой, польской актрисой Каролиной Грушкой, в престижном варшавском районе Саская Кемпа. Он часто бывает в России, но именно в Польше живет его семья, тут он растит дочь и здесь хранятся его зимние ботинки, как он сам сказал в одном из интервью. Вместе с женой они многое делают для сближения польского и русского народов — в России рассказывают о Польше, в Польше — о России. В 2013 году режиссер получил почетный диплом от руководителей МВД России и Польши за работу в области сближения стран в сфере культуры.

Самое важное — это контакт

Как-то в интервью журналу «Театр» Вырыпаев сказал: «Честно говоря, я не особенно хочу быть режиссером, может, даже не умею им быть. Я ставлю спектакли, потому что для меня важно, чтобы моя пьеса прозвучала со сцены так, как я ее придумал, когда писал. Я до сих пор не вижу никого, кто мог бы сделать это вместо меня. Не в смысле «таланта», а в смысле «соответствия» тому, чего я как драматург ожидаю. Я вижу, что в театрах мои пьесы еще не совсем поняты, я имею в виду не раскрытие темы, а способ существования на сцене»^[2].

Вырыпаев чувствует себя прежде всего писателем, однако, как сам утверждает, другие режиссеры не в состоянии передать со сцены то, что (и как) хочет сказать он сам. Поэтому, несмотря на несомненный успех его востребованной в польском театре драматургии, мы сосредоточимся на его постановках.

Первым спектаклем, который Вырыпаев поставил в Польше, был «Июль». Премьера состоялась в варшавском Театре на Воле в 2009 году и была с энтузиазмом встречена как зрителями, так и критиками. Представление получило множество премий и наград: пьесу отметили на фестивале «Божественная комедия», а спектакль получил гран-при на Международном смотре «Контрапункт» в Щецине. В ежегодном подведении итогов сезона журнала «Театр» критики восьмикратно назвали этот спектакль «лучшим представлением сезона»^[3].

Критики восхищались Каролиной Грушкой — писали о «рождении актрисы» и о самой удивительной и невероятно сложной роли последних сезонов. В «Июле» перед «исполнителем текста» Каролиной Грушкой действительно стояла весьма трудная задача — рассказать историю

шестидесятитрехлетнего Петра — психически больного каннибала. Этот спектакль — хороший пример, показывающий, в чем же заключается творческий метод Вырыпаева. Можно заметить много похожего в театре русского режиссера и театре Брехта, главным образом это касается концепции актера и театрального персонажа. Очень важный элемент спектакля — сам способ подачи материала, то, как его рассказывают, потому что героем здесь является сам текст. Театр текста, с которым мы имеем дело в «Июле», — это выведенный на сцену нарратив, верное воссоздание текста пьесы (Вырыпаев считает, что пьесы должны ставиться в театре полностью, без сокращений). Актриса не пытается перевоплотиться в каннибала, хотя написанный от первого лица монолог предполагает такое решение. Она даже не пытается говорить его голосом, а мелодичная интонация, с которой она произносит текст, лишь подчеркивает театральность ситуации. Появляется некоторое смешение ролей, Грушка как бы играет данное поведение, но это скорее чувства рассказчика, которому судьба героя по ходу рассказа становится все более близкой. Актриса не перевоплощается в персонажа, о котором рассказывает, потому что рассказывает о нем публике, не теряя с ней контакта и разрушая театральную четвертую стену.

И именно в этом суть вырыпаевского метода — в контакте, который заключается не в том, что актер просто смотрит на зрителей, а в том, что они взаимно чувствуют присутствие друг друга. Самое важное для режиссера — присутствие живого человека на сцене и живого человека в зале и их встреча. Актер не притворяется, что он — этот персонаж, но подчеркивает, что в него перевоплощается в конкретной театральной ситуации и для конкретной цели — рассказать историю, привлечь внимание к какой-то проблеме.

Новый тон

Вырыпаев хочет изменить актерскую игру и способ коммуникации в театре. От актеров он ожидает нового подхода и нового сознания. Свой метод он последовательно реализует во всех спектаклях. После успеха «Июля» он ставит в 2010 году в варшавском театре «Народовы» спектакль «Танец Дели», сюжет которого также основан на повествовательном аспекте. Описание спектакля немного вносит в его понимание — с формальной точки зрения это семь одноактных пьес, в которых представлена история любви и страданий с перспективы

каждого героя. Действие пьесы происходит в больничном зале ожидания, где встречаются близкие пациентов, а их страдание выражает танец Дели, придуманный танцовщицей Екатериной. Вырыпаев вновь разрушает четвертую стену: актеры, играющие в стиле мелодрамы, обращаются непосредственно к зрителям, а технический персонал меняет декорации прямо по ходу спектакля. Театральность и искусственность этого суррогатного мира всячески подчеркивается, жесты и мимика актеров утрированы, занавес опускается под звуки заранее записанных оваций. Юлия Холевиньская писала: «Однако, если бы «Танец Дели» был всего лишь формой игры с театральным стилем или формой, нельзя было бы сказать, что получился прекрасный новаторский спектакль, который я считаю одним из самых важных спектаклей последнего времени из всех сыгранных на главной сцене страны. При помощи сознательно используемой театральности и искусственности Вырыпаев ставит важные вопросы о сущности театра и актера». На второй спектакль режиссера приходили толпы зрителей, а самые выносливые — в том числе автор этого текста — стояли в многочасовых очередях за входными билетами на стоячие места.

Прежде чем Вырыпаев поставил свой третий польский спектакль, за первые два он получил — совместно с Каролиной Грушкой — премию «Вдехе»^[4] — награду за достижения в области культуры, которую присуждает популярная в Польше «Газета выборча». В вердикте жюри можно было прочитать: «Это актриса и режиссер, ищущие новый театральный язык, нарушающие границы и не поддающиеся веяньям театральной моды».

Очередным спектаклем в постановке Вырыпаева, где явственно видны следы этих поисков, стали «Иллюзии», которые шли потом также в пяти других театрах, в том числе самый знаменитый из них в Театре на Воле в постановке Агнешки Глинской, признанный событием театральной жизни страны. На основе этого спектакля была снята телевизионная версия. Режиссер так говорила о своей увлеченности творчеством Вырыпаева: «У меня впечатление, что это такой драматург, появления которого польский театр ждал уже давно. Кто-то, кто полной горстью черпает из традиции, а одновременно затрагивает самые современные болевые точки. Говорит о самых тонких, самых болезненных вещах. Самых важных. Кроме того, у него невероятная способность устанавливать взаимопонимание между зрительным залом и сценой. Его театр рождается на этом мосту, переброшенном между публикой и актерами»^[5].

Сам автор поставил свою пьесу о сложных любовных отношениях двух семейных пар в Краковском национальном «Старом театре» в 2012 году. Лукаш Древняк написал об этой пьесе: «Такая пьеса случается раз в сто лет. А может и реже. «Иллюзии» Ивана Вырыпаева сразу заявляют о своей нетеатральности, притягивают зрителя простотой формы, коварно создают видимость, что возможно интеллектуальное и эмоциональное восприятие одновременно. Они повествуют якобы о природе любви, а на самом деле ставят вопрос о смысле и структуре видимого мира». Критик не жалел похвал для спектакля в постановке автора и всей деятельности Вырыпаева в польском театре: «Краковская премьера этого текста — это третья польская премьера Вырыпаева. И уже видно, что он — как режиссер, автор и властитель театральных дум — это лучшее, что могло случиться в польском театре со времен экспансии немецких сценических приемов. Он привнес абсолютно новый тон»^[6].

Контакт со вселенной

Новый тон прозвучал также в его очередном представлении, поставленном вначале как дипломный спектакль студентов четвертого курса актерского отделения Высшей театральной школы в Кракове, а потом включенном в репертуар варшавского Театра Студии. «UFO. Контакт» — это спектакль о пришельцах, а вернее — о людях, которым довелось вступить в контакт с чужой цивилизацией, или, как называет это сам Вырыпаев, для которого чужая цивилизация — это одна из любимых тем, — с высшим разумом, более высокой ступенью эволюции^[7]. Режиссер обратился к технике вербатим, которую практиковал когда-то в московском Театре.doc, то есть к технике основанной на перенесении на сцену аутентичных историй — пьесы пишутся на базе интервью, которые драматурги проводят со своими будущими героями. Так задумывалась (первоначально) и пьеса Вырыпаева, который признавался: «Идея была в том, что я встречался с людьми, которые вступили в контакт с пришельцами. Это были люди из разных стран и континентов: из Австралии, США, Англии, России и даже Польши. Люди рассказывали мне о своих контактах с внеземной цивилизацией и о том, как в результате этого контакта изменилась их жизнь, их взгляд на окружающий мир и свое место в этом мире»^[8].

Главная цель театра вербатим — максимально приблизиться к действительности, которая показывается без театрального

пафоса и возвышенности, со всей своей грязью и неприглядностью. Однако после просмотра спектакля Вырыпаева оказывается, что режиссер в определенном смысле нас обманул. Актеры рассказывали вовсе не настоящие истории, герои, в которых они перевоплощались были полностью плодом воображения автора, так же как весь сюжет. Истории о встречах с инопланетянами нужны были ему, чтобы поднять некоторые вопросы, касающиеся веры, и описать некий метафизический или даже мистический опыт, который может стать уделом человека. Зрителей обманули, но, вероятно, они поняли смысл этого приема. Как написал Яцек Вакар: «Все потому, что театр в его понимании, хотя и говорит о самых важных вещах, имитировать жизни не должен. Лучше, чтобы он, воспользовавшись иллюзией, искусственностью, стал настоящим эквивалентом этой жизни. Такова программа максимум Ивана Вырыпаева, которую он претворяет в жизнь с удивительной последовательностью и весьма результативно»^[9].

Вырыпаевский метод работы с актером просматривается также в этом спектакле. Актеры выходят на сцену как частные лица, после чего объявляют, что сейчас перевоплотятся в конкретных, реальных людей, называют их фамилии, профессию, место жительства. Садясь на стул, они превращаются в данного человека, рассказывают своим голосом его историю, однако зрители знают, что все это — иллюзия, сценическая игра, что актер, который только что вышел на сцену под собственным именем не превратился в персонажа, а только представляет его, только одолжил ему свой голос. Он показывает нам один из вариантов, как можно сыграть этого персонажа. Актер в спектакле «UFO. Контакт» не пытается создать убедительный образ персонажа, перевоплотиться в него — он едва маркирует этот образ. В задачу актера входит лишь передача определенных идей, плодов размышлений. Чьих? Конечно же, автора.

Автор-режиссер после этого четвертого спектакля получил очередную важную награду — паспорт «Политики» в номинации «Театр». Группа важнейших польских театральных критиков признала ему эту премию за «создание полных поэзии и духовности сценических миров, существующих по собственным удивительным законам. Его театр является реальным антидотом публицистической ангажированности и сиюминутности польских представлений. Вопреки моде создатель этого театра верит в силу повествования и в железную конструкцию театра, умеет добыть новый тон из актера, экспериментируя с его сценическим «я». А также за то,

что «напоминает польскому театру, что сценическое искусство может быть также поэзией»^[10].

Поражение или хит?

Очередной спектакль Вырыпаев ставит в Театре Студио в 2013 году. Это была «Женитьба» Николая Гоголя. Здесь он также обратился к своим методам работы с актерами, которые играли условно, быстро произнося реплики, утрируя экспрессивную мимику и жестикуляцию. Костюмы также были решены в гротескном ключе — Каролина Грушка, исполняющая роль Агафьи, была одета в розовое платье с очень пышными рукавами, на голове у нее был огромный белый парик, а на лице красовался приклеенный искусственный нос. В своей интерпретации Вырыпаев старался подчеркнуть другую сторону этого произведения, которое в Польше всегда воспринималось как типичная комедия, и показать Гоголя, в котором поляки видят прежде всего комедийного автора, как писателя-мистика. Для этого в глубине сцены режиссер разместил женский хор, исполняющий церковные песнопения.

Эта была первая постановка, в которой Вырыпаев работал не со своим текстом. Переосмысление классической пьесы разделило критиков. Эльжбета Банцевич писала: «Самым слабым проектом Вырыпаева мне кажется «Женитьба» Гоголя в Театре Студио, поскольку принятая режиссером форма оказалась важнее того, чему должна быть подчинена. (...). Недостаточно убрать четвертую стену, чтобы Гоголь зазвучал свежо. Поражение режиссера с «Женитьбой» доказывает, что ключ, который он с успехом использовал при постановке собственных текстов, вовсе не универсален. Инсценировка классики, чтобы она резонировала с современностью, требует, видимо, иных приемов»^[11]. Однако спектакль получил также множество положительных рецензий и пользовался популярностью у зрителя. Яцек Цесьляк, подводя итоги 2013 года, внес Вырыпаевскую «Женитьбу» в категорию «Хиты», так аргументируя свой выбор: «Русский режиссер демонстрирует железную дисциплину в области формы, а актерам Театра Студио дает шанс создать образы живописных гоголевских персонажей. Мы видим отсылающую к классицизму, горькую и поучительную комедию об аде, который устраивают друг другу люди в раю любви»^[12].

И кое-что еще о контакте

После «Женитьбы» Вырыпаев возвращается к постановкам собственных текстов. Премьера пьесы «Невыносимо долгие объятия», поставленная совместными усилиями варшавского театра «Повшехны» и краковского театра «Лазня нова», открыла фестиваль «Божественная комедия» в 2015 году. Спектакль с энтузиазмом приняли в Кракове, а в Щецине, на фестивале «Контрапункт» он получил гран-при. О варшавской премьере ксендз Анджей Лютер написал, что она стала для него откровением^[13], а Витольд Мрозек в своей рецензии для «Газеты wyborчей» утверждал: «Точность, доведенный до совершенства ритм, постоянные игры с дистанцированием — все это гипнотизирует публику. Вырыпаев, как это обычно бывает у Вырыпаева, немного занят поисками метафизики, немного изображает русского поэта-мистика в расколдованном, тоскливом и холодном мире. Современная действительность для него — «использованный целлофановый пакет», «пластик», а жизнь проходит «за стеклом». Тем не менее, с этой действительностью он прекрасно справляется»^[14].

Этот спектакль в определенном смысле является продолжением «Июля», поскольку схожим образом в нем смешаны красота и жестокость, просматриваются общие черты также со спектаклем «UFO. Контакт» — герои также выходят на контакт с иной галактикой. «Невыносимо...» — это история четверых несчастных потерянных людей, живущих в Берлине и Нью-Йорке — городах-символах современного западного мира. Герои экспериментируют с наркотиками и сексом, одновременно стремясь к глубокой духовности. Вырыпаев, с одной стороны, насмехается над пустой жизнью большого города, а с другой, — показывает, что его жители тоже стремятся к метафизике, к контакту с иными и с самими собой.

Очередной этап деятельности Вырыпаева в Польше — это поворот в сторону комедии и сотрудничество с частными театрами. В 2016 году он поставил в частном театре Кристины Янды «Полония» спектакль «Солнечная линия». В спектакле традиционно сыграла Каролина Грушка, а вместе с ней на сцену должен был выйти сам драматург, режиссер и муж в одном лице, однако, оказалось, что его польский не настолько свободен, чтобы автор смог справиться с собственным — перегруженным словами — текстом. В конечном итоге мужскую роль сыграл хорошо известный в основном благодаря польскому кинематографу актер Борис Шиц.

Спектакль посвящен теме коммуникации между людьми, его структура напоминает психотерапевтический сеанс. Сюжет рассказывает о супружеском конфликте и попытках его разрешения прямо на глазах у зрителя. Супруги стараются разобраться в своих запутанных отношениях, исправить оборванные связи и простить друг друга. Несмотря на то, что пьеса касается трудных тем, написана она с невероятной легкостью и чувством юмора, а динамичный ритм поддерживается возвращающимися мотивами, напоминающими музыкальные фразы. «Это мудрая и глубокая пьеса», — озаглавил свою рецензию Витольд Садовы, а Лукаш Мацеевский отметил: «Иван Вырыпаев написал одну из лучших на данный момент пьес. Она универсальна, как классические пьесы Теннесси Уильямса, Эдварда Олби и Артура Миллера, она годами не будет сходить с польских, а вернее всего, также европейских сцен. (...). Премьерное распределение ролей идеально иллюстрирует замысел режиссера. Грушка и Шиц выкладываются по полной, заполняя театр конгломератом эмоций, которые то бурно вырываются наружу, то притихают, затаившись»^[15].

Классически, то есть авангардно

В 2017 году осевший в Польше Иван Вырыпаев подготовил спектакль в честь 73-й годовщины Варшавского восстания — «Чеченский дневник» Полины Жеребцовой, теперь уже известной писательницы, которая в подростковом возрасте описала свое детство и юность, пришедшиеся на период военных действий в Чечне. Дневник читает выдающийся польский актер Анджей Северин, а спектакль, в котором он выступает, не касается непосредственно самого восстания — скорее подчеркивает, что война всегда одна и та же, используется только разное оружие, а трагедия людей болит всегда одинаково. Благодаря этому приему Вырыпаев показал универсальность страдания. Кроме того, ему удалось избежать прямого высказывания в дискуссии на тему, был ли смысл в Варшавском восстании, поскольку, как сам он утверждает, это история польского народа и это польский народ должен дать ответ на этот вопрос. В интервью перед годовщиной он сказал: «Мы должны найти другой, чем война, способ решать проблемы. Я не знаю, как это сделать. Но я знаю, что лично я могу для этого сделать: я могу рассказывать в театре о боли и страдании. Мой спектакль посвящен всем тем, кто когда-либо отдал свою жизнь на войне. Неважно, на чьей стороне они воевали. Умирали они одинаково»^[16]. Спектакль, показанный в рамках празднования годовщины в Музее Варшавского

восстания, транслировался по телевидению, и зрители могли посмотреть его на канале «Культура».

Последний спектакль русского режиссера, поставленный в Польше, — это «Дядя Ваня» Чехова. Премьера состоялась в столичном «Театре польском» в 2017 году. Режиссер признался, что раньше его не тянуло к этой литературе, это было его первое обращение к Чехову. И лишь во время репетиций ему открылась вся гениальность этих пьес. «После работы над этой пьесой я начал даже подумывать, а не следует ли мне бросить писать»,^[17] — признался режиссер. Вырыпаев отдал голос автору слово за словом, он хотел, чтобы публика познакомилась с классическим текстом целиком, без сокращений. Актеры, однако, не играют классически, не выстраивают глубоких психологических портретов, но декламируют текст, подчеркивая искусственность театральной ситуации. Критика приняла спектакль с восторгом. Томаш Домагала написал в своем блоге: «Вырыпаев сделал прекрасный спектакль. До меня доходят слухи, что это чисто классический спектакль, но я бы с этой формулировкой повременил. Ведь «Дядя Ваня» Вырыпаева лишь на первый взгляд кажется классическим. Или скажу иначе: он настолько классический, что просто авангардный. Для меня это прежде всего представление-зеркало, отражающее то, что перед ним поставлено. (...) Смотреть на результаты этой работы на данном этапе — чистое наслаждение!»^[18].

Ивану Вырыпаеву сопутствуют театральные и кинематографические успехи во всем мире, однако в основном он работает в Польше. Он влюблен в польку и, несомненно, в Польшу. Он рассказывает здесь о России и его охотно слушают. Какие следующие шаги предпримет на берегах Вислы русский режиссер?

В польской театральной среде уже неоднократно кружили сплетни, что Иван Вырыпаев станет директором какого-нибудь важного театра, но слухи остались слухами. Самому заинтересованному этот сценарий кажется вполне вероятным, в одном из интервью он признается: «Я охотно принял бы предложение руководства театром в Польше, но с некоторыми условиями. Я хотел бы, чтобы такой театр мог быть институцией культуры (...). Как художника, меня интересует создание драматургического театра, которого остается, увы, все меньше. Я боюсь это сказать, но скажу — он просто вымирает. Тем временем драматургический театр вполне может быть коммерческим»^[19]. Режиссер ставит условия, выполнение которых вполне реально. Театр под его руководством — если

это все же произойдет — будет настоящей художественной лабораторией, местом поисков, неограниченных постоянным актерским составом. И наверняка, это будет святыня драматургии, где автор сможет дальше работать над своей оригинальной театральной эстетикой. Да будет так!

1. Данные почерпнуты из «Энциклопедии польского театра» [электронный ресурс: www.encyklopediatetarupolskiego.pl].
2. I. Wyrypajew, Kontakt to dziś najlepszy biznes, rozmowę przepr. J. Korpiński, „Teatr” 2012, nr 7–8.
3. Najlepszy, najlepsza, najlepsi w sezonie 2009/2010, „Teatr” 2010, nr 9.
4. Вдехе — досл. «в доску», в молодежном сленге — высшая форма похвалы.
5. A. Glińska, Wyrypajew według Glińskiej, rozmowę przepr. D. Wyżyńska, „Gazeta Wyborcza” 6.09.2011.
6. Ł. Drewniak, Iluzoryczny spokój, „Przekrój” 2012, nr 24.
7. I. Wyrypajew, Rosja zawsze ma trudny czas, rozmowę przepr. M. Cieślak, „Wprost” 2015, nr 51.
8. I. Wyrypajew, opis spektaklu «Ufo. Kontakt». Интернет-страница Театра Студии www.teatrstudio.pl.
9. J. Wakar, Porozmawiaj w nim, „Dziennik Gazeta Prawna” 2012, nr 251.
10. Paszporty 2012, www.polityka.pl.
11. E. Baniewicz, Wyrypajew — zdzieranie iluzji, „Twórczość” 2013, nr 6.
12. J. Cieślak, Teatr sporu o mur graniczny — hity, kity i skandale 2013, www.rp.pl.
13. Ks. A. Luter, Bóg czasem kąsa, „Teatr” 2016, nr 7.
14. W. Mrozek, Iwan Wyrypajew superstar. "Niežnośnie długie objęcia" w Warszawie!, „Gazeta Wyborcza” 04.05.2018.
15. Ł. Maciejewski, Z dziurą w duszy, [электронный ресурс: <http://teatrpolonia.pl/pr/333076/z-dziura-w-duszy>].
16. I. Wyrypajew, Nie romantyzuję wojny, rozmowę przepr. P. Gruszczyński, „Gazeta Wyborcza – Stołeczna” 2017, nr 29.
17. I. Szymańska, Czechow według Wyrypajewa. W obsadzie: Gruszka, Stuhr i Seweryn. Premiera w Teatrze Polskim, [электронный ресурс: <http://cojestgrane24.wyborcza.pl>].
18. P. Domagała, Mów mi wuju — O „Wujaszku Wani” w reż. Iwana Wyrypajewa w Teatrze Polskim w Warszawie, [электронный ресурс: <http://domagalasiekultury.pl>]

19. I. Wyrpajew, Teatr złożony z czułości, rozmowę przepr. M. Nocuń, „Tygodnik Powszechny” 2016, nr 7.